

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Южному федеральному округу. Свидетельство о регистрации ПИ №ТУ23-01556.

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки РФ по научным специальностям: 5.2.1. Экономическая теория, 5.2.4. Финансы, 5.2.5. Мировая экономика.

Зарегистрирован в системе Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ). Подписной индекс в каталоге «Почта России» — П2920. **Статьи рецензируются.**

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Редакционный совет:

Ю.В. Вертакова, д-р экон. наук, профессор, профессор Курского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (г. Курск, Российская Федерация);

Н.Г. Кузнецов, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой экономической теории ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Е.Л. Логинов, д-р экон. наук, профессор РАН, зам. директора Института экономических стратегий (г. Москва, Российская Федерация);

И.А. Перонко, д-р экон. наук, профессор, заслуженный экономист РФ, проректор по развитию ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина» (г. Краснодар, Российская Федерация);

Ю.И. Трещевский, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономики и управления организациями ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (г. Воронеж, Российская Федерация);

Л.С. Шаховская, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики и экономической теории ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет» (г. Волгоград, Российская Федерация);

Р.Т. Адильчаев, канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой «Экономика» Каракалпакского государственного университета им. Бердаха (Республика Узбекистан, г. Нукус);

А.Б. Карбекова, д-р экон. наук, и.о. профессора, координатор Центра поддержки технологий и инноваций Жалал-Абадского государственного университета им. Б. Осмонова (Кыргызская Республика, г. Жалал-Абад);

В.В. Пузиков, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансов и менеджмента Института бизнеса Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск);

Г.Л. Саргсян, д-р экон. наук, профессор, декан факультета экономики и управления Ереванского государственного университета (Республика Армения, г. Ереван);

Е.П. Шустова, д-р экон. наук, MBA, проректор по международному сотрудничеству университета им. А. Бокейханова (Республика Казахстан, г. Семей).

Главный редактор:

И.В. Шевченко, д-р экон. наук, профессор

Зам. главного редактора:

Ю.Н. Александрин, канд. экон. наук, доцент

Е.М. Егорова, канд. экон. наук, доцент

А.К. Кочиева, канд. экон. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Е.Н. Александрова, канд. экон. наук, доцент

А.А. Воронов, д-р экон. наук

Л.А. Воронина, д-р экон. наук, профессор

Г.Г. Вукович, д-р экон. наук, профессор

Ж.Д. Дармилова, д-р экон. наук, профессор

Л.Н. Дробышевская, д-р экон. наук, профессор

Л.И. Егорова, д-р экон. наук, профессор

А.А. Кизим, д-р экон. наук, профессор

М.Е. Листопад, д-р экон. наук, доцент

К.О. Литвинский, канд. экон. наук, доцент

В.И. Милета, канд. экон. наук, доцент

О.В. Никулина, д-р экон. наук, доцент

М.В. Плешакова, канд. экон. наук, доцент

Корректурa: И.А. Зиновская

Верстка: А.М. Иваненко

Адрес редакции и издателя журнала:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 236

тел. (861) 219-95-53; e-mail: econ_tp@mail.ru

<http://econ.kubsu.ru/econtp.html>

Подписано в печать 10.03.2023. Дата выхода в свет 21.03.2023.

Печать цифровая. Формат 60x84 1/8. Уч.-изд. л. 13,7.

Тираж 500. Свободная цена. Заказ № 5195.

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре

Кубанского государственного университета

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149,

тел. (861)219-95-51

© Кубанский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИНВЕСТИЦИИ

Шевченко И.В., Хубутия Н.В.

Формирование механизма инвестиционного обеспечения отечественных предприятий судостроительной отрасли 3

Колодня Г.В.

ESG-трансформации в российском бизнесе 10

Кашина О.И., Буянова Е.М.

Методический инструментарий оценки инвестиционной привлекательности облигационных займов 17

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Кольцова А.А., Старобинская Н.М.

Человеческий потенциал устойчивого развития: региональные диспропорции 24

Бабенко И.В., Бабенко А.И.

Устойчивость деятельности ведущих операторов страхового рынка России и Краснодарского края 31

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Кочиева А.К.

Реальный сектор экономики России: тенденции, проблемы и направления развития 36

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Левченко К.К.

Экосистемный подход к развитию туризма в условиях технологических трансформаций 42

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Матвиенко И.И.

Экологическое налогообложение России в «зеленой» экономике 49

Лычева И.М., Молчанова В.А.

Бюджетные правила: классификация и перспективы дальнейшего применения 56

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Милета В.И.

Финансовая безопасность домохозяйства: бедность и прожиточный уровень 64

БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Ермоленко О.М.

Концепция управления кредитными рисками в условиях нестабильности 72

КОРПОРАТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Шибалева Н.А.

Управление по целям и управление по смыслам как альтернативные технологии менеджмента в условиях трансформационной экономики 81

МАРКЕТИНГ

Тимакова Р.Т.

Поколенческий подход в современном гостиничном сервисе 86

Воронина Л.А., Хоружин В.И.

Роль искусственного интеллекта в развитии маркетинговой экосистемы медицинского бизнеса России 94

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Драмарецкая Я.В.

Новый взгляд на развитие внешнеэкономических отношений стран в условиях современных интеграционных процессов 101

ABSTRACT 104

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ 114

The Journal is registered by the Federal service for supervision in the sphere of communications, information technology and mass communications of the Southern federal district. Registration certificate PI №TU23-01556. The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in which the results of dissertations for the degree of candidate (Doctor) of sciences in scientific specialties should be published: 5.2.1. Economic theory, 5.2.4. Finance, 5.2.5. World Economy. Subscription Index — П2920.

The articles are reviewed

Founder and Publisher:

The state institution of higher education «Kuban State University»

Editorial Board:

Yu. V. Vertakova, Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Kursk, Russian Federation);

N. G. Kuznetsov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Economic Theory, Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don, Russian Federation);

E. L. Loginov, Doctor of Economic Sciences, Professor of RAS, Deputy Director, Institute of Economic Strategies (Moscow, Russian Federation);

I. A. Peronro, Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Honored Economist

of the Kuban, Vice rector for strategic development Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation);

Yu. I. Treshchevsky, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Department of Economics and Management of Organizations, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation);

L. S. Shakhovskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of World Economy and Economic Theory Department of Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation);

R. T. Adilchaev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Economics Department Karakalpak State University named after Berdakh (Nukus, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan);

A. B. Karbekova, Doctor of Economic Sciences, Acting professors, Coordinator of the Technology and Innovation Support Center Jalal-Abad State University named after B. Osmonov (Jalal-Abad, Kyrgyz Republic);

V. V. Puzikov, Doctor of Economic Sciences, Full Professor, School of Business of Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

G. L. Sargsyan, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean of the Economics and Management Faculty, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia);

E. P. Shustova, PhD, MBA, Vice rector for international cooperation, Educational institution «Alikhan Bokeikhan University» (Semey, Republic of Kazakhstan).

Editor:

I. V. Shevchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor

Deputy Editor in Chief:

Yu. N. Aleksandrin, Ph. D. in Economics, Associate Professor

E. M. Egorova, Ph. D. in Economics, Associate Professor

A. K. Kochieva, Ph. D. in Economics, Associate Professor

Editorial Board:

E. N. Aleksandrova, Ph. D. in Economics, Associate Professor

A. A. Voronov, Doctor of Economic Sciences

L. A. Voronina, Doctor of Economic Sciences, Professor

G. G. Vukovich, Doctor of Economic Sciences, Professor

J. D. Darmilova, Doctor of Economic Sciences, Professor

L. N. Drobyshevskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor

L. I. Egorova, Doctor of Economic Sciences, Professor

A. A. Kizim, Doctor of Economic Sciences, Professor

M. E. Listopad, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

K. O. Litvinsky, Ph. D. in Economics, Associate Professor

V. I. Mileta, Ph. D. in Economics, Associate Professor

O. V. Nikulina, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. V. Pleshakova, Ph. D. in Economics, Associate Professor

Corrector: *I. A. Zinovskaya*

Print layout: *A. M. Ivanenko*

Address editorial and magazine publisher:

350040, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, r. 236.

tel. (861) 219-95-53; e-mail: econ_tp@mail.ru

http://econ.kubsu.ru/econtp.html

Copy deadline 10.03.2023. Digital printing.

Format 60 x 84 1/8. A.p.l. 13.7. Run of 500. Free price.

Publishing and printing center Kuban State University

350040, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar.

tel. (861) 219-95-51.

© Kuban State University, 2023.

CONTENT

INVESTMENTS

Shevchenko I. V., Khubutia N. V.

Formation of the mechanism of investment support
for domestic enterprises of the shipping industry 3

Kolodnyaya G. V.

ESG-transformations in Russian business 10

Kashina O. I., Buyanova E. M.

Methodological tools for assessing the investment
attractiveness of bonds 17

REGIONAL ECONOMY

Koltsova A. A., Starobinskaya N. M.

Human potential of sustainable development:
regional imbalances 24

Babenko I. V., Babenko A. I.

Sustainability of the leading operators of the insurance
market of Russia and Krasnodar region 31

INNOVATIVE ECONOMY

Kochieva A. K.

The real sector of the russian economy: trends, problems
and directions of development 36

DIGITAL ECONOMY

Levchenko K. K.

Ecosystem approach to tourism in the context
of technological transformation 42

INNOVATIVE ECONOMY

Matvienko I. I.

Environmental taxation of Russia
in the «green» economy 49

Lycheva I. M., Molchanova V. A.

Budgetary rules: classification and prospects
for further application 56

ECONOMIC SECURITY

Mileta V. I.

Household financial security:
poverty and subsistence level 64

BANKING

Ermolenko O. M.

The concept of credit risk management in conditions
of instability 72

CORPORATE MANAGEMENT

Shibaeva N. A.

Management by objectives and management
by meanings as alternative management technologies
in the conditions of transformational economy 81

MARKETING

Timakova R. T.

Generational approach in modern hotel service 86

Voronina L. A., Khoruzhin V. I.

The role of the artificial intelligence in the development
of the marketing ecosystem of medical business in Russia 94

SCIENTIFIC LIFE

Dramaretskaya J. V.

A new perspective on the development
of foreign economic relations in modern
integration processes 101

ABSTRACT 104

CONDITIONS OF PUBLICATIONS 114

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ИНВЕСТИЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СУДОХОДНОЙ ОТРАСЛИ

*И.В. ШЕВЧЕНКО, доктор
экономических наук, профессор, декан
экономического факультета, Кубанский
государственный университет
e-mail: decan@econ.kubsu.ru*

*Н.В. ХУБУТИЯ, преподаватель кафедры
мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
e-mail: nhubutiya@mail.ru*

Аннотация

В статье проведен анализ инвестиционного обеспечения модернизации отечественных судоходных предприятий в сложной глобальной экономической среде. Проведено исследование ключевых методических подходов к определению оптимального соотношения границ показателей производственной, финансово-экономической и организационно-управленческой групп индикаторов инвестиционной привлекательности предприятий судоходной отрасли.

Ключевые слова: механизм инвестиционного обеспечения, судоходная отрасль, сетевая модель привлечения инвестиций, индикаторы инвестиционной привлекательности, корреляционно-регрессионный анализ.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_3

В рамках базового сценария развития мировой экономики, с учетом условий неопределенности и турбулентности, следует ожидать глубокий и длительный кризис морского судоходства и судостроения по всему миру. Мировая судоходная отрасль переживает кризис за кризисом. Так, в 2020 г. были снижены темпы реализации контрактов на перевозки и судостроение на фоне пандемии и скачков цен на энергоресурсы (спрос на нефть упал на 20 %), а 2022 г. ознаменовался беспрецедентными геополитическими кризисами.

Отечественная судоходная отрасль (СО) преодолевает проблемы, связанные с ограниченным участием морских судов, зарегистрированных под Государственным флагом Российской Федерации. Число задействованных в обслуживании российской грузовой базы судов снижается, аналогичная ситуация

наблюдается и в мировом торговом флоте (слабое участие российского торгового флота в глобальных международных перевозках — между портами иностранных государств). Финансово-экономические кризисы последних 30 лет привели к стагнации производства и отставанию развития транспортной инфраструктуры, большая часть секторов внутреннего и внешнего рынков отечественного судоходства была потеряна, эффективность транспортной системы страны зависела от иностранных государств, обладающих конкурентоспособным морским транспортом [2].

Восьмой пакет санкций ЕС против Российской Федерации содержал запрет на все операции с отечественным морским регистром судоходства. Санкционное давление и ограничения против Российской Федерации привели к поиску новых решений по развития морской отрасли, трансформации логистических операций, реализации импортозамещения и мер поддержки отечественного судостроения. Возрастет значимость развития новых направлений взаимодействия, в частности, транспортировка энергоносителей в страны Европы будет осуществляться из Черноморского бассейна, активнее будут развиваться африканское и латиноамериканское направления сотрудничества [1, 3].

Цель написания статьи заключается в разработке и обосновании механизма инвестиционного обеспечения отечественных предприятий судостроительной отрасли в условиях дефицита инвестиций. Необходимость в модернизации и развитии отрасли определяется не только непосредственной потребностью в средствах

на развитие или устранение производственных проблем, но и выделением оптимального перечня объектов инвестирования [1].

На рис. 1 отражены наиболее значимые точки взаимодействия системы функционирования судостроительной отрасли с элементами механизма инвестиционного обеспечения (МИО), что позволяет определить именно те элементы МИО, от которых зависит процесс привлечения инвестиций и на которых необходимо сосредоточить внимание для дальнейшего усовершенствования всего МИО [4].

Следовательно, такими точками взаимодействия системы функционирования судостроительной отрасли с элементами МИО являются:

1) действующие в стране рыночная и бизнес-среда системы функционирования СО влекут за собой формирование негативных факторов прямого воздействия на МИО, которые, в свою очередь, не способствуют повышению показателей финансовой устойчивости предприятий СО, создают неэффективные механизмы ценообразования и нормативно-правовые основы МИО;

2) существование в системе СО одновременной автономности (государственной мо-

нополии) и внешней зависимости от мирового морского рынка дает возможность за счет прибылей по каждому из сегментов функционирования удовлетворять некоторые потребности в краткосрочных инвестициях по всем видам деятельности;

3) недостаточно эффективные процессы модернизации производства, необходимость в развитии морской инфраструктуры обуславливают потребность активизировать МИО для получения долгосрочных внутренних инвестиций (точка ДИ 1), активизации долгосрочных инструментов инвестирования в стратегическое развитие судоходных предприятий (точка ДИ 2) и долгосрочных инструментов инвестирования в инновационное развитие (точка ДИ 3).

Проведение комплексного анализа позволило выделить следующие проблемы отечественной судоходной отрасли, препятствующие эффективному процессу привлечения инвестиций и вообще функционированию предприятий данной отрасли. Недостаточная прозрачность механизмов институционального регулирования отражается на российском инвестиционном рынке — способов инвестировать в судоходную отрасль не так много. По сути выбор ограничивает-

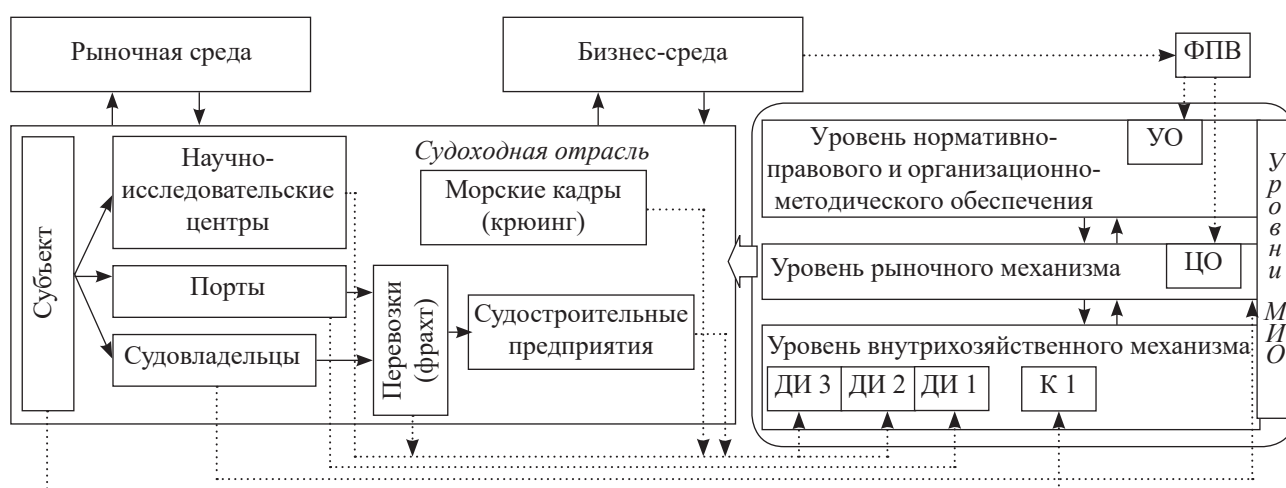

Рис. 1. Схема взаимосвязи функционирования судоходной отрасли с элементами механизма инвестиционного обеспечения:

ФПВ — факторы прямого воздействия; УО — уровень обеспечения со стороны государства; ЦО — ценообразование; ДИ 1 — долгосрочные инвестиции; ДИ 2 — долгосрочные инструменты инвестирования в модернизацию судоходной отрасли; ДИ 3 — долгосрочные инструменты инвестирования в инновационное развитие; К 1 — краткосрочные инвестиции по всем видам деятельности; МИО — механизм инвестиционного обеспечения

ся акциями ПАО «Совкомфлот», которые впервые прошли листинг на Московской бирже в 2020 г. Усложнение условий по привлечению частных инвесторов приводит к снижению внедрения результатов научно-технических достижений, повышается степень износа основных фондов, стоимость модернизации.

Указанные проблемы находятся во взаимозависимости между элементами системы МИО. Были выявлены закономерности из-

менения результатов инвестирования предприятий судоходной отрасли под влиянием основных детерминант инвестиционной привлекательности, а также внешних вызовов. Следует учитывать, что разработка рекомендаций по привлечению инвестиций в отечественные предприятия должна основываться не только на общих средствах и мерах устранения выявленных проблем системы функционирования, но и на учете влияния на показатели результатов инвестирования пред-

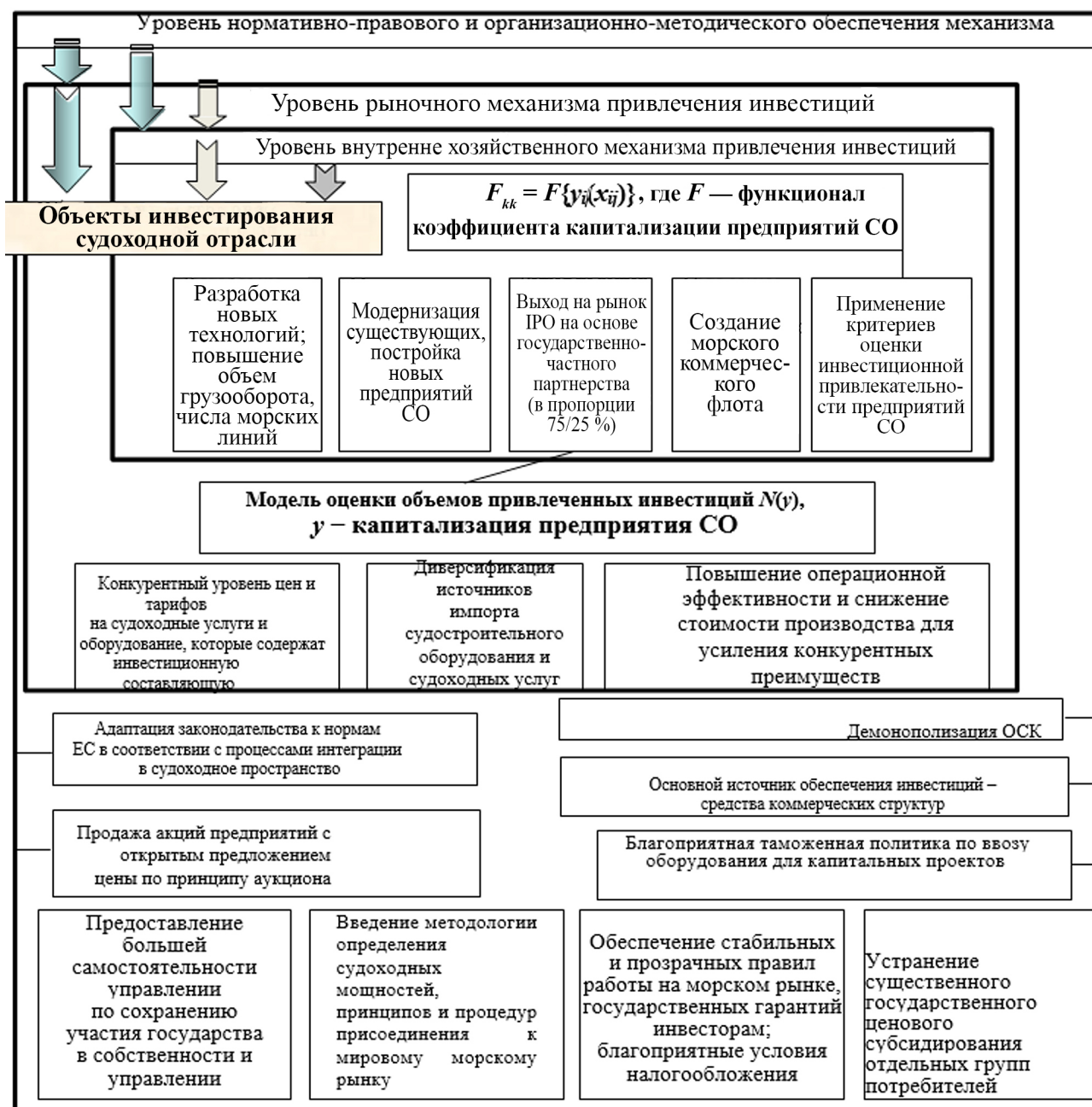

Рис. 2. Сетевая модель привлечения инвестиций как составляющая механизма инвестиционного обеспечения

приятый СО факторов, которые являются их основой инвестиционной привлекательности и составляют условия среды для их функционирования. В ответ была предложена сетевая модель привлечения инвестиций как составляющая механизма инвестиционного обеспечения (рис. 2) и были определены эталонные значения основных индикаторов инвестиционной привлекательности предприятий судоходной промышленности РФ (см. таблицу).

На основе использования экономико-математического аппарата были сделаны выводы о оптимальном соотношении границ показателей производственной, финансово-экономической и организационно-управленческой групп индикаторов инвестиционной привлекательности предприятий судоходной промышленности, достижение которых обеспечивает целевой уровень коэффициента капитализации на основе построения оптимизационной модели, создает базу для определения стратегических ориентиров функционирования механизма инвестиционного

обеспечения отечественных предприятий судоходной промышленности [6—9].

По результатам анализа очевидно существование зависимости коэффициента капитализации предприятий судоходной промышленности от наиболее влиятельных факторов инвестиционной привлекательности на долгосрочные финансовые инвестиции в предприятия судоходной промышленности, а полученные эконометрические модели имеют достаточно весомую дисперсионную статистику и коэффициенты детерминации, подтверждают возможность их использования для следующих прогнозов.

Проверка гипотезы о существовании корреляционно-регрессионной зависимости коэффициента капитализации от наиболее влиятельных факторов инвестиционной привлекательности на объем долгосрочных финансовых инвестиций в предприятия позволила получить регрессионную модель зависимости коэффициента капитализации инвестиционной привлекательности предпри-

Эталонные значения основных индикаторов инвестиционной привлекательности предприятий судоходной промышленности РФ

Группа индикаторов	Обозначение индикатора	Название индикатора инвестиционной привлекательности	Значения индикатора инвестиционной привлекательности, при котором $Z \rightarrow \min$	Значение индикатора инвестиционной привлекательности, по которого $Z \rightarrow \max$
1. Производственные	y 11	Фондоотдача	0,73	0,90
	y 12	Рентабельность производственных фондов	3,00	4,74
2. Финансово-экономические	y 21	Коэффициент финансовой независимости «автономии»	0,50	0,72
	y 22	Коэффициент текущей ликвидности	1,51	1,52
	y 24	Рентабельность активов (ROA)	0,90	1,80
3. Отраслевые, управленческо-организационные	y 33	Коэффициент положительной кредитной истории	1,50	1,50
	y 43	Степень открытости организационной структуры	0,97	1,30

Источник: рассчитана авторами на основе официальной отчетности предприятий.

ятий судоходной промышленности от показателей производственной группы (фондоотдача (y_{11}), рентабельность производственных фондов (y_{12}) [5]), финансово-экономической группы (коэффициент финансовой независимости «автономии» (y_{21}), коэффициент текущей ликвидности (y_{22}), рентабельность активов ROA (y_{24}) [6]), отраслевой и управленческо-организационной группы (коэффициент положительной кредитной истории (y_{33}), степень прозрачности организационной структуры (y_{43}) [7]), с помощью которой возможно прогнозирование величины этого параметра.

Решение оптимизационной задачи с использованием метода линейного программирования позволило выделить эталонные значения производственных, финансово-экономических, отраслевых, управленческо-организационных индикаторов деятельности предприятий судоходной промышленности, в случае достижения которых предприятие может получить оптимально привлекательное для инвесторов значение коэффициента капитализации, а именно $1,0 \leq F_{kk} \leq 1,5$ согласно исследуемым источникам.

Для определения эталонных значений производственных, финансово-экономических, отраслевых, управленческо-организационных параметров предприятий СО Российской Федерации было рассчитано n различных индикаторов: фондоотдача (y_{11}), рентабельность

производственных фондов (y_{12}), коэффициент финансовой независимости «автономии» (y_{21}), коэффициент текущей ликвидности (y_{22}), рентабельность активов ROA (y_{24}), коэффициент положительной кредитной истории (y_{33}), степень прозрачности организационной структуры (y_{43}). Обозначим через $yn_1, yn_2, \dots, yn_n$ неизвестные значения их величин, которые должны быть определены в результате решения оптимизационной задачи методом линейного программирования. Для достижения этих эталонных значений предприятиям СО были проанализированы m видов показателей, в соответствии с условиями функционирования судоходной промышленности могут принимать значения $b_1, b_2, \dots, b_m$, полученные эмпирическим путем на основе бухгалтерской, финансовой отчетности предприятий, отобранных путем эконометрического анализа.

Экономический смысл анализа состоит в том, что эталонные значения индикаторов должны находиться в пределах не ниже, чем маленькие величины показателей, соответствующих результатам регрессионного анализа предприятий СО, а также не выше, чем величины показателей, также соответствующих результатам регрессионного анализа предприятий СО. При сравнении переменных являются поисковыми и значения $b_1, b_2, \dots, b_m$, полученные эмпирическим путем. Запишем системы неравенств:

1) для группы производственных параметров:

$$\begin{cases} Z_1 = 0,243 \cdot x_{11} + 0,264 \cdot x_{12} + 0,034; \\ b_2 \leq x_{11} \leq b_1; \\ b_4 \leq x_{12} \leq b_3; \end{cases} \quad (1)$$

2) для группы финансово-экономических параметров:

$$\begin{cases} Z_2 = 0,373 \cdot x_{21} + 4,34 \cdot x_{22} + 0,49 \cdot x_{24} - 5,724201; \\ b_6 \leq x_{21} \leq b_5; \\ b_8 \leq x_{22} \leq b_7; \\ b_{10} \leq x_{24} \leq b_9; \end{cases} \quad (2)$$

3) отраслевых, управленческо-организационных параметров:

$$\begin{cases} Z_3 = 0,576 \cdot x_{33} + 1,502 \cdot x_{43} - 1,3173; \\ b_{12} \leq x_{33} \leq b_{11}; \\ b_{14} \leq x_{43} \leq b_{13}; \end{cases} \quad (3)$$

4) производственных, финансово-экономических, отраслевых, управленческо-организационных параметров предприятий СО Российской Федерации, в которых:

$$F\{z_i(y_{ij})\} \rightarrow F_{kk} \quad 1,0 \leq F_{kk} \leq 1,5; \quad (4)$$

5) для группы производственных параметров:

$$Z_1 = 0,243 \cdot x_{11} + 0,264 \cdot x_{12} + 0,034; \quad (5)$$

6) для группы финансово-экономических параметров:

$$Z_2 = 0,373 \cdot x_{21} + 4,34 \cdot x_{22} + 0,049 \cdot x_{24} - 5,724201; \quad (6)$$

7) для группы отраслевых, управленческо-организационных параметров:

$$Z_3 = 0,576 \cdot x_{33} + 1,502 \cdot x_{43} - 1,3173. \quad (7)$$

Сформулирована задача в виде целевой функции (4), по формализованным условиям (1—3) является задачей линейного программирования (оптимизационные задачи). В результате решения этой задачи с помощью специального модуля «Принятие решений» табличного процессора *MS Excel* получены оптимальные значения эталонных величин производственных, финансово-экономических, отраслевых, управленческо-организационных индикаторов предприятий судоходной промышленности.

На основе использования экономико-математического аппарата предложены научно-методические положения определения оптимального соотношения границ показателей производственной, финансово-экономической и организационно-управленческой групп индикаторов инвестиционной привлекательности предприятий судоходной промышленности, достижение которых обеспечивает целевой уровень коэффициента капитализации на основе построения опти-

мизационной модели, создает базу для определения стратегических ориентиров функционирования механизма инвестиционного обеспечения отечественных предприятий судоходной промышленности.

Применение корреляционно-регрессионного анализа выявило существование зависимости коэффициента капитализации от факторов, которые являются наиболее влиятельными для всей генеральной совокупности показателей на объем привлеченных долгосрочных финансовых инвестиций в предприятия судоходной отрасли, а именно: показатели производственной группы (фондоотдача, рентабельность производственных фондов); финансово-экономической группы (коэффициент финансовой независимости «автономии», коэффициент текущей ликвидности, рентабельность активов); отраслевой и управленческо-организационной групп (коэффициент положительной кредитной истории, степень прозрачности организационной структуры) и усовершенствовать научно-ме-

тодические положения привлечения инвестиционных ресурсов предприятиями судовой отрасли промышленности. Анализ коэффициентов регрессии в полученной модели позволяет оценить влияние обособленных предикторов на зависимый показатель объемов привлеченных инвестиций и позволяет с вероятностью в 85,3 % спрогнозировать объем привлеченных инвестиций предприятия.

Библиографический список

1. *Асеева А.А., Гвоздева В.А.* Анализ и оценка инвестиционной деятельности предприятия // Экономика. Бизнес. Банки. 2020. № 8 (46). С. 120—138.
2. *Богословская С.Е.* Инновации и инновационные стратегии в деятельности предприятия // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов: в 2 ч. / под ред. В.А. Ковалева и А.И. Ковалева. Омск, 2019. Ч. 2. С. 259—262.
3. *Клячко Л.М.* Оценка развития морской деятельности приморских субъектов Российской Федерации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / отв. ред. В.И. Герасимов: материалы XIX Нац. науч. конф. с междунар. участием. М: ИНИОН РАН. 2020. Вып. 15, ч. 1. С. 681—687.
4. *Яркина Н.Н.* Инвестиции как фактор устойчивого // Вестник Керченского государственного морского технологического университета. 2021. № 1. С. 245—256.
5. Review of Maritime Transport. 2019. UNCTAD. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2019_en.pdf
6. Review of Maritime Transport. 2020. UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2020_en.pdf.
7. Review of Maritime Transport. 2021. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2021_en.pdf.
8. Review of Maritime Transport. 2022. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt20221_en.pdf.

ESG-ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОМ БИЗНЕСЕ

*Г.В. КОЛОДНЯЯ, доктор экономических наук, доцент, профессор департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
e-mail: kolodnyaya@yandex.ru*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей внедрения ESG-принципов российским бизнесом. Цель работы — оценка степени ESG-изменений в экономике России. В статье представлен анализ факторов, препятствующих распространению ESG-стандартов, проанализирована готовность инфраструктуры, создающей условия реализации ESG-принципов, выявлены успешные ESG-практики. Показано, что в России начал формироваться ESG-«профиль» со смещением приоритетов в сторону усиления социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: ESG-принципы; бизнес-стратегии; ответственное инвестирование; устойчивое развитие; ESG-рейтинги; «зеленая экономика»; социализация бизнеса.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_10

Несмотря на то что ESG¹-повестка для отечественной экономики является относительно новой, вопросы устойчивого развития в ближайшее время будут определять траекторию изменений в бизнесе и станут неотъемлемой частью бизнес-стратегий российских компаний. Следует напомнить, что под ESG понимается совокупность параметров, на которые ориентируется бизнес в процессе разработки стратегий устойчивого развития, включая вопросы защиты окружающей среды, социальной сферы и стандартов корпоративного управления. Следовательно, развитие в рамках ESG-стандартов подразумевает работу в многовекторном пространстве, в рамках своеобразного треугольника: прибыль — экология — общество, что обязывает бизнес не только ориентироваться на достижение экономических показателей и выполнение обязательств перед акционерами, но и активно

работать в области соблюдения социальных и экологических стандартов. Имплементация ESG-принципов в работу бизнеса является ответным шагом на популяризацию в современном обществе идей по устойчивому развитию и ответственному ведению бизнеса в большинстве стран мира.

Процессы интеграции ESG-стандартов в бизнес-стратегии компаний — это общемировой тренд. Наша страна не составляет в этом вопросе исключения. В последние годы в России наблюдается активный переход финансового сектора на принципы ответственного инвестирования. Традиционным для отечественной экономики становится составление рейтингов устойчивого развития компаний и регионов, продолжают наращивать практику работы по ESG-стандартам крупнейшие отечественные промышленные компании, начинают обращаться к ESG-практикам малый и средний российский бизнес. В связи с этим возникла необходимость объективной оценки ESG-трансформаций в отечественной экономике, определения степени глубины происходящих изменений в бизнес-процессах, рассмотрения готовности инфраструктуры, создающей условия реализации ESG-принципов, выявления успешных ESG-практик.

Теоретической основой для широкого распространения ESG-стандартов в мире послужила концепция устойчивого развития (1970-е гг.), в которой были вскрыты и озвучены проблемы современного общества, порождаемые неограниченными масштабами производства и потребления и агрессивным воздействием человека на окружающую среду. В докладе «Наше общее будущее» (1987 г.), представленном Комиссией Брунд-

¹Аббревиатура ESG образована от английских слов: *Environmental* — окружающая среда, *Social* — социальный аспект, *Governance* — корпоративное управление.

тланд¹, наряду с введением в оборот термина «устойчивое развитие»², прозвучал призыв к смене ставшей порочной и губительной для будущих поколений траектории развития современного общества. Взяв курс на гармоничное развитие, ориентированное на достижение экономических показателей при обязательном поддержании экологического и социального равновесий. Следующим событием, заложившим фундамент для интеграции ESG-принципов в работу бизнеса, стало принятие ООН (2015 г.) семнадцати целей устойчивого развития (ЦУР)³, выполнение которых непосредственно связано со сбалансированным развитием национальных экономик и ответственным ведением бизнеса.

За последние годы накоплен солидный зарубежный опыт в области использования ESG-стандартов. Можно выделить исследования, в которых выявлена положительная корреляционная зависимость между инвестициями компаний в реализацию ESG-принципов и финансовыми показателями [1]. В ряде работ представлены доказательства роста конкурентоспособности бизнеса при внедрении ESG-стандартов [4—5], а также показано, что имплементация ESG-подходов в деятельность бизнеса позволяет привлекать больше дешевых ресурсов для развития в долгосрочной перспективе [6—7]. Опубликованы результаты исследований, посвященные особенностям применения ESG-стандартов в банковской сфере [2—3].

Повышается интерес со стороны научного сообщества к ESG-повестке в нашей стране. Следовательно, актуальным и своевременным является рассмотрение ESG-трансформаций в бизнесе, выявление особенностей ответственного инвестирования, анализа факторов, препятствующих распространению ESG-стандартов в отечественной экономике.

Инфраструктура для реализации ESG-стандартов

Общеизвестно, что во многом успешный исход трансформационных процессов, к которым можно отнести переход на ESG-стандарты, предопределяется наличием полноценной инфраструктуры, способной создать благоприятные условия для осуществления предполагаемых изменений. Первостепенное значение имеют так называемые «правила игры» — совокупность законов и нормативных актов, регламентирующих проведение трансформационных процессов и создающих комфортные условия для хода изменений.

Оценивая условия, в которых российский бизнес осуществляет реализацию ESG-стандартов, следует отметить наличие ряда нормативных ограничений. Подавляющая часть нормативных документов по ESG-вопросам в нашей стране была принята в последние годы⁴. Следовательно, бизнес вынужден работать в условиях постоянно изменяюще-

¹Международную комиссию по окружающей среде и развитию при ООН в период с 1984 по 1987 г. возглавлял Гру Харлем Брундтланд.

²Под устойчивым развитием было предложено понимать процесс, который отвечает потребностям современного поколения и одновременно не лишает будущие поколения возможностей удовлетворять свои потребности. См. более подробно: Устойчивое развитие. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/susdev.shtml>.

³Преобразование нашего мира. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. URL: <https://www.unctad.org/system/files/official-document>.

⁴К примеру, Указ Президента РФ № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ», в котором отмечается необходимость осуществления охраны окружающей среды при использовании низко-углеродных технологий, был принят в июле 2021 г. Постановление Правительства РФ № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе «зеленого») развития РФ и требований устойчивого (в том числе «зеленого») развития», где дано определение «зеленых» инструментов, вступил в силу в сентябре 2021 г. В сентябре 2021 г. Правительством РФ принято постановление, в котором утвержден пакет документов, создающих нормативную основу рынка устойчивого, в том числе «зеленого», финансирования, определены критерии проектов устойчивого развития — таксономия и требования к верификации такого рода проектов.

гося правового поля и отсутствия единых стандартов, когда документы, регламентирующие деятельность, отсутствуют, находятся на стадии разработки и обсуждения или принятия.

Важная роль в процессе интеграции ESG-принципов в работу российских компаний принадлежит финансовому сектору в лице крупнейших коммерческих банков. Финансово-кредитные институты занимают передовые позиции в процессе перехода к устойчивому развитию. В последние годы большинством финансовых учреждений не только были разработаны и приняты к реализации стратегии устойчивого развития. Коммерческие банки осуществляют консультирование своих клиентов по вопросам ESG-принципов и оказывают помощь при внедрении «зеленых» практик в работу бизнеса.

Коммерческими банками активно реализуются программы «зеленого» кредитования¹, особенностью которых является тесная «привязка» ставки по кредиту к выполнению потенциальным заемщиком показателей по устойчивому развитию. Все это стимулирует бизнес чаще обращаться к «зеленому» кредитованию, следовательно, позволяет привлекать финансовые ресурсы на условиях срочности и возвратности по более низкой цене. Набирает популярность разработка коммер-

ческими банками различных инструментов социального инвестирования, к примеру, «зеленых» паевых инвестиционных фондов².

Показательна работа по применению ESG-принципов одного из региональных банков «Центр-инвест», который имеет солидные наработки в части ответственного инвестирования, а также в области проведения экологической и социальной политики³. Коммерческий банк располагает двадцатилетней практикой ответственного ведения бизнеса, находится у самых истоков внедрения ESG-стандартов в нашей стране, поэтому его успешный опыт является востребованным и будет полезным для применения другими кредитными организациями в нашей стране.

Практика ответственного инвестирования коммерческого банка «Центр-инвест» связана, с одной стороны, с умением и способностью привлекать «зеленые» средства, с другой — направлять их на финансирование «зеленых» проектов в регионе присутствия⁴. Следует также отметить большую просветительскую ESG-работу банка, которая, на наш взгляд, должна быть инициирована государством, активно им проводится и транслируется, но, к сожалению, фрагментарно представлена в российском обществе. КБ «Центр-инвест» привлекает клиентов к участию в «зеленых» программах⁵, актив-

¹Например, в 2020 г. Сбербанк выдал первый ESG-кредит угольной компании «Распадская» при условии достижения ключевых целей — сокращения выбросов. В нескольких регионах России Сбербанком России финансируются «зеленые» проекты по строительству мусороперерабатывающих заводов.

²Одним из крупнейших коммерческих банков Сбербанком созданы «зеленые» инвестиционные фонды: Открытый паевой инвестиционный фонд «Добрыня Никитич», Биржевой пенсионный инвестиционный фонд «Ответственные инвестиции» и др.

³«Центр-инвест» — крупнейший частный банк юга России, работающий на рынке более 30 лет, имеющий 120 офисов и более 1,5 млн клиентов. В 2020 г. КБ был признан «Лучшим банком Центральной и Восточной Европы по корпоративной ответственности» изданием Euromoney. См. более подробно: официальный сайт КБ «Центр-инвест». <https://www.centrinvest.ru>.

⁴Финансовые ресурсы, полученные от размещения «зеленых» облигаций на Московской бирже, банк направил на выдачу «зеленых» кредитов — финансирование энергоэффективных проектов, развитие ВИЭ, экологически чистого транспорта, обслуживание кредитных линий в сельском хозяйстве. Коммерческим банком финансируются процессы энергоэффективной трансформации предприятий малого и среднего бизнеса на юге России, реализуется программа капитального ремонта многоквартирных домов. В «back ground» КБ более 20 тыс. проектов энергоэффективности, банком прокредитовано свыше 200 многоквартирных домов по программе капитального ремонта.

⁵Средства клиентов, размещенные на «зеленом» вкладе, КБ направляет на реализацию проектов по достижению ЦУР — кредитование национальных проектов.

но мотивирует к ведению более социально ответственного бизнеса¹, консультирует по вопросам внедрения ESG-принципов, выступает в качестве наставника при работе в Центре поддержки стартапов, осуществляет популяризацию ESG-вопросов через Центр финансовой грамотности, реализует программы развития женского бизнеса, молодежного и социального предпринимательства.

Одной из последних передовых ESG-разработок банка является составление системы ESG-рейтинга клиентов — предприятий МСП, в которой отражается степень приверженности бизнеса принципам устойчивого развития. Предприниматели с высокими позициями в системе ESG-рейтинга получают преференции — возможность воспользоваться программами лояльности банка и получить более дешевые финансовые ресурсы для развития бизнеса.

Российский банковский сектор сегодня занимает лидерские позиции в процессе ESG-трансформаций, поэтому, на наш взгляд, именно банки в ближайшее время будут инициировать изменения в области распространения практик устойчивого функционирования. Следовательно, степень охвата применения «зеленых» стандартов в отечественной экономике будет увеличиваться.

Следующим важным составным элементом инфраструктуры, способным стимулировать активный переход на ESG-стандарты, является работа организованного рынка ценных бумаг. Известно, что размещение на фондовом рынке «зеленых» облигаций позволяет привлечь финансовые ресурсы по более низкой цене и на продолжительный срок [7—8]. Международная практика «зеленого» финансирования располагает богатым опытом. Мировой финансовый рынок, использующий

«зеленые» инструменты с 2007 г., более разнообразен и является популярным среди заемщиков.

Российский организованный рынок ценных бумаг в лице Московской биржи находится в самом начале пути по применению «зеленых» инструментов. В настоящий момент на специально организованной платформе² размещено около трех десятков займов крупными компаниями финансового и нефинансового секторов, а также администрациями некоторых регионов. «Зеленые» облигации пока еще слабо используются отечественным бизнесом, и этот инструмент еще рано относить к категории популярных. Полагаем, что повышение интереса со стороны бизнеса или потенциальных эмитентов к «зеленым» облигациям может вызвать введение дополнительных льгот, т. е. при их более активной поддержке со стороны государства.

Полноценное развитие ESG-компетенций невозможно осуществлять в условиях информационного вакуума. Поэтому важным является представление ESG-профилей компаний или регионов. В нашей стране работа по составлению ESG-рейтингов осуществляется четырьмя агентствами³. Если до недавнего времени интерес к рейтингам по устойчивому развитию проявляли исключительно крупные сырьевые компании, осуществляющие экспорт и привлекающие инвестиционные ресурсы с международных финансовых рынков, то в последние годы с популяризацией ESG-стандартов среди бизнеса и включением принципов ESG в стратегии развития регионов, востребованность ESG-рейтингов в отечественной экономике существенно возросла. Информация по устойчивому развитию на российском рынке является публикуемой и общедоступной.

¹Банк входит в тройку лидеров в нашей стране, которые активно работают с предприятиями сферы МСП. Доля займов для предприятий МСП в банке «Центр-инвест» превышает 82 % всех кредитов, выданных реальному сектору экономики, что в 4 раза превышает среднероссийские показатели (19,5 %).

²В 2019 г. на Московской бирже был создан сектор для финансирования экологических и социальных проектов под названием «Сектор устойчивого развития» — платформа поддержки «зеленых» проектов.

³НРА (Национальное рейтинговое агентство), «Эксперт РА», Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА) и Национальные кредитные рейтинги (НКР).

Практика реализации принципов ESG российскими компаниями

Наряду с банковским сектором передовые позиции в области работы в соответствии с ESG-стандартами в нашей стране занимает крупный бизнес в лице представителей сырьевого сектора. Компаниями накоплен определенный опыт реализации ESG-принципов. Следование «зеленой» повестке в первую очередь было продиктовано развитием экспортного потенциала бизнеса. Работа на мировых рынках в совокупности с процессом взаимодействия с иностранными инвесторами привела к необходимости осуществления деятельности в соответствии с ESG-принципами. И если около двух десятков лет назад внедрение ESG-стандартов стало вынужденной мерой и непременным условием сохранения позиций на мировом рынке, с течением времени и распространением практики устойчивого развития в России ESG-повестка обрела форму неотъемлемого элемента стратегии этих фирм.

Необходимость соблюдения ESG-стандартов крупными российскими производителями сырья расставила новые акценты. Бизнес стал активно проводить преобразования в сфере модернизации и экологизации производства. Модернизация производства позволила добиться заметных результатов, поскольку производителям удалось создать «зеленое» производство и сформировать эффективную систему управления отходами¹. Наряду с проведением работ по экологизации основной деятельности российский крупный бизнес много делает в области проведения политики социализации в регионах присутствия, а также работает над развитием научно-образова-

тельного потенциала в регионах. Компании являются инициаторами реализации просветительских проектов среди школьников, сотрудничают с высшими и средними специальными учебными заведениями, открывают корпоративные академии.

Следует выделить работу крупного бизнеса в области инвестирования в *human capital*. Решая достаточно прагматическую задачу по подготовке будущих специалистов для своих производств, крупные компании пытаются заинтересовать школьников и привлечь для обучения в профильных классах, финансирование которых осуществляют². Работа с вузами выстраивается в области создания специальных кафедр, на которых ведутся совместные, актуальные для бизнеса, исследования, согласования проблематики выпускных квалификационных работ и курсовых проектов.

Особенности проведения отечественной ESG-повестки

Рассматривая особенности проведения ESG-трансформации, следует указать на наличие определенной специфики реализации этого процесса в разных странах. Особенный ESG-«профиль» постепенно начал складываться в России. В большинстве европейских стран экологическая составляющая ESG-треугольника является приоритетной, тогда как социальные обязательства и вопросы корпоративного управления имеют подчиненный характер. Напротив, в России имеет место смещение приоритетов устойчивого развития в сторону исполнения бизнесом социальных обязательств.

На начальных этапах ESG-трансформаций в отечественной экономике, когда

¹К примеру, ОМК полностью отказался от доменного производства, «Русал» начал производство «зеленого» алюминия за счет компенсации выбросов углекислого газа. Производство углеродно-нейтрального «зеленого» никеля осуществляет «Норникель», добившись снижения вредных выбросов после проведения модернизации и использовании ВИЭ. УГМК на протяжении ряда лет целенаправленно инвестирует в природоохранную программу Свердловской области. Модернизация производства, проведенная производителем в 2017 г., позволила сократить выбросы CO₂ на четверть. Техническое переоснащение основного актива компании «Уралэлектромедь» позволяет производить «зеленую» медь.

²См. более подробно разделы по устойчивому развитию на корпоративных сайтах компаний: «Русал» — www.rusal.ru, ТМК — www.tmk.ru, ММК — www.mmk.ru, ТООЗ — www.toaz.ru, «Севверсталь» — www.severstal.ru, Евраз — www.evraz.com, НЛМК — www.nlmk.com, СУЭК — www.suek.ru.

инициаторами внедрения принципов устойчивого развития выступали работающие в России западные компании и отечественный крупный бизнес, ориентированный на экспорт сырья, приоритет в *ESG*-повестке отдавался экологической составляющей. В последние годы ситуация изменилась принципиальным образом, что повлекло за собой смену *ESG*-приоритетов. В условиях вызовов, порожденных геополитическим кризисом 2022 г. и уходом ряда международных компаний с российского рынка, произошло смещение акцентов в сторону реализации социальных проектов.

Перемещение фокуса в направлении «усиления» социальной повестки в 2020 г. во многом было продиктовано пандемией¹. В дальнейшем тенденция на превалирование социальных *ESG*-инициатив в бизнес-стратегиях российских компаний сохранилась. Во многом это связано со спецификой размещения производств в нашей стране. Как правило, бизнес крупных сырьевых компаний сосредоточен в моногородах, в которых производитель является единственным работодателем и владельцем инфраструктуры. Работа монополиста непосредственно влияет на уровень жизни не только работников предприятия, но и жителей всего региона, следовательно, порождает повышенную социальную ответственность. Компании занимаются благоустройством территорий, поддерживают сферу здравоохранения, финансируют проведение культурных мероприятий, кури-

руют спорт, выступают в качестве спонсоров различных конкурсов и начинаний².

Можно сделать заключение о том, что в последние годы в нашей стране произошло формирование собственного подхода в *ESG*-повестке, который базируется на национальных особенностях развития. Программы по устойчивому развитию стали наполняться новым смыслом и «вышли» за пределы корпоративных программ. В фокусе внимания находятся социальные инициативы, реализуя которые, бизнес вносит важный вклад в повышение уровня благосостояния не только сотрудников предприятий, но и жителей всего региона.

Проведенное исследование степени оценки *ESG*-изменений в отечественной экономике позволяет прийти к следующим выводам. Несмотря на начальный этап перехода к *ESG*-стандартам, можно выделить банковский сектор и сектор крупных компаний, занимающихся производством сырья, являющихся лидерами внедрения практик устойчивого функционирования. На российские банки может быть возложено исполнение роли катализатора, ускоряющего *ESG*-трансформации в нашей стране.

Благодаря реализации *ESG*-компетенций за российским крупным бизнесом закрепляется роль «социального амортизатора» в регионах присутствия. Крупные производители постепенно становятся своеобразными центрами социальной устойчивости территорий. Проведение *ESG*-повестки требует значи-

¹В 2020 г. работа российского крупного бизнеса по поддержке социальной устойчивости территории была направлена на борьбу с пандемией. Компании помогали медикам, финансировали закупку средств индивидуальной защиты, медицинского оборудования, антисептиков. За счет средств крупных производителей во многих регионах России были открыты лаборатории, построены госпитали и больницы, осуществлен ввод в действие новых медицинских центров.

²К примеру, ОМК финансирует строительство жилых домов для работников предприятия в небольшом городке Выкса Нижегородской области с 50-тысячным населением. Компанией «Еврохим» совместно с администрацией Мурманской области реализован уникальный туристический проект в моногороде Ковдор, где расположены производственные мощности предприятия. Реализация проекта помогла активизировать работу малого предпринимательского сектора, привлечь туристов, работать в направлении создания объектов инфраструктуры гостеприимства. Инвестирует в *human capital* в регионе присутствия компания СУЭК. В ряде поселков Кузбасса, где расположены производства компании, фирма финансирует переоснащение объектов здравоохранения, содержание санаториев и профилакториев, поддерживает работу местных учебных заведений при подготовке будущих специалистов. См. более подробно разделы по устойчивому развитию компаний. Официальные сайты компаний: ОМК — www.omk.ru, «Еврохим» — www.eurochem.ru, СУЭК — www.suek.ru.

тельных финансовых ресурсов для ее реализации, поэтому для большинства отечественных предприятий малого и среднего бизнеса внедрение принципов устойчивого развития является сверхзатратным. ESG-практика в сфере МСП представлена достаточно узко.

Библиографический список

1. *Alshehhi A., Nobanee H., Khare N.* The impact of sustainability practices on corporate financial performance: Literature trends and future research potential // *Sustainability*. 2018. № 10 (2). P. 494.
2. *Birindelli G., Dell'Atti S., Iannuzzi A.P., Savioli M.* Composition and Activity of the Board of Directors: Impact on ESG Performance in the Banking System // *Sustainability*. 2018. № 10. P. 4699.
3. *Bruno M., Lagasio V.* An Overview of the European Policies on ESG in the Banking Sector // *Sustainability*. 2021. № 13 (22). P. 12641.
4. *Byus K., Deis D., Ouyang B.* Doing well by doing good: Corporate social responsibility and profitability // *SAM Advanced Management Journal*. 2010. № 75 (1). P. 44—55.
5. *Duque-Grisales E., Aguilera-Caracuel J.* Environmental, social and governance (ESG) scores and financial performance of multilatinas: Moderating effects of geographic international diversification and financial slack // *Journal of Business Ethics*. 2019. № 168. P. 315—334.
6. *Endrikat J., Guenther E., Hoppe H.* Making sense of conflicting empirical findings: A meta-analytic review of the relationship between corporate environmental and financial performance // *European Management Journal*. 2014. № 32 (5). P. 735—751.
7. *Flammer C.* Does corporate social responsibility lead financial performance? A regression discontinuity approach // *Management Science*. 2015. № 61 (11). P. 2549—2568.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ОБЛИГАЦИОННЫХ ЗАЙМОВ

*О.И. КАШИНА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
e-mail: oksana_kashina@mail.ru*

*Е.М. БУЯНОВА, магистр кафедры финансов и кредита, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
e-mail: ultrakate@yandex.ru*

Аннотация

В условиях периодически возникающих финансовых кризисов и экономических шоков долговой рынок выступает одним из надежных источников финансирования для экономического развития. В статье рассматривается методический инструментарий оценки облигаций, базирующийся на комплексной системе показателей надежности эмитента и инвестиционных характеристик его ценных бумаг. Предложенный подход был апробирован в отношении различных российских эмитентов на базе биржевой и финансовой отчетности за 2017—2021 гг.

Ключевые слова: долговой рынок, облигации, кредитоспособность, инвестиционная привлекательность, рейтинг.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_17

Периодически возникающие мировые финансовые кризисы демонстрируют существенную уязвимость фондового рынка к влиянию экономических шоков [3]. Рецессия экономики приводит к тому, что финансовые результаты компаний ухудшаются, возможности выплаты дивидендов становятся ограниченными, что делает их акции менее привлекательными для инвесторов по сравнению с облигациями.

В то же время государственные облигации принято рассматривать как источник безопасных инвестиций. Привлекательность инвестирования средств в облигации во многом обуславливается налоговыми льготами и возможностью изменения горизонта владения облигациями для преумножения дохода, ком-

бинируя инвестиции в облигационные займы с различными сроками погашения.

В последние годы центральные банки многих стран мира наращивали объем приобретаемых облигаций. Однако перспективы развития рынка облигаций более сложны, чем рынка акций, что обусловлено следующими причинами. Прежде всего рецессия привела к росту государственных и корпоративных заимствований, значительный объем которых может оказать влияние на процентные ставки и стоимость облигаций на рынке.

В ряде научных работ, посвященных исследованию долгового рынка, неоднократно доказывалась взаимосвязь между уровнем развития долгового рынка и экономическим ростом (например, в [1, 4—5]). В связи с изложенным исследование долгового рынка и денежных потоков, формирующихся на данном рынке, является весьма перспективным с позиции обеспечения экономического развития, а формирование инвестиционного портфеля из облигаций — одним из наиболее надежных источников вложений денежных средств.

Методологические принципы оценки кредитоспособности эмитентов облигаций на основе рискориентированного подхода были разработаны и нашли свое отражение в работах ряда авторов [6—8]. В частности, в работе И.Р. Байбекова [1] был осуществлен анализ применимости принципов классической теории портфельного инвестирования и предложена система качественных и количественных критериев отбора облигационных займов для портфеля. Автором была установлена

невозможность использования классической портфельной теории для формирования портфеля на российском рынке облигаций [1].

Цель исследования — развитие методического инструментария оценки облигаций российских эмитентов с использованием комплекса показателей, характеризующих надежность и инвестиционную привлекательность выпущенных ценных бумаг. При формировании инструментария предполагается

более широкий набор критериев, чем в существующих индексах надежности облигаций, оценивающих их только с позиции кредитоспособности эмитентов.

В соответствии с разработанным инструментарием оценка надежности эмитента осуществляется с помощью расчета групп показателей, отражающих экономическую эффективность деятельности эмитента с различных позиций (табл. 1).

Таблица 1

Предложенная система оценки надежности эмитентов облигаций

Наименование группы показателей	Показатель	Требование		Порядок присвоения баллов	Вес или значимость показателя при оценке кредитоспособности, %
		Max / Min	Нормативное значение		
1	2	3		4	5
Показатели ликвидности	Коэффициент абсолютной ликвидности ($K_{\text{абс.лик.}}$)	Нормативное значение		Соответствие нормативному значению (минимальный балл)	10,0
	Коэффициент текущей ликвидности ($K_{\text{т.л.}}$)	Нормативное значение		Соответствие нормативному значению (минимальный балл)	10,0
	Коэффициент общей ликвидности ($K_{\text{ол}}$)	Нормативное значение		Соответствие нормативному значению (минимальный балл)	10,0
Показатели рентабельности	Рентабельность активов (Рактивов)	Max		Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	4,0
	Рентабельность собственного капитала (РСК)	Max		Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	4,0
	Рентабельность заемного капитала (РЗК)	Max		Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	4,0
	Рентабельность продаж, рассчитанная по чистой прибыли	Max		Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	4,0
Показатели рентабельности	Рентабельность продаж, рассчитанная по валовой прибыли	Max		Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	4,0
Показатели оборачиваемости	Коэффициент оборачиваемости активов	Max		Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	2,5
	Коэффициент оборачиваемости оборотных активов	Max		Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	2,5

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
	Коэффициент оборачиваемости внеоборотных активов	<i>Max</i>	Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	2,5
	Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности	<i>Max</i>	Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	2,5
	Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности	<i>Max</i>	Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	2,5
	Коэффициент оборачиваемости запасов	<i>Max</i>	Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	2,5
	Фондоотдача	<i>Max</i>	Наибольшее значение показателя (минимальный балл)	2,5
	Фондоемкость	<i>Min</i>	Наименьшее значение показателя (минимальный балл)	2,5
Показатели финансовой устойчивости	Коэффициент автономии (финансовой независимости)	Нормативное значение	Соответствие нормативному значению (минимальный балл)	6,0
	Коэффициент задолженности (коэффициент финансирования)	Нормативное значение	Соответствие нормативному значению (минимальный балл)	6,0
	Коэффициент финансовой зависимости	<i>Min</i>	Наименьшее значение показателя (минимальный балл)	6,0
	Коэффициент маневренности собственных оборотных средств	Нормативное значение	Соответствие нормативному значению (минимальный балл)	6,0
	Коэффициент финансовой устойчивости	Нормативное значение	Соответствие нормативному значению (минимальный балл)	6,0

Вес или значимость рассматриваемых показателей при оценке кредитоспособности определялись с использованием эконометрических методов и метода экспертных оценок. Проведенное исследование показало, что наибольшее влияние на надежность и кредитоспособность эмитентов оказывают его ликвидность и финансовая устойчивость. В связи с этим значимость данных групп показателей (ликвидности и финансовой устойчивости) в целом оценивалась на уровне 30 %, которые равномерно распределялись между рассматриваемыми показателями. С помощью коэффициентов ликвидности оценивается платежеспособность эмитента, а показатели

финансовой устойчивости являются ее подтверждением. Один балл присваивался компаниям, показатели ликвидности которых соответствуют нормативному значению. Такой же подход был использован при составлении рейтинга для показателей финансовой устойчивости.

Показатели рентабельности и деловой активности следует анализировать в динамике. Значимость групп показателей рентабельности и оборачиваемости в целом была оценена на уровне 20 %, которые также равномерно были распределены между анализируемыми коэффициентами. Один балл присваивался эмитентам, коэффициенты рентабельности

и оборачиваемости которых имеют наибольшее значение, при этом компаниям, чьи показатели будут иметь наименьшие значения, присваиваются пять баллов. Таким образом, наиболее надежным будет признан тот эмитент, рейтинг которого характеризуется наименьшим количеством баллов.

Результаты расчета рейтингов надежности эмитентов подтвердили справедливость предложенной балльно-рейтинговой оценки эффективности деятельности и кредитоспособности эмитента. Предложенный методический инструмент оценки надежности эмитента коррелирует с результатами кредитного рейтинга эмитента ведущего рейтингового агентства «Эксперт РА» (табл. 2).

Помимо системы критериев и балльно-рейтинговой оценки надежности эмитентов облигаций, предложенный методический инструмент подразумевает разработку системы оценки инвестиционных характеристик облигаций.

Таблица 2

Сопоставление результатов предложенной балльно-рейтинговой оценки надежности эмитентов и присвоенного им рейтинга агентством «Эксперт РА»

Компания	Присвоенный рейтинг согласно предложенной методике оценки	Рейтинг, присвоенный компанией «Эксперт РА»
ПАО «Норильский никель»	41	AAA
ПАО «СИБУР Холдинг»	50	AAA
ПАО «Газпром нефть»	50	AAA
ПАО «Лукойл»	58	BBB+
ПАО «Роснефть»	62	BBB+

Одна из ключевых инвестиционных характеристик с позиции фундаментального анализа — расчетная справедливая стоимость облигаций (табл. 3). В соответствии с фун-

Таблица 3

Результаты расчетов справедливой стоимости анализируемых облигаций

Инструмент	Справедливая стоимость	Рыночная цена приобретения	Разница	Оценка
Государственные облигации				
ОФЗ-25084-ПД	1 022,66	949,9	72,76	недооценена
ОФЗ-26233-ПД	1 381,81	838,9	542,91	недооценена
ОФЗ-26234-ПД	1 159,82	882,0	277,82	недооценена
ОФЗ-52003-ИН	1 368,42	1 031,1	337,32	недооценена
ОФЗ-26235-ПД	1 573,69	858,5	715,19	недооценена
ОФЗ-26236-ПД	1 256,18	875,2	380,98	недооценена
Россия 26209 (ОФЗ-ПД)	1 450,45	997,6	452,85	недооценена
Муниципальные облигации				
Саха Респ-35014-об	385,28	846,2	-460,92	переоценена
Белгородская Обл-34014-об	356,60	930,0	-573,40	переоценена
Белгородская Обл-34015-об	352,37	950,0	-597,63	переоценена
Ульяновская область-35002	915,32	910,1	5,22	переоценена
СвердловскОбл-34007-об	1 023,10	928,2	94,90	недооценена
Московская Обл-34014-об	1 275,00	927,0	348,00	недооценена
Корпоративные облигации				
СИБУР Холдинг-10-об (в обращении)	2 793,77	1 000,7	1 793,07	недооценена
Газпром нефть-003P-03R (в обращении)	374,43	943,2	-568,77	переоценена
Норильский никель-5-боб (в обращении)	2 997,39	1002,2	1 995,19	недооценена
Роснефть-001P-01-боб (в обращении)	270,66	1000,0	-729,34	переоценена

даментальным подходом к анализу ценных бумаг, наибольшей инвестиционной привлекательностью обладают недооцененные финансовые инструменты. С данной точки зрения из анализируемых ценных бумаг следует обратить внимание на облигации федерального займа (ОФЗ), муниципальные облигации Московской и Свердловской областей, а также облигации ПАО «СИБУР Холдинг» и ПАО «Норильский никель».

В табл. 4 представлены требования к присвоению рейтинга на основе инвестиционных характеристик корпоративных облигаций.

В качестве примера в табл. 5 представлены результаты ранжирования облигаций на основе надежности и кредитоспособности эмитентов и инвестиционной привлекательности выпущенных ценных бумаг.

Результаты комплексной оценки облигационных займов с учетом надежности эми-

тента и инвестиционной привлекательности выпущенных ими ценных бумаг могут быть интерпретированы следующим образом:

- менее 60 баллов — сектор наиболее надежных и инвестиционно-привлекательных облигаций;
- от 60 до 70 баллов — сектор инвестиционно-привлекательных облигаций с умеренным уровнем риска;
- от 70 до 80 баллов — сектор рискованных облигаций с невысокой инвестиционной привлекательностью;
- более 80 баллов — сектор высокорискованных облигаций с низкой инвестиционной привлекательностью.

Методика отбора эмитентов основана на составлении совокупного рейтинга компаний на основании данных об их финансовом состоянии и инвестиционных характеристиках выпущенных ими финансовых активов.

Таблица 4

Требования к присвоению рейтинга по инвестиционным характеристикам облигаций

Показатель	Требование		Порядок присвоения баллов
	Max / Min	Нормативное значение	
Номинал (N)	—	—	Облигации имеют идентичный номинал равный 1 000 р., соответственно каждому эмитенту будет присвоено по 1 баллу
Купонная доходность (k)	Max	—	Наибольшее значение показателя (минимальный балл)
Периодичность купонных выплат (m)	Max	—	Наибольшее значение показателя (минимальный балл)
Индекс ликвидности (LI)	—	$0 < LI < 1$ — уровень ликвидности облигации ниже рыночного уровня; $LI = 1$ — уровень ликвидности облигации соответствует рыночному уровню; $LI > 1$ — уровень ликвидности облигации выше рыночного уровня	Наибольшее значение показателя (минимальный балл)
Дюрация (D)	Min	—	Наименьшее значение показателя — минимальный балл
Рейтинг эмитента	Max	—	Наибольшее значение показателя — минимальный балл
Оценка недооцененности или переоцененности облигации	—	—	Недооцененные облигации

Таблица 5

Результаты построенных рейтингов анализируемых компаний-эмитентов (фрагмент)

Наименование показателя	ПАО «Норильский никель»	ПАО «СИБУР Холдинг»	ПАО «Газпром-нефть»	ПАО «Роснефть»
Рейтинг кредитоспособности (P_k)	41	50	50	62
Рейтинг инвестиционной привлекательности ценных бумаг ($P_{ин}$)	11	12	13	16
Совокупный рейтинг	52	62	63	78
Тип облигаций	Наиболее надежные и инвестиционно-привлекательные облигаций	Инвестиционно-привлекательные облигации с умеренным уровнем риска	Инвестиционно-привлекательные облигации с умеренным уровнем риска	Рискованные облигации с невысокой инвестиционной привлекательностью

На основе предложенного методического инструментария и метода иммунизации была апробирована возможность их применения для формирования инвестиционных портфелей (табл. 6). В табл. 6 представлены данные о приросте и просадке построенных на основе предложенного методического инструментария портфелей облигаций в сопоставлении с индексами Московской биржи, Российской торговой системы (РТС) и индекса государственных облигаций РФ (RGBI).

Таблица 6

Данные о приросте и просадке портфелей и индексов за 2017—2021 гг.

Активы в портфеле	Прирост стоимости портфеля, %	Просадка стоимости портфеля, %
Портфель 1 (государственные облигации)	118,79	44,96
Портфель 2 (муниципальные облигации)	62,64	82,13
Портфель 3 (корпоративные облигации)	93,69	52,21
ММВБ	43,08	30,86
РТС	40,32	34,82
RGBI	1,26	8,71

По расчетным данным можно сделать вывод, что наиболее доходным способом вло-

жения средств являются государственные облигации, но вложение средств в облигации муниципального и корпоративного секторов обладает наименьшим риском.

В условиях финансово-экономической нестабильности одним из наиболее надежных источников для вложений является формирование облигационного портфеля, направленного прежде всего на минимизацию риска инвестиций как частными и институциональными инвесторами (например, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами), так и государством в рамках стабилизационной денежно-кредитной политики.

Таким образом, предложенный методический инструментарий оценки облигационных займов объективно отражает финансовое положение компаний, а также инвестиционную привлекательность выпущенных ими ценных бумаг.

Данные принципы оценивания облигаций могут применяться для повышения эффективности частных и коллективных инвестиций, а также государства в нестабильных экономических условиях. Кроме того, рассматривается, что предложенные в работе методические принципы расширяют инструментарий эмитентов при планировании выпуска облигационных займов.

Библиографический список

1. Байбеков И.Р. Комплексная методика оценки кредитного качества эмитентов облигаций // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 4 (53). С. 74—78.
2. Балюк И.А. Тенденции развития международного рынка долговых ценных бумаг // Финансы: теория и практика. 2017. № 21 (2). С. 69—81.
3. Кашина О.И. Применение теории биржевого обмена к управлению портфелем финансовых активов // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 5—6. С. 249—253.
4. Ang J.B. Survey of recent developments in the literature of finance and growth // Journal of Economic Surveys. 2008. № 22. P. 536—576.
5. Bhattacharyay B.N. Determinants of bond market development in Asia // Journal of Asian Economics. 2013. № 24. P. 124—137.
6. Felman J., Gray S., Goswami M., Jobst A.A., Pradhan M., Peiris S., Seneviratne D. ASEAN-5 bond market development: Where does it stand? Where is it going? // Asian-Pacific Economic Literature. 2014. № 28. P. 60—75.
7. Samargandi N., Fidrmuc J., Ghosh S. Is the relationship between financial development and economic growth monotonic? Evidence from a sample of middle-income countries // World Development. 2015. № 68. P. 66—81.
8. Yashina N.I., Makarova S.D., Kashina O.I., Kuznetsov V.P., Romanovskaya E.V. Methodical approaches to analysis of performance of budgetary obligations on the basis of the risk-oriented approach // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. № 87. P. 662—669.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ

*А.А. КОЛЬЦОВА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и экономической политики, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: a.a.koltsova@spbu.ru*

*Н.М. СТАРОБИНСКАЯ, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры отраслевой экономики и финансов, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
e-mail: nadine.star@mail.ru*

Аннотация

Существенные региональные диспропорции параметров человеческого потенциала свидетельствуют, с одной стороны, о неравномерности базисных условий развития. С другой стороны, являются отражением низкой эффективности реализации ключевых национальных целей устойчивого развития. Статья представляет результаты исследования на основе авторской группировки статистических данных, направленного на выявление регионов лидеров и аутсайдеров по показателям человеческого потенциала.

Ключевые слова: человеческий потенциал, базис устойчивого развития, показатели НЦУР, специфика бюджетной обеспеченности, региональные диспропорции.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_24

Национальное устойчивое развитие предполагает преодоление ряда системных проблем (демографических, экологических) и создание благоприятных условий для экономического роста с учетом экологических аспектов. Несмотря на изменения геополитической ситуации, РФ продолжает планомерную реализацию 17 ключевых целей устойчивого развития, которые легли в основу действующих национальных программ и проектов. Группа показателей, индикаторов достижения национальных целей устойчивого развития (НЦУР) позволяет провести комплексную оценку эффективности реализуемых мероприятий: по вариантам наращивания инновационного потенциала, по направлениям социальных преобразований, по преодолению экологических проблем.

Представляется значимым проанализировать параметры человеческого потенциала, прежде всего в региональном разрезе, с целью определения равномерности или дифференциации условий наращивания ключевого фактора экономического роста. Влияние человеческих, трудовых ресурсов на расширение экономической мощи государства сегодня получило значимую теоретическую и практическую проработку в научной сфере и не требует отдельной доказательной базы. Интерес представляют основная категория и параметры анализа: акцентировать внимание на человеческом капитале или человеческом потенциале региона. Наше исследование ориентировано на оценку человеческого потенциала как наиболее общего, емкого экономического понятия, учитывающего, в отличие от капитала, характеристики всего населения, без корректировки на текущую вовлеченность в производственные, хозяйственные отношения. Как отмечает в своей работе А.А. Федотов [9], категория «человеческий потенциал» отражает возможности реализации человека, а «человеческий капитал» демонстрирует получение отдачи от этой реализации.

Отечественные специалисты в области экономики, социологии характеризуют категорию «человеческий потенциал» как на национальном, региональном уровне, так и на уровне отдельных производственных единиц. При этом авторские трактовки разнообразны, не подчинены единым параметрам статистической оценки: анализируются демографические, экономические, образовательные показатели, данные о социальной активности,

психического здоровья и пр. Для нашего исследования наиболее близким является определение, представленное в работе Е.В. Ереминой [1], согласно которому человеческий потенциал региона отражает сумму всех способностей населения данной территории, а также возможности реализации этих способностей в системе социально-экономических отношений. Оценка человеческого потенциала региона, с одной стороны, представляет возможность проанализировать сложившийся базис устойчивого развития. С другой стороны, динамика оценочных параметров свидетельствует об эффективности реализации ключевых целей национального устойчивого развития.

Авторами поставлена цель — выявить субъекты РФ, имеющие существенные проблемы с формированием человеческого потенциала.

Задачи исследования:

- провести группировку национальных ЦУР РФ с целью выявления группы показателей, характеризующих человеческий потенциал региона;
- на основе результатов сопоставления показателей выбранной группы НЦУР, в разрезе субъектов РФ, выделить по 3 лидера и аутсайдера;
- определить специфику бюджетной обеспеченности по выбранным субъектам РФ.

Из более чем 170 статистических показателей, демонстрирующих параметры достижения целей устойчивого развития регионов и страны в целом, нами отобрано 8, представляющих группу устойчивого развития человеческого потенциала. Отечественные исследователи человеческого потенциала регионов, такие как: И.А. Питайкина [5], В.Ю. Маслихина [3], Е.В. Рюмина [7], А.В. Федонина [8], проводили комплексный анализ качественных и количественных характеристик исследуемой категории (от демографической структуры населения до доступности услуг учреждений культуры). Мы сосредоточили внимание на качественных параметрах. Выбранные нами показатели сгруппированы по следующим категориям:

1. Уровень здоровья: оценка проводится как по данным, характеризующим текущее положение (ожидаемая продолжительность здоровой жизни), так и потенциалу поддержки и совершенствования (охват граждан профилактическими медицинскими осмотрами).

2. Качество образования. Традиционные для данной категории показатели, характеризующие охват населения соответствующих возрастных групп программами высшего и среднего образования, не подходят для межрегиональной оценки, так как возможны искажения в связи с приоритетным выбором получения образования в центральном субъекте федерального округа или в Москве и Санкт-Петербурге. Поэтому мы оценили охват молодежи навыками владения ИКТ и долю обучающихся соответствующей возрастной группы, не освоивших базовую программу, в соответствии с ФГОС. Предполагается, что регионы, демонстрирующие значения по данному показателю выше общероссийских, имеют существенные проблемы в развитии системы основного общего образования и в будущем столкнутся с проблемами нехватки квалифицированных трудовых ресурсов.

Отдельные показатели, характеризующие уровень здоровья и качество образования, входящие в группы 1 и 2, нами были апробированы при проведении оценки достижения целей устойчивого развития субъектов Северо-Западного федерального округа при оценке потенциала экономического развития [2].

3. Занятость населения регионов характеризуется как по показателю, свидетельствующему о вовлеченности в трудовую активность (уровень занятости населения), так и по показателю, свидетельствующему о низкой социально-экономической активности молодежи (доля молодежи, не обучающейся и не работающей).

4. Уровень доходов мы проанализировали на основе двух составляющих: свидетельствующий об уровне бедности показатель «доля населения с доходами ниже границы бедности» и показатель, характеризующий динамику реальных доходов населения (реальные денежные доходы населения в процентах к

предыдущему периоду). Представленные показатели, в отличие от часто применяемого — ВРП на душу населения, позволяют косвенным образом оценить возможности потребления социально-культурных услуг, расширения частных вложений в образование и здравоохранение.

Субъекты РФ, по которым определены максимально положительные характеристики (лидеры), имеют эффективную базу по устойчивому развитию за счет сформированного человеческого потенциала. Территории,

получившие преимущественно негативные оценки (аутсайдеры), требуют значимой корректировки региональных программ развития, зачастую также помощи федеральной власти.

Оценка по показателям, характеризующим степень достижения НЦУР в данной группе, с фактическими данными, представлены в таблице. Временной параметр зафиксируем по 2021 г.

Проведенная оценка позволила выделить регион, абсолютно лидирующий по показа-

Региональные диспропорции развития человеческого потенциала

Ключевые показатели и данные в среднем по РФ	Лидеры	Аутсайдеры
1	2	3
Уровень здоровья		
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни, лет — 59,4	Республика Дагестан — 68,1; Республика Ингушетия — 67,6; Чеченская Республика — 64,9	Чукотский автономный округ — 40,3; Магаданская область — 45,9; Еврейская автономная область — 48,8
Охват граждан профилактическими медицинскими осмотрами, % — 73,2	Тамбовская область — 98,9; Санкт-Петербург — 93,9; Саратовская область — 92,8	Севастополь — 12,8; Еврейская автономная область — 24,3; Томская область — 37,0
Качество образования		
Доля обучающихся общеобразовательных организаций в возрасте 10 и более лет, не достигших базового уровня подготовки в соответствии с ФГОС, % — 17,8	Белгородская область — 4,8; Республика Калмыкия — 7,2; Брянская область — 7,6	Ненецкий автономный округ — 36,7; Свердловская область — 34,5; Иркутская область — 29,9
Доля молодежи, обладающей навыками в области информационно-коммуникационных технологий, в % от общей численности населения в возрасте 15—24 лет — 93,3	Мурманская область — 100,0; Чукотский автономный округ — 100,0; Санкт-Петербург — 99,7	Республика Дагестан — 79,6; Карачаево-Черкесская Республика — 79,5; Тюменская область (без АО) — 74,2
Занятость населения		
Уровень занятости населения, % — 59,4	Чукотский АО — 76,7; Ямало-Ненецкий АО — 73,6; Магаданская область — 71,6	Республика Северная Осетия — 48,6; Алания — 48,6; Республика Тыва — 48,8; Республика Адыгея — 49,1
Доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, % — 10,2	Республика Татарстан — 4,6; Санкт-Петербург — 4,7; Ивановская область — 5,4	Республика Дагестан — 32,4; Чеченская Республика — 30,3; Республика Ингушетия — 24,6

Окончание таблицы

1	2	3
Уровень доходов		
Реальные денежные доходы населения, в процентах к предыдущему периоду, % — 103,1	Севастополь — 110,4; Кабардино-Балкарская Республика — 109,3; Санкт-Петербург — 108,3	Республика Калмыкия — 97,7; Республика Коми — 97,9; Ненецкий автономный округ — 98,1
Доля населения с денежными доходами ниже границы бедности, % — 11,0	Ямало-Ненецкий АО — 4,7; Санкт-Петербург — 5,1; Москва — 5,6	Республика Ингушетия — 29,7; Республика Тыва — 29,4; Республика Калмыкия — 22,7

Источник: составлена авторами по [4].

телям, — это Санкт-Петербург, демонстрирующий одни из лучших значений по пяти параметрам: зона охвата населения профилактическими медицинскими осмотрами на 20,7 % больше среднероссийских данных; доля молодежи, обладающей навыками ИКТ, — на 6,4 % выше средних значений по стране; на 5,5 % ниже доля молодежи, которая не учится и не обучается; выше средних по стране данные по росту реальных доходов населения и в два раза меньше значение по доле населения с денежными доходами ниже границы бедности. Ямало-Ненецкий автономный округ попал в группу лидеров по устойчивому развитию человеческого потенциала по двум показателям: уровень занятости населения на 14 % выше средних данных и самый низкий по стране показатель доли бедного населения — 4,7 % (в 2,3 раза меньше средних значений и в 6,3 раза меньше максимального).

В выборке регионов с самыми негативными оценками по развитию человеческого потенциала (аутсайдеров) дважды встречаются такие субъекты РФ, как Еврейская автономная область, Ненецкий автономный округ и Республика Тыва. Но при этом проблемы указанных регионов различны. Еврейская автономная область демонстрирует существенные отставания по показателям компонента здоровья населения. По Ненецкому автономному округу самая высокая доля обучающихся общеобразовательных организаций, не достигших базового уровня подготовки в соответствии с ФГОС, и снижение реальных доходов населения (данные в среднем по

России в 2021 г. отражают рост). Республика Тыва имеет одно из самых низких значений по уровню занятости в сочетании с существенной долей населения, имеющего доходы ниже границы бедности.

Ряд регионов (Чукотский автономный округ, Магаданская область, Севастополь, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия и Республика Калмыкия) продемонстрировали как положительные, так и отрицательные параметры развития человеческого потенциала. Так, например, Чукотский АО при самой низкой ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения имеет 100 % молодежи с навыками в области ИКТ и самый высокий уровень занятости. Похожая ситуация в Магаданской области. Субъекты Северо-Кавказского ФО характеризуются самыми высокими значениями по ожидаемой продолжительности здоровой жизни и существенным превышением средних по стране значений доли молодежи, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков.

В целом можно говорить о значительной степени дифференциации регионов по уровню развития человеческого потенциала. Данная проблема требует обязательного решения. Необходимо создать условия для равномерного развития территорий за счет собственных трудовых ресурсов, предотвратить возможный отток населения. По регионам, представляющим группу «аутсайдеров», акцентировано внимание на текущих вопросах наращивания человеческого потенциала и

важно определить, смогут ли они их решить самостоятельно.

На следующем этапе исследования из 35 регионов выбраны 12 субъектов: лидеров, аутсайдеров и имеющих противоположные оценочные параметры. Представляется важным проанализировать специфику их бюджетного обеспечения, по следующим направлениям: самостоятельность бюджетов (через определение зависимости от межбюджетных трансфертов) и значимость расходов собственных средств на социальную поддержку отдельных групп населения. Полученные характеристики позволят: определить бюджетные условия формирования человеческого потенциала; выделить группу регионов, не обладающих собственными финансовыми ресурсами для преодоления выявленных проблем наращивания базиса устойчивого развития.

Информационной базой на данном этапе исследования стали статистические данные за 2021 г. сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022» и показатель «Доля расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на социальную поддержку отдельных категорий граждан к собственным доходам консолидированных бюджетов», отраженный в национальном наборе показателей ЦУР. В качестве сравнительных параметров применяем средние по РФ данные. Так, по средним данным о доле безвозмездных поступлений

от совокупных доходов расчетное значение составило 22,2 %. По средним значениям собственных расходных обязательств региональных бюджетов перед отдельными группами населения — 10,6 %. Выбранные регионы группируем по полученным оценкам бюджетных параметров следующим образом (см. рисунок):

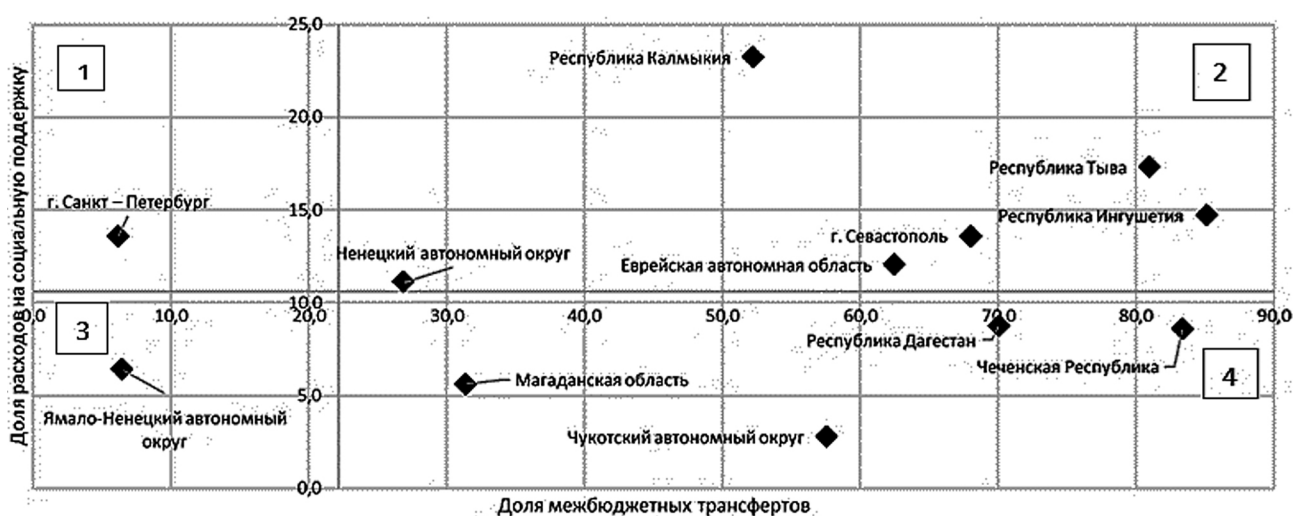
1-я группа: низкий уровень зависимости от межбюджетных трансфертов и значительная доля расходов на социальную поддержку незащищенных слоев населения.

2-я группа: существенная зависимость доходов бюджета от безвозмездных поступлений и высокая доля расходов на выполнение обязательств перед социально незащищенными слоями населения.

3-я группа: сочетание низкой доли межбюджетных трансфертов в доходах региона с незначительными расходами на социальную поддержку по расходной части.

4-я группа: доля расходов на социальную поддержку населения ниже средних значений по другим регионам и высокая зависимость от перераспределяемых бюджетных средств.

Лидирующие по показателям развития человеческого потенциала Санкт-Петербург (1-я группа) и Ямало-Ненецкий АО (3-я группа) имеют низкий уровень зависимости от межбюджетных трансфертов. При этом по Санкт-Петербургу доля расходов, связан-

Группировка регионов по бюджетным параметрам

ных с социальной поддержкой отдельных категорий граждан, в два раза превышает значения по Ямало-Ненецкому АО. Особый интерес представляет 2-я группа: по трем из шести регионов в данной выборке определены низкие параметры развития человеческого потенциала (Ненецкий АО, Еврейская автономная область и Республика Тыва). Стоит отметить, что Республика Тыва, имея проблемы с уровнем занятости и уровнем бедности населения, обусловлено демонстрирует высокий уровень расходов на социальную поддержку незащищённых слоев населения. Но сочетание данных параметров с высокой зависимостью от межбюджетных трансфертов (в 4 раза больше средних значений) свидетельствует о невозможности изменения сложившейся ситуации собственными силами. Ненецкий АО и Еврейская автономная область могут сконцентрироваться на решении выявленных проблем развития человеческого потенциала при расходовании региональных бюджетных доходов, так как имеют меньшую зависимость от принятых публичных нормативных обязательств. При этом им может быть рекомендовано наращивание собственной доходной базы, например, за счет налогового компонента. Отдельного внимания заслуживает Республика Ингушетия: при самой высокой по выборке зависимости от безвозмездных поступлений регион характеризуется существенным уровнем бедности и низкой социальной активностью молодежи. В этой ситуации необходимы разработка и реализация региональной программы развития, комплексно стимулирующей предпринимательскую активность, образовательные инициативы. В 2020 г. были внесены корректировки в программу стратегического социально-экономического развития Республики Ингушетия на период до 2030 г., учитывающие преодоление указанных проблем.

Регионам, образующим 4-ю группу, можно рекомендовать сосредоточить усилия на развитии собственной доходной базы и скорейшем решении вопросов, связанных с повышением ожидаемой продолжительности

здоровой жизни в Чукотском АО и Магаданской области; наращиванием социальной активности молодежи в Республике Дагестан и Чеченской Республике.

В качестве основных выводов по результатам исследования можно представить следующее:

Во-первых, статистические показатели, включенные в базу «Национальный набор показателей ЦУР», дают возможность создать набор данных для комплексной качественной характеристики человеческого потенциала регионов РФ.

Во-вторых, стоит отметить необходимость преодоления региональных диспропорций по уровню развития человеческого потенциала; решение выявленных проблем по группам регионов, что стоит учесть в разработке и корректировке региональных программ развития.

В-третьих, представленная в данном исследовании авторская методика оценки в дальнейшем будет апробирована на данных по регионам в разрезе федеральных округов. Планируется характеристика показателей в динамике для выявления тенденции развития исследуемых субъектов.

Библиографический список

1. Еремена Е.В. Значение человеческого потенциала в развитии региона // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 5 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-chelovecheskogo-potentsiala-v-razviti-regiona>.
2. Кольцова А.А., Старобинская Н.М. Дифференциация регионов по показателям устойчивого развития на примере субъектов Северо-Западного федерального округа // Международный экономический симпозиум — 2022: материалы Международ. науч. конф. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2022. С. 380—386.
3. Маслихина В.Ю. Основные тенденции развития человеческого потенциала в провинциальном регионе // Теория и практика общественного развития. 2021. №12 (166). С. 98—103.
4. Национальный набор показателей ЦУР / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national>.

5. *Питайкина И.А.* Анализ качества человеческого потенциала региона (на примере Пензенской области) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 12 (62). С. 152—159.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 / Федеральная служба государственной статистики. Статистические издания. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

7. *Рюмина Е.В.* Анализ восточных регионов

России по критериям качества человеческого потенциала // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 7 (77). С. 129—135.

8. *Федонина О.В.* Человеческий потенциал в Республике Мордовия с позиции обеспечения экономической безопасности // Контентус. 2020. № 5. С. 79—85.

9. *Федотов А.А.* Человеческий потенциал и человеческий капитал: сущность и отличие понятий // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 7 (77). С. 148—155.

УСТОЙЧИВОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДУЩИХ ОПЕРАТОРОВ СТРАХОВОГО РЫНКА РОССИИ И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

*И.В. БАБЕНКО, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономического анализа, статистики и финансов, Кубанский государственный университет
e-mail: bain@inbox.ru*

*А.И. БАБЕНКО, преподаватель кафедры экономического анализа, статистики и финансов, Кубанский государственный университет
e-mail: bain@inbox.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются изменения в группе ведущих страховых компаний Российской Федерации и Краснодарского края за период с 2014 г. Предложен инструментарий для оценки устойчивости деятельности страховщиков федерального и регионального уровней, выявлены общие тенденции развития разноуровневых страховых рынков.

Ключевые слова: страховые операторы, ранжирование, устойчивость, стандартное отклонение, рейтинг.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_31

Элементы, имеющие наибольший удельный вес в совокупности, как правило, оказывают существенное влияние на основные характеристики той или иной совокупности в целом, формируют её параметры. Так, основные показатели страхового рынка России определяются результатами деятельности страховщиков на региональных страховых рынках. В свою очередь особенности развития этих региональных рынков формируются под влиянием таких значимых факторов, как [1—2]:

- уровень социально-экономического развития региона, зависящий от географического положения, имеющихся природных ресурсов, развития инфраструктуры и т. д.;
- степень распространения сети федеральных и региональных страховщиков;
- уровень доверия потребителей страховых услуг страховым компаниям как финансовым институтам;
- способность физических и юридических

лиц оплачивать страховые услуги по добровольному страхованию;

- наличие объектов, подлежащих обязательному страхованию;

- уровень распространения кредитования и связанного с ним страхования жизни и здоровья заёмщиков (квазиобязательное страхование) и др.

В российском страховом законодательстве имеются стратегии развития страховой отрасли, однако при этом практически не учтены региональные условия развития страхования. Например, возрастающие требования к величине уставного капитала в целом способствуют росту финансовой устойчивости страховщиков, но для региональных страховщиков это является фактором, снижающим рентабельность их бизнеса.

Определённый интерес представляет сопоставление изменений в группе ведущих операторов страхового рынка на уровне России и на региональном уровне Краснодарского края.

На сайте «Страхование сегодня» представлены данные о деятельности 100 страховых компаний в России и по Краснодарскому краю, начиная с ноября 1992 г. Рынок страховых услуг как в целом по РФ, так и по отдельным регионам характеризуется высокой степенью концентрации. Так, на первую десятку (первый дециль) ведущих страховых компаний за 2014—2021 гг. приходилось от 59 до 73 % поступлений по страховому рынку в целом и соответственно от 65 до 72 % выплат по договорам страхования [3]. Страховой рынок Краснодарского края за изучаемый период

работал достаточно стабильно: по сборам он занимал среди регионов России места с 4-го по 7-е (около 2 % от общероссийского уровня сборов, с тенденцией к снижению), по выплатам — места с 3-го по 6-е (при величине выплат около 2,5 % общероссийского уровня также с тенденцией к уменьшению). Среди особенностей, влияющих на формирование страхового рынка Кубани, обычно отмечают наличие обширного рекреационного кластера, объектов международной транспортной инфраструктуры (Каспийский трубопроводный консорциум, морские портовые сооружения на Чёрном и Азовском морях), а также значительное число предприятий агропромышленного комплекса.

Представляет интерес географическое местоположение страховых компаний, филиалы которых работают в настоящее время на территории Краснодарского края (табл. 1). Примечательно, что в этой таблице отсутствуют страховые компании, зарегистрированные на территории Краснодарского края. Эти страховщики заключали договоры добровольного (страхование жизни, личное страхование и страхование ответственности) и обязательного страхования (страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств).

Таблица 1

Региональное представительство страховых компаний, действующих на территории Краснодарского края (2021 г.)

Город регистрации страховой компании	Количество страховых компаний
<i>1</i>	<i>2</i>
Москва	52
Санкт-Петербург	5
Казань	3
Самара	2
Альметьевск	1
Белово (Кемеровская область)	1
Владимир	1
Воронеж	1
Липецк	1
Новосибирск	1

Окончание табл. 1

<i>1</i>	<i>2</i>
Пермь	1
Салехард	1
Хабаровск	1
Ханты-Мансийск	1
Челябинск	1
<i>ИТОГО:</i>	73

Составлена авторами по [3].

Ранжируем страховщиков в порядке уменьшения величины поступлений (страховых премий), т. е. компания, имеющая наибольшую величину поступлений, получает номер 1 и т. д. За базу сравнения выберем объём поступлений за 2014 г. Выбор этого года обусловлен появлением изменений, связанных с санкционной политикой. Рассмотрим изменения в ранжировании первого дециля ведущих операторов страхового рынка. Состав участников этой десятки за исследуемый период изменялся, что представлено в табл. 1 (для России в целом) и в табл. 2 (для Краснодарского края). Дефисы в ячейках таблицы означают, что страховая компания либо временно покидала или окончательно выбыла из первой сотни мест в рейтинге, либо вообще прекратила свою деятельность (например, такие страховщики, как Северная казна, Альянс, Уралсиб, Жасо, Московия, Верна, АСКО, ВТБ Страхование Жизни, НГС-Росэнерго, ВСК-Линия жизни и АСКО-Страхование). Примечательно, что в отличие от региональных страховщиков для списка на уровне федерации таких ситуаций за изучаемый период не возникало, т. е. изменения в деятельности ведущих страховщиков в Краснодарском крае не отражались на их рейтинге по России в целом.

Рассмотрим данные, характеризующие выплаты и поступления 10 ведущих операторов страхового рынка России за неполные 8 лет — с 2014 по 2021 г. (за последний год имеются данные за 9 месяцев), и ранжируем соответствующие данные (табл. 2). В первую десятку, состав которой варьировался, в разные периоды входили 15 страховых организаций.

Таблица 2

Ранжирование по поступлениям (П) и выплатам (В) крупнейших страховых компаний РФ за 2014—2021 гг. (составлена авторами)

№ п/п	Компания	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г. (за 9 месяцев)	
		П	В	П	В	П	В	П	В	П	В	П	В	П	В	П	В
1	Росгосстрах	1	1	1	1	2	1	6	1	8	5	8	6	6	9	7	7
2	СОГАЗ	2	3	2	2	1	2	1	2	2	1	1	1	1	1	1	1
3	Ингосстрах	3	2	4	3	4	4	5	4	6	4	4	3	4	2	4	6
4	Ресо-Гарантия	4	4	3	4	3	3	3	3	5	2	5	4	3	4	5	3
5	АльфаСтрахование	5	6	5	5	6	5	7	5	4	3	3	2	2	3	3	4
6	ВСК	6	8	6	7	8	6	8	6	7	6	7	7	8	8	8	8
7	ВТБ Страхование	7	9	7	8	7	8	4	11	3	9	6	11	23	13	37	23
8	Сбербанк Страхование жизни	8	70	8	25	5	21	2	15	1	10	2	5	5	5	2	2
9	Согласие	9	5	9	6	10	7	11	8	13	7	13	10	12	12	12	12
10	Альянс	10	7	16	9	41	24	47	27	52	39	40	54	41	43	43	43
11	Группа Ренессанс Страхование	11	10	11	10	12	9	12	10	12	8	11	12	11	11	11	11
12	Капитал Лайф Страхование жизни	14	20	10	17	9	14	9	12	14	11	14	8	14	7	16	10
13	АльфаСтрахование-Жизнь	18	62	12	40	11	18	10	16	9	13	9	9	7	6	6	5
14	СК СОГАЗ-Жизнь	63	36	49	26	38	27	17	19	16	21	10	17	9	10	9	9
15	Ренессанс Жизнь	16	68	14	43	13	29	13	40	10	32	12	24	10	20	10	13

Соответствующие данные для страховщиков Краснодарского края представлены в табл. 3. В первом дециле за 2014—2021 гг. здесь побывали 26 операторов страхового рынка. Аналитический инструмент для оценки устойчивости деятельности страховщиков включает в себя обычно расчёт ряда классических аналитических показателей на основе их бухгалтерской отчётности: уровни обеспеченности собственным капиталом, покрытия страховых резервов собственным капиталом, долговой нагрузки, ликвидность баланса, коэффициенты общей и срочной ликвидности, маржа платёжеспособности и др.

В нашей работе в качестве критерия устойчивости деятельности страховщиков мы предлагаем использовать стандартное (среднее квадратическое) отклонение σ , рассчитанное на основе рейтинга страховщиков в целом по Российской Федерации и по региональному страховому рынку Краснодарского края за 2014—2021 гг. по двум показателям: объёму поступлений (премиям) и выплатам

за изучаемый период. Это стандартное отклонение основано на сравнении отклонения вариантов от своей средней величины. Чем оно меньше, тем более однородна совокупность, что можно понимать в нашем случае как более стабильную деятельность страхового оператора.

Рассчитаем эти показатели для 15 компаний, данные по которым представлены в табл. 1, и по 26 компаниям, используя сведения табл. 2, за период с 2014 по 2021 г. Суммируем эти два стандартных отклонения (по премиям и выплатам) для каждого из изучаемых рынков в отдельности, и ограничимся рассмотрением таких показателей для десяти первых страховых компаний, имеющих наименьшее значение суммы стандартных отклонений. Итоги такого ранжирования представлены в табл. 4.

Компании, где этот показатель меньше, по сравнению с другими страховщиками, работали на протяжении изучаемого периода более устойчиво, и чем существеннее изменялся ранг страховщика, тем меньшей стабильно-

Таблица 3

Ранжирование по поступлениям (П) и выплатам (В) крупнейших страховых компаний, действующих в Краснодарском крае, за 2014—2021 гг. (составлена авторами)

№ п/п	Компания	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г. (за 9 месяцев)	
		П	В	П	В	П	В	П	В	П	В	П	В	П	В	П	В
1	Росгосстрах	1	1	1	1	1	1	4	1	16	1	10	5	10	7	11	7
2	Ресо-Гарантия	2	2	3	2	2	2	1	2	4	2	4	2	2	4	1	2
3	ВСК	3	4	2	4	3	3	2	3	2	3	1	3	1	1	3	4
4	СОГАЗ	4	10	5	5	5	4	5	6	5	5	5	4	3	10	4	11
5	Сбербанк Страхование жизни	5	45	4	21	4	18	3	11	1	10	3	7	5	6	5	3
6	Согласие	6	3	12	3	13	10	13	8	24	9	15	18	11	17	12	15
7	Макс	7	7	8	8	10	5	17	5	14	7	26	12	22	15	22	16
8	Северная казна	8	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	АльфаСтрахование	9	9	6	9	7	8	6	7	3	4	2	1	4	2	2	5
10	Ингосстрах	10	5	7	10	6	7	10	4	7	6	6	6	7	8	6	8
11	Альянс	39	6	82	14	86	35	82	60	79	64	77	63	—	—	68	66
12	Уралсиб	11	8	9	6	19	6	60	19	—	63	—	—	70	—	—	—
13	Капитал Лайф Страхование жизни	13	31	10	28	8	25	7	21	15	17	20	10	20	9	24	13
14	Жасо	15	14	11	7	44	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15	ВТБ Страхование жизни	—	—	16	99	9	40	9	32	8	11	19	14	—	—	—	—
16	Московия	16	20	13	12	17	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	АльфаСтрахование-Жизнь	55	81	17	52	15	34	8	29	6	15	7	11	8	5	7	1
18	Верна	—	100	25	54	12	31	11	9	—	13	17	16	17	12	—	—
19	АСКО	18	21	15	16	16	12	18	10	—	—	—	—	—	—	—	—
20	ВСК-Линия жизни	—	55	78	53	71	48	21	48	9	48	13	38	32	—	42	9
21	ВТБ Страхование	14	15	14	13	11	17	12	26	10	23	9	28	—	—	—	—
22	НСГ-Росэнерго	—	—	—	—	31	43	19	13	18	8	16	8	—	—	—	—
23	СК СОГАЗ-Жизнь	58	47	28	30	33	44	14	31	13	38	8	20	6	3	10	6
24	РСХБ-Страхование	20	53	21	19	32	39	16	18	22	18	18	9	18	18	21	25
25	АСКО-Страхование	—	—	—	—	54	64	25	30	21	20	12	19	9	11	8	10
26	УралСиб Жизнь	50	43	59	39	—	38	15	45	11	46	23	17	15	22	9	12

стью характеризуется его деятельность. Как можно увидеть из данных табл. 3, федеральный ранжированный список на 70% совпадает с аналогичным региональным списком. А состав участников первой тройки стабилен как на федеральном, так и на региональном уровне: это страховая группа СОГАЗ, Ресо-Гарантия и Страховой Дом Военно-Страховая Компания.

Таким образом, при определении ранжирования страховщиков региона можно уверенно ориентироваться на рейтинг, сформированный для страховых компаний по России в целом. То есть страховой рынок Краснодар-

ского края по существу мало отличается от положения страховщиков на уровне Российской Федерации в целом, эти рынки в настоящее время функционируют синхронно.

Вместе с тем можно сделать и вывод о том, что неравномерность развития страхового рынка России является негативным фактором, препятствующим формированию региональных страховых рынков и созданию конкурентной среды в деятельности страховых операторов, устранению среди них монополизации и концентрации, а в конечном итоге — повышению качества страховых услуг и снижению их стоимости для страхователей.

Таблица 4

Ранжирование страховых компаний, действующих на российском страховом рынке и страховом рынке Краснодарского края (по сумме стандартных отклонений рейтингов по поступлениям и выплатам) (составлена авторами)

Российский страховой рынок		Страховой рынок Краснодарского края	
Страховая компания	Сумма стандартных отклонений	Страховая компания	Сумма стандартных отклонений
СОГАЗ	5,750	ВСК	11,750
Ресо-Гарантия	10,750	Ресо-Гарантия	13,375
ВСК	11,500	СОГАЗ	64,875
Группа Ренессанс Страхование	12,750	Ингосстрах	79,500
Ингосстрах	17,500	АльфаСтрахование	112,750
Согласие	68,750	Росгосстрах	287,500
Росгосстрах	139,750	Согласие	419,375
Капитал Лайф Страхование жизни	189,875	Макс	491,375
ВТБ Страхование	1 173,500	Капитал Лайф Страхование жизни	757,375
Ренессанс Жизнь	2 071,375	Сбербанк Страхование жизни	1 288,375

Для снижения влияния этого фактора необходимы действия регулятора как на общероссийском (повышение финансовой самостоятельности регионов, создание условий реальной конкуренции страховых операторов и действенный контроль за выполнением этих условий, дифференциация требований регулятора по отношению к региональным страховщикам), так и на региональном уровне (льготные условия хозяйствования для региональных страховщиков, стимулирование специфических видов страхования, имеющих социальную и экономическую значимость для региона).

Библиографический список

1. Прокопьева Е.Л. Анализ диспропорций страховой деятельности в регионах РФ и его применение в управлении региональными рисками // Финансы и бизнес. 2020. Т. 14, № 3. С. 128—152.
2. Страхование сегодня. URL: <https://www.insur-info.ru/>.
3. Цыганов А.А., Кириллова Н.В. Страховой рынок Российской Федерации: региональный аспект // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 4. С. 1270—1281.

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

*А.К. КОЧИЕВА, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: akadeh@yandex.ru*

Аннотация

В статье исследуется реальный сектор экономики России. Приведены различные определения реального сектора экономики. Проанализированы такие параметры функционирования реального сектора, как состояние производственной базы, инвестиции в основной капитал, рассчитаны показатели несбалансированности торговли по стратегически важным товарным группам, показаны имеющиеся проблемы и предложены возможные направления их решения в современных кризисных условиях.

Ключевые слова: реальный сектор экономики, промышленность, НИОКР, экспорт, импорт, санкции.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_36

В ситуации усиливающегося санкционного давления, запретов на импорт техники и технологий из недружественных стран, прекращения деятельности ряда крупных зарубежных компаний на территории Российской Федерации, нестабильности конъюнктуры на мировом рынке, а также таких сложностей в получении доходов от нефтегазового сектора, который на протяжении последних десятилетий составлял весомую часть доходов государственного бюджета, как наличие запретов на покупку российских углеводородов в странах Европы, проблемы, вызванные выходом из строя газопроводов, вследствие чего транзит российского газа был прекращен, особенно актуальным становится вопрос состояния реального сектора экономики России, в том числе в контексте обеспечения экономической безопасности.

Прежде всего считаем важным обратиться к самой дефиниции «реальный сектор экономики». В научной и учебной литературе четкое определение реального сектора эконо-

мики (РСЭ) отсутствует. По тем источникам, где раскрыто понятие РСЭ, можно сделать вывод, что это определение не имеет четкой формулировки. Так, отдельные авторы понимают РСЭ как совокупность всех сфер производства, сельского хозяйства, транспортной отрасли, а также строительства [7]. Реальный сектор экономики создает валовый внутренний продукт, объединяет предприятия и организации нефинансового сектора, основой которого выступают отрасли промышленного и сельскохозяйственного производства, а также торговля [2]. Некоторые авторы подходят к определению РСЭ как к совокупности отраслей, производящих товары, оказывающих услуги и выполняющих работы, включая в РСЭ научные и торговые организации [5]. Существует точка зрения, согласно которой реальный сектор экономики следует понимать как совокупность отраслей народного хозяйства, производящих промышленные и сельскохозяйственные товары [1]. С.А. Заиченко рассматривает РСЭ через призму категоризации потребителей научно-технических результатов: сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, организации, предоставляющие интеллектуальные услуги [3]. РСЭ характеризуется такими основными параметрами, как территориальная и отраслевая структура; уровень технологического развития; квалификация занятого населения, уровень его образования; специфика принятия экономических решений и пр. [1].

В статье будем рассматривать реальный сектор экономики как совокупность всех отраслей материального и нематериального производства, а также сферу услуг, в том числе обеспечивающую их функционирование

(информационно-коммуникационные технологии, логистика, интеллектуальные услуги и т. п.), за исключением биржевых и финансово-кредитных операций (которые представляют собой финансовый сектор).

Реальный сектор имеет важнейшее значение для развития экономики страны, особенно его роль усиливается в современных кризисных условиях в период международных ограничений. Развитие и эффективное функционирование РСЭ обеспечивает внутреннему рынку страны независимость от мировой политической конъюнктуры в части поставок материалов, оборудования и технологий, стабильное наличие рабочих мест для населения, поступление налоговых отчислений и пр. В этой связи на передний план выходят параметры, характеризующие состояние РСЭ, а также проблемы и направления его совершенствования.

Положение и динамика развития реального сектора экономики зависят от состояния научно-технологической сферы государства, трансфера инновационных технологий и их внедрения в производственные процессы предприятий [3]. Так, уровень затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) имеет важное значение для развития РСЭ. Динамика доли ВВП, составляющая расходы на НИОКР (рис. 1), иллюстрирует, что в России этот показатель

за последние двадцать лет не демонстрирует роста и составляет на 2020 г. лишь 1,1 %, в то время как, например, Китай за аналогичный временной интервал увеличил затраты на НИОКР с 0,9 до 2,4 % от ВВП. В Израиле по состоянию на 2020 г. показатель находится на уровне 5,4 % от ВВП.

Процессы трансфера технологий, выступающие ключевыми в передаче научно-технического и интеллектуального знания в реальный сектор экономики, отлажены в России слабо. Эта проблема усиливается тем фактором, что внутренний спрос на высокотехнологичную и инновационную продукцию нужно создавать посредством направляющей помощи государства, поскольку текущее состояние материально-технической базы в РФ по большей части не готово к массовому внедрению передовых технологий [8], что, в том числе, является следствием применения экстенсивных технологий на производстве, а также изношенности основного оборудования (рис. 2). Так, по состоянию на 2021 г. коэффициент обновления основных фондов в целом по России составлял 5,4 %, а степень износа достигала 52,2 % при предельно допустимом значении в 40 %.

Причина низких темпов обновления основных фондов — слабая инвестиционная активность организаций, особенно в условиях кризиса. Так, доля инвестиций в основной

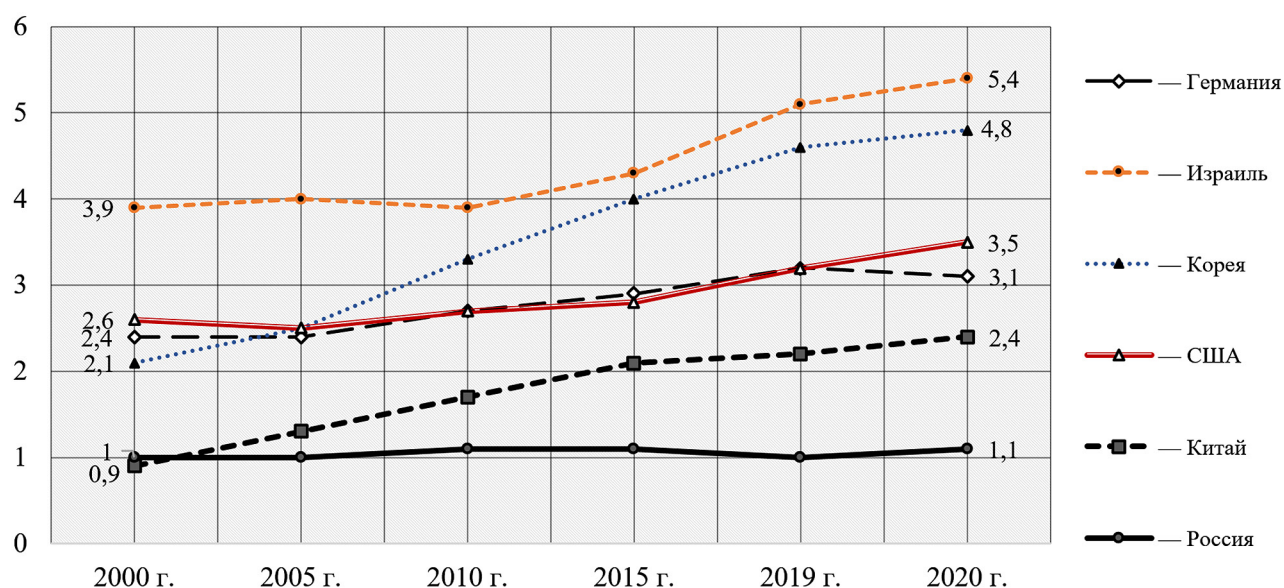

Рис. 1. Динамика доли валовых внутренних расходов на НИОКР, в процентах от ВВП [11]

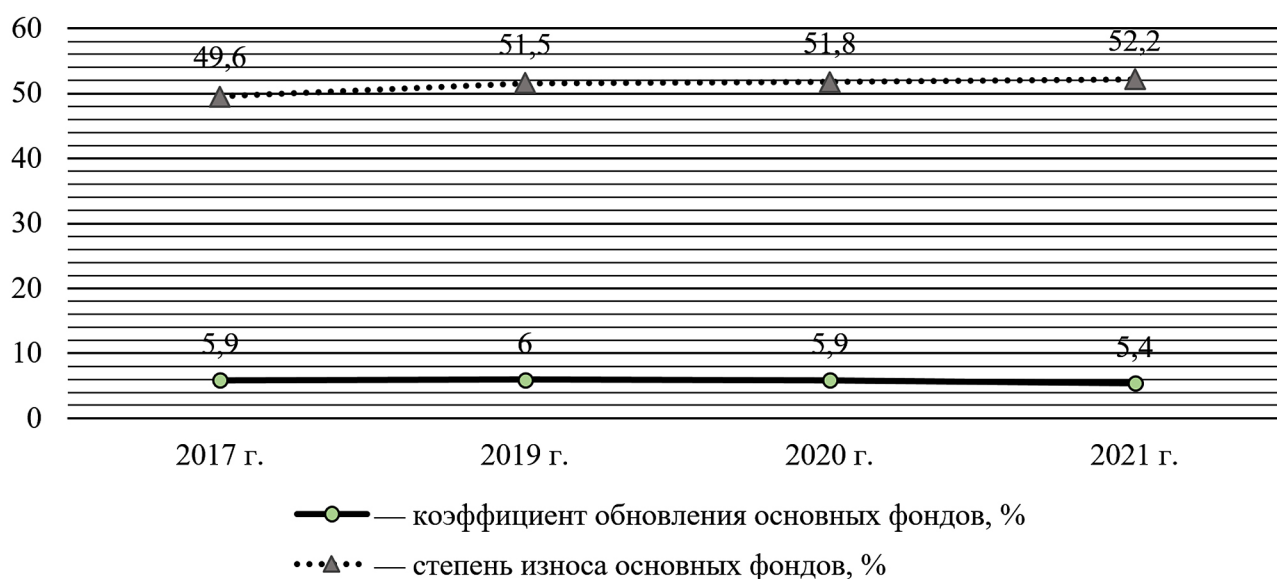

Рис. 2. Динамика показателей состояния производственной базы обрабатывающей промышленности в России [10]

капитал за период 2017—2021 гг. по России составляла не более 21,5 % (2020 г.), по состоянию на 2021 г. показатель находился на уровне 19,9 %, однако предельно критическое его значение составляет 25 %. Тем не менее индекс физического объёма инвестиций в основной капитал по РФ в целом увеличился в 2021 г. относительно 2020 г. на 7,7 %, в обрабатывающих производствах — на 9,4 % [10].

Экспорт инновационной продукции на сегодняшний день также ограничен ввиду санкционных запретов, поэтому основным каналом сбыта высокотехнологичных товаров остается внутренний рынок, который необходимо осваивать в краткосрочной перспективе. Однако для того, чтобы предприятия, особенно малые и средние, были в обозримом будущем готовы к внедрению инновационных технологий, а также к выпуску инновационной продукции, имели для этого финансовые возможности, а также, что немаловажно — высокую заинтересованность, следует выстраивать взаимодействие на уровне таких субъектов, как государство — наука — бизнес — общество.

Как уже было упомянуто, значительная часть доходов в бюджет России обеспечивается за счет добычи и продажи углеводородов, тем не менее сегодня особенно остро

встают проблемы, остававшиеся нерешенными на протяжении последних лет — дефицит качественного отечественного оборудования, комплектующих, необходимых в деятельности отрасли добычи полезных ископаемых, что напрямую угрожает национальной безопасности страны ввиду невозможности их приобретения у недружественных стран, либо наличия логистических сложностей и ограничений. Это подтверждается расчетами (приведены далее): почти вся подобная продукция приобретается за рубежом. Аналогичная проблема обстоит с рядом других стратегически необходимых товаров. Для наиболее глубокого понимания ситуации рассчитаем коэффициент несбалансированности торговли (UNIDO, 1982) для некоторых товарных групп и позиций (рис. 3). Коэффициент показывает, насколько синхронен поток экспорта и импорта по рассматриваемому товару / товарам, он может принимать крайние значения от -1 (присутствует исключительно импорт, экспорт отсутствует) до 1 (присутствует исключительно экспорт, импорт отсутствует). Показатели, стремящиеся к 1 , более желательны, чем те, которые стремятся к -1 .

Были рассмотрены некоторые товары, имеющие стратегическое значение, относящиеся к продукции реального сектора экономики.

Безусловно, список таких товаров не исчерпывается рассмотренными, тем не менее полученные коэффициенты позволяют сделать следующие выводы: значительно превалирует экспорт над импортом по товарным группам черные металлы (ТНВЭД 72), цветные металлы и изделия из них (ТНВЭД 74—80), ж / д локомотивы, подвижной состав (ТНВЭД 86), однако изделия из черных металлов преимущественно импортируются — коэффициент несбалансированности торговли $-0,24$.

Важно отметить, что благоприятная ситуация по состоянию на 2021 г. и ранее (2016 г., 2017 г.) наблюдается в отрасли производства удобрений (рис. 3) — практически вся продукция экспортировалась, от импорта Россия не зависела, однако в 2022 г. конъюнктура значительно изменилась и появилась необходимость внесения изменений в логистические цепочки по продаже удобрений за рубеж. Импорт фармацевтической продукции в РФ намного перевешивает ее экспорт — коэффициент $-0,68$ в 2021 г., однако ситуация

улучшилась по сравнению с 2017 г., когда значение показателя составляло $-0,87$. Самое неблагоприятное положение наблюдается в таких товарных позициях, как вычислительные машины и их блоки, а также аппараты для коммутации, сотовые телефоны, оборудование для в сети проводной и беспроводной связи (ТНВЭД 8517 и 8471) — здесь наблюдается значительное доминирование импорта — коэффициент $-0,91$.

Полученная информация подтверждается также и проведенным в конце 2022 г. исследованием [6], посвященным проблемам функционирования отрасли информационных технологий в период санкций и приведшим к прекращению или невозможности закупок телекоммуникационного оборудования и программного обеспечения (ПО) из недружественных стран, которое повсеместно обслуживает реальный сектор экономики России. Информационно-коммуникационное оборудование и ПО имеют колоссальное влияние и значение для эффективного функ-

Рис. 3. Коэффициенты несбалансированности торговли для некоторых товарных групп и позиций в РФ, 2021 г. (рассчитано автором по данным [9])

ционирования и экономической безопасности РСЭ ввиду повсеместной цифровизации и интернетизации процессов. Итак, опрос специалистов, занятых в сфере информационных технологий, показал, что зарубежное программное обеспечение и оборудование эксплуатируются в 94 % случаев, отечественные аналоги на сегодняшний день либо отсутствуют, либо значительно уступают в производительности и качестве. Помимо этого работа с софтом и устройствами, которые не подвергаются регулярным процедурам обновления и обслуживания, влечет за собой снижение их производительности и эффективности деятельности.

Итак, учитывая специфику развития отдельных отраслей реального сектора экономики России, модернизация должна затронуть в первую очередь такие отрасли, как производство металлических изделий и металлургия, производство машин и оборудования, электрооборудования, а также фармацевтическую отрасль. В настоящее время промышленность в большей степени обеспечивает нужды военно-промышленного комплекса, а диверсификация производства в силу специфики развития экономики страны развита мало. Важно отметить, что в условиях мобилизационной экономики государство часто смещает вектор своих приоритетов в социально-экономической политике со стратегических целей до целей средне- и краткосрочного периода [4], таким образом, в ближайшем будущем можно ожидать временного улучшения ситуации в реальном секторе по отдельным параметрам развития, однако концентрация усилий государства должна быть направлена на решение проблем, в том числе на долгосрочную перспективу.

В условиях изоляции России от большинства развитых стран, а также бывших в свое время торговых партнеров важно создавать и развивать собственные производственные цепочки, в том числе с использованием инновационных технологий, которые обеспечат стране независимость от колебаний международной политической и экономической конъюнктуры. Как показал проведенный

анализ, особое внимание следует обратить на сокращение разрыва между экспортом и импортом ряда товаров и комплектующих — фармацевтическая продукция, механическое и электрическое оборудование, в том числе оборудование, используемое в отрасли добычи полезных ископаемых, а также устройства, используемые в сфере информационных технологий: по этим позициям страна мощнейшим образом зависит от импортных поставок.

Налаживание выпуска стратегически важных товаров (в том числе материалов, комплектующих, ПО) внутри страны возможно при условии стабильной поддержки промышленности и предпринимательства со стороны государства с использованием различных инструментов, например, снижение стоимости кредитов для предприятий, налаживающих выпуск стратегически важной продукции, а также субсидий для развития инновационного бизнеса, требующего значительных финансовых вложений. Поддержание государством спроса в сопряженных отраслях, в том числе путем госзаказа, позволит стимулировать внутренний спрос, особенно это актуально для предприятий, производящих инновационные технологии.

Необходимо рассматривать сложившуюся ситуацию частичной изоляции от западных стран как возможность для развития внутреннего производства, стимулирования внутреннего спроса, модернизации и развития экономики, для чего важно стимулировать повышение расходов на НИОКР, активизацию процессов трансфера технологий в реальный сектор. В противном случае экономика страны рискует деградировать и эксплуатировать сценарий сырьевого придатка азиатских стран.

Библиографический список

1. *Бабурин О.Н.* Экономическая безопасность: учеб. и практикум для вузов. М: Юрайт, 2023.
2. *Балаганский С.П.* Реальный сектор экономики как объект экономического анализа // Вестник Саратовского государственного социаль-

но-экономического университета. 2012. № 1 (40). С. 9—12.

3. *Заиченко С.А.* Трансфер результатов исследований и разработок в реальный сектор экономики: анализ стратегий научных организаций // Форсайт. 2012. №4. С. 48—58.

4. *Иванов О.Б., Бухвальд Е.М.* Мобилизационная экономика в России: вчера, сегодня и ... // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 3. С. 7—27.

5. *Косякова И.В.* Особенности функционирования и современное состояние реального сектора экономики России // Реальный сектор экономики России: стратегии управления, инвестиции и инновации: монография / И.В. Косякова [и др.]. М.: Перо, 2016. С. 7—20.

6. *Кочиева А.К.* Исследование проблем разви-

тия отрасли информационных технологий в условиях санкционного давления // Экономика: теория и практика. 2022. № 4 (68). С. 23—28.

7. *Миронов В.В.* Воздействие экономического кризиса на реальный сектор экономики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 3—4 (3—4). С. 216—225.

8. *Полтерович В.М.* Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 238—244.

9. Таможенная статистика внешней торговли РФ. URL: <http://stat.customs.gov.ru/>.

10. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.

11. Main Science and Technology Indicators. URL: <http://www.oecd.org/sti/msti.htm>.

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ТУРИЗМА В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

*К.К. ЛЕВЧЕНКО, кандидат экономических наук, заместитель
руководителя территориального органа МИД России в г. Сочи
e-mail: lekonst@mail.ru*

Аннотация

В статье представлена сущностная характеристика понятия «экосистема», обоснован платформенный подход к ее реализации в сфере туризма. Сформулировано новое понятие «экосистемное качество обслуживания туристов», проявляющееся в возможности использования цифровых трансформаций при сохранении экологической среды туристских территорий. Разработана обобщенная модель цифровой трансформации в экосистеме для активизации туристского сектора экономики.

Ключевые слова: экосистема, технологические трансформации, сфера туризма, стратегия ESG, цифровизация, цифровой туризм, модель экосистемы.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_42

В 2021—2022 гг. сфера туризма претерпела значительные изменения, связанные с коронавирусной инфекцией, ужесточением санитарно-эпидемиологических ограничений, негативным воздействием торгово-экономических санкций со стороны Запада, обострением геополитической напряженности, вызванной проведением специальной военной операции на Украине. Рассматривая развитие туризма в контексте описываемых мировых потрясений, следует отметить разнонаправленность и неоднозначность их воздействия. Ужесточение антироссийских санкций в 2022 г., ставящее под угрозу обеспечение устойчивого развития туристской сферы, привело к ограничениям передвижения российских туристов за рубежом, усложнению логистики пассажирских перевозок, росту тарифов на авиаперелёты, увеличению их продолжительности. Данные последствия, несомненно, существенно препятствуют развитию выездного и въездного туризма в России

[4]. По данным Росстата, в первом квартале 2022 г. число въездных туристских поездок составило 1 414,4 тыс., т. е. лишь 37,2 % от соответствующего показателя аналогичного периода в 2020 г. Такой показатель, как число выездных туристских поездок граждан России в зарубежные страны, также демонстрирует негативную тенденцию в сравнении с доковидным периодом. В первом полугодии 2022 г. он находился на уровне 7 965,7 тыс., что составляет 40 % от соответствующего показателя аналогичного периода в 2019 г.

Однако описываемые последствия геополитического обострения могут быть рассмотрены с позиции возрастающего потенциала развития внутреннего туризма в России и переориентации туристских потоков с выездного на внутренний рынок. О том, что происходящие изменения ускоряют развитие внутреннего туризма в России, свидетельствуют статистические данные об отдельных показателях деятельности организаций туристской индустрии, согласно которым объём инвестиций в основной капитал предприятий туристской сферы в первом полугодии 2022 г. составил рекордные для аналогичных периодов прошлых лет 190,7 млрд р. Огромное содействие в дальнейшем развитии туризма окажет и принятый Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», рассчитанный до 2030 г., в котором на развитие туризма из госбюджета будет направлено 629 млрд р., вследствие чего вклад туризма в ВВП страны, по оценке вице-премьера РФ Дмитрия Чернышенко, в ближайшие 10 лет должен увеличиться втрое по сравнению с нынешними 4 %. Поэтому так важно сейчас предпринять все необходимые меры для снижения последствий экономических санкций, скорейшего

преодоления кризиса, перевода важнейших секторов индустрии туризма в цифровую среду. Важнейшим механизмом в реализации данных процессов может стать туристская экосистема. Именно экосистемный подход становится наилучшим ответом на возрастающую сложность современных трансформаций в индустрии туризма в условиях новых реалий. На основе анализа научных публикаций и исследований можно сделать вывод о том, что современным экосистемам уделяется значительное внимание как со стороны научных сообществ, так и со стороны практической деятельности. Тем не менее зачастую категория «экосистема» употребляется неоднозначно, упускаются из поля зрения такие методологические вопросы, как «экосистемное качество обслуживания туристов», «модели цифровой трансформации» в экосистеме, и другие важнейшие проблемы, позволяющие повысить результативность реализации туристского продукта. Существует ряд нерешенных вопросов по поводу регулирования рисков развития туристских экосистем.

Следует отметить, что понятие «экосистема» применяется, как правило, относительно значимых социально-экономических систем, хотя это и не совсем точно выражает ее сущностную характеристику и особенности внутреннего содержания. Поэтому необходимо определить вначале смысловое наполнение данной дефиниции, а затем рассмотреть ее структуру, типологию и возможности применения в индустрии туризма.

В научных работах категория «экосистема» исследуется по различным позициям и направлениям. Так, О.М. Куликова и С.Д. Суворова под экосистемой понимают бизнес-модель, которая предназначена для эффективного взаимодействия с потребителем услуг на единой облачной платформе и на основе единого бренда, подразумевает получение дополнительного дохода фирмами и дополнительной выгоды пользователями [3].

Ряд авторов считают, что экосистема представляет собой совокупность платформ на основе сетевого взаимодействия. Такие ученые, как Е.В. Шкарупета, О.В. Дударева,

Н.Н. Нетяга [8], также подтверждают в своих работах мультиплатформность экосистем, в частности, «большинство национальных лидеров формируют свои экосистемы на основе платформенной концепции, когда экосистема включает в себя несколько платформ, а также присутствует ряд дополнительных, менее масштабных платформ, удовлетворяющих спрос за пределами экосистемы и бросающих вызов экосистемам-лидерам». Некоторые зарубежные исследователи считают, что сущность экосистемы определяется структурой открытых инноваций [10].

В ряде работ (Г. Адомавичюс, Дж. Бокштейт, А. Гупта, Р.Дж. Кауфман) экосистемы на основе инноваций выделяются в отдельную категорию «технологические экосистемы», т. е. основанные на взаимосвязи технологических достижений, которые приводят к эволюционным результатам. Здесь речь идет по сути о платформенном подходе к экосистеме, рассматриваемой через призму инноваций и цифровых трансформаций, направленных на повышение ценности самой платформы [1].

Наиболее удачным подходом к определению понятия «экосистема», по мнению автора, является позиция Г.Б. Клейнера. Согласно его теории, экосистема представляет собой локализованный в пространстве комплекс неконтролируемых иерархически организованных, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных комплексов на основе полного взаимодействия. В данном определении в концепцию экосистемы органично вписываются организационно-технологическая, бизнес-процессная, факторная и инновационная компоненты, позволяющие раскрыть в полной мере сущность платформенного подхода в реализации цифровых трансформаций [2, 7].

Таким образом, сущность экосистемы, по мнению большинства ученых, основывается на принципах платформизации и сетевого взаимодействия, что подтверждается также определением экосистемы, предложенным в Докладе Банка России за 2021 г. «Экосистемы: подходы к регулированию», где под экосистемой понимается система, которая «со-

стоит из совокупности нескольких платформ, на которых клиенту предоставляются различные продукты и услуги» [9]. Концептуализация подходов к определению категории «экосистема» отражена в таблице.

Определения дефиниции «экосистема»

Автор	Сущность понятия
А. Маршалл	Понятие «экосистема» представляет собой агломерационное взаимодействие по ряду направлений и включает различные виды деятельности, такие как предпринимательские, инновационные, цифровые технологии.
Г.Б. Клейнер	В качестве экосистемы понимается основанный на взаимодействии организационных структур комплекс, в который входят саморегулируемые организации, бизнес-процессы, инновационные проекты, инфраструктурные системы, образующие определенный агрегатор по таким направлениям, как организационное, средовое, процессное и проектное.
Дж.Ф. Мур	Под экосистемой понимаются организации, деятельность которых основана на принципах системного подхода в целях взаимной поддержки инновационных технологий и продуктов.
Jacobides, Cennamo, Gawer	В экосистемном подходе выделяют три направления исследований: бизнес-экосистемы, инновационные экосистемы и платформенные экосистемы.

Источник: разработана автором по данным [7].

Таким образом, понятие «экосистема» тесно переплетается с технологическими и цифровыми трансформациями, характеризующими сферы и виды деятельности и инфраструктуру. Не является исключением и индустрия туризма.

Технологические трансформации в туризме наиболее ярко демонстрируют появление «экосистемного качества» обслуживания ту-

ристов, проявляющегося не только в возможности дистанционных продаж туристского продукта, но и возможности использования цифровых трансформаций при сохранении экологической среды туристских территорий, т. е. их устойчивого развития, а также нивелирования риска социальной напряженности. Экосистемное качество привносит цифровые технологии в туризм, дает новое качество обслуживания туристов, так как большинство бронирований и покупок туров можно совершать дистанционно, т. е. онлайн, экономя при этом время для организации путешествия. Появилась даже новая категория «цифровой туризм», который логично встраивается в экосистему. Данное понятие можно интерпретировать как туризм, поддерживаемый комплексными усилиями различных акторов по сбору, агрегированию и использованию данных, полученных из разнообразных структурированных источников в сочетании с использованием цифровых технологий для преобразования этих данных в знания и рекомендации для туристского бизнеса с четким акцентом на повышение его эффективности. Несмотря на большие перспективы развития цифрового туризма, экосистемное качество испытывает ряд проблем с конфиденциальностью, безопасностью и управлением данными. Так, цифровизация коренным образом изменила организационные структуры и бизнес-процессы обмена информации, поскольку продвигает новые бизнес-модели и перестраивает систему взаимоотношений. В туристском секторе уже существует несколько технологических решений, таких как TripAdvisor, Яндекс. Путешествия и airbnb.com и т. п., которые обеспечивают прямой канал между поставщиками и потребителями, снижая зависимость от посредников, т. е. накладывают на экосистему эффект масштаба. Эти инструменты приобрели популярность в последние годы, демонстрируя растущую важность электронного туризма для удовлетворения туристских потребностей. Тем не менее с развитием цифровых технологий обычные веб-сайты начали устаревать, поскольку в последнее время появились новые понятия,

которые массово используются для решения проблем индустрии следующего технологического уклада. К ним можно отнести аддитивное производство, искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, Интернет вещей, машинное обучение, создание цифровых двойников и т. п., которые представляют собой фундаментальную основу для обеспечения персонализированного туристского опыта и достижения цифровой трансформации в секторе в направлении более интеллектуальных и конкурентоспособных экосистем [6]. К примеру, создание цифровых двойников локальных туристских предприятий и имеющихся ресурсов позволяет создавать модели сотрудничества, побуждая туриста идентифицировать себя с основными характеристиками туристской дестинации [5].

На основе проведенного обзора специализированной литературы представим обобщенную модель цифровой трансформации в экосистеме для активизации туристского сектора, которая представляет интеграцию основных аспектов, способствующих глобальному видению, основанную на использовании текущих и развивающихся цифровых технологий. Модель включает пять компонентов (рис. 1).

1. *Технологический компонент.* Данная часть модели включает два аспекта: технологическую инфраструктуру и инновации. Технологическая инфраструктура направлена на обеспечение необходимой программно-аппаратной поддержки для цифровой трансформации туристского сектора, такой как серверы, сети и телекоммуникации, хранение данных и информационная безопасность.

Аналогичным образом, поддержка больших объемов данных (Big Data) из различных источников позволяет получать неявные, оцифрованные и передаваемые знания для всех инстанций и служб технологической структуры. Системы знаний, основанные на искусственном интеллекте, позволяют быстро принимать решения и переводить трансформации в реальность. Сектор цифрового туризма должен включать инструментарий совместной работы, управления, возможность вести электронную документацию, а также надежные облачные платформы, которые обеспечивают универсальный и постоянный доступ к новым, улучшенным услугам и оцифрованным туристским продуктам.

Что касается инноваций, то посредством генерации новых предложений необходимо совершенствовать туристическое предложение. В настоящее время интерес вызывают инновации с использованием машинного обучения, применяемого к большим данным с прогностическим анализом, что позволяет предлагать туристам новые и лучшие впечатления, среди которых рассматривается создание виртуальных туристских направлений, инновационное туристическое пространство, доступное для всех, повышающее удовлетворенность туристов и качество жизни населения дестинации; и новые предложения по цифровым туристическим продуктам, таким как виртуальные экскурсии по различным туристическим местам.

Эта часть модели нужна для технологической поддержки цифрового туризма, что влечет за собой развитие технологий, новые

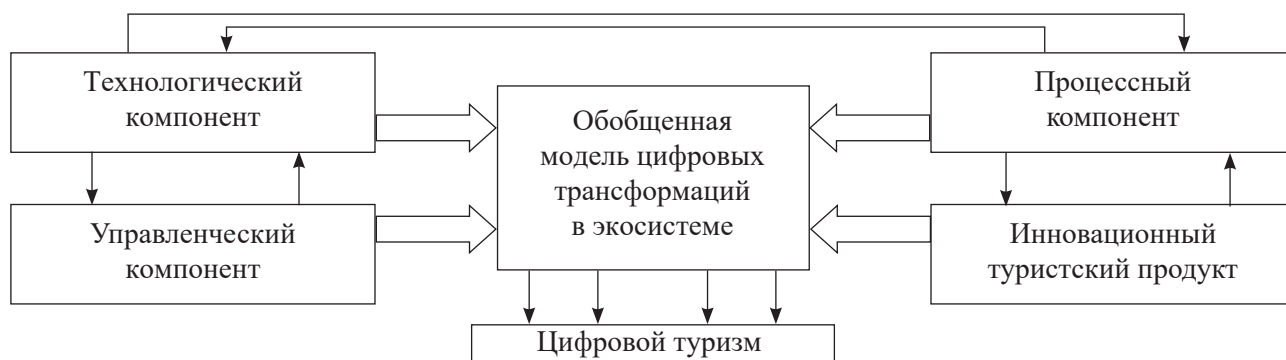

Рис. 1. Модель цифровых трансформаций в экосистеме

способы ведения бизнеса и соответственно изменения в туристской экосистеме.

2. *Управленческий компонент.* Он включает набор нормативных документов, разработанных с участием различных социальных субъектов, как государственных, так и частных, которые направлены на улучшение качества жизни и здоровья туристов и местного населения. Управление сектором должно быть интегрировано и оцифровано таким образом, чтобы оно позволяло своевременно принимать решения и все акторы могли вносить свой вклад в совершенствование экосистемы. Аналогичным образом, данный компонент предусматривает планирование инвестиций и контроль за их реализацией.

Управление экосистемным качеством оцифрованного туристского процесса и качеством предлагаемых продуктов и услуг — приоритет при анализе данного компонента модели. Качество, в данном контексте, — это удовлетворение потребностей и ожиданий туристов на основе полученных и сформулированных ценностей.

Технологические решения, которые могут поддерживать данные процессы, включают большие данные и использование машинного обучения.

3. *Процессный компонент.* Данную часть модели целесообразно подразделить на несколько составляющих: цифровой маркетинг, коммуникация, управление посредниками. Все они предполагают выстраивание новых эффективных каналов коммуникации с туристами: использование социальных сетей, мобильных приложений и каналов послепродажного обслуживания.

Технологии, которые поддерживают данный компонент, включают электронную почту, цифровые платформы и корпоративные социальные сети. Каналы продаж также можно рассматривать в контексте использования единого цифрового туристского информационного центра, который включает соответствующую информацию о продуктах и услугах предлагаемого нового типа цифрового туризма.

4. *Инновационный туристский продукт.* Предполагает управление характеристиками туристского продукта. Цель экосистемного процесса состоит в том, чтобы создавать новые цифровые туристские продукты, улучшать существующие. Предлагаемые цифровые туристские продукты должны разрабатываться на основе анализа данных, которые позволяют получать информацию о потребителях (туристах) и рынке (глобальная цифровая среда), аккумулировать дополнительные выгоды от использования технологий, улучшая туристический опыт.

Благодаря применению аналитики больших данных можно генерировать прогнозные модели, которые дают возможность разрабатывать инновационные, персонализированные продукты в соответствии с тенденциями туристской экосистемы. Инновационные туристские продукты предполагают применение виртуальной реальности, дополненной реальности, искусственного интеллекта с помощью помощников и использование QR-кодов (*Quick Response*) для доступа к туристской информации.

5. *Цифровой туризм.* Цифровой туризм отличают следующие характеристики: гиперсвязанность с социальными сетями, использование цифровых платформ и онлайн-приложений, управление цифровыми компетенциями, способность искать и анализировать информацию с помощью метапоисковиков и информационных порталов. Предполагается, что цифровой турист ценит природные и культурно-познавательные ресурсы, предпочитает делиться своим опытом в цифровых медиа. Реальные изменения в модели цифровых трансформаций в экосистеме будут сосредоточены на туристе и на ценности, которую приносят прорывные технологические туристские предложения. Накопление большого количества данных позволяет с помощью экосистемного подхода сформировать «портрет цифрового туриста» и обеспечить целостность получения услуг, а также повысить точность адресных предложений под конкретного путешественника. В этом плане большой интерес представляет страте-

гия *ESG* — «экология, социальная политика и корпоративное управление». По большому счету это устойчивое развитие туристской деятельности, реализуемое на бережном и ответственном отношении к окружающей среде (*E* — *environment*), социальном развитии как туристских предприятий, так и самих туристов (*S* — *social*), высоком качестве эффективного управления (*G* — *governance*).

В современной трактовке *ESG*-принци-

пы были впервые сформулированы экс-секретарем ООН Кофи Аннаном, который рекомендовал крупным мировым компаниям включать данные принципы в планы своего стратегического развития, что позволило бы быстро реагировать на активные трансформации глобальных процессов, поскольку экосистемные сервисы удобны и относительно просты в эксплуатации.

Экосистемный платформенный подход по-

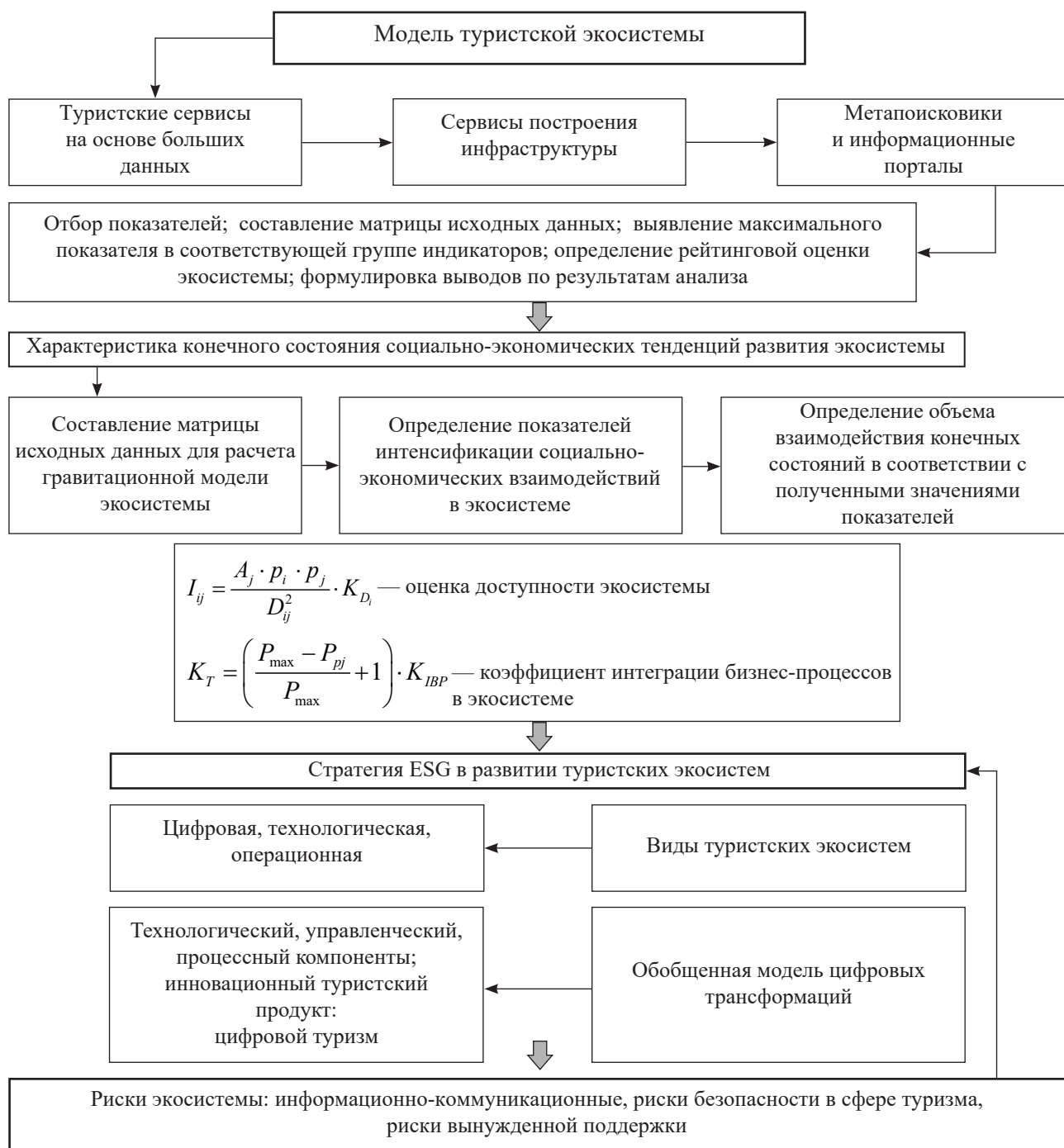

Рис. 2. Модель туристской экосистемы в условиях технологических трансформаций

звояет выявить и оценить аттрактивность ресурсов туристских территорий для развития различных видов туристско-рекреационной деятельности и, как следствие, сформировать эффективные управленческие решения, включая использование природных экосистем, сохранение их структуры и функций. В наиболее общем виде экосистемный подход к развитию туризма можно представить следующим образом (рис. 2).

Таким образом, в статье проведено исследование, направленное на формирование экосистемного подхода к развитию туризма в условиях технологических трансформаций, которые находятся в тесной взаимосвязи с использованием цифровых технологий на всех этапах формирования туристского продукта. Тем не менее реализация экосистемного подхода к развитию туризма в условиях новой реальности сопряжена с рядом проблем, среди которых можно выделить две основные группы: общие вопросы регулирования развития туристских экосистем и регулирование рисков развития экосистем. В этой связи назрела необходимость разработки стратегии регулирования возникающих рисков трансформаций глобальных процессов: информационно-коммуникационных, рисков безопасности в сфере туризма, рисков вынужденной поддержки и пр. Вторая группа проблем в реализации экосистемного подхода предполагает разработку комплекса мероприятий по достижению сетевого эффекта и эффекта масштаба, заключающегося в трансплантации платформенных моделей туристского бизнеса, определении их минимального функционала для эффективного управления технологическими трансформациями сферы туризма. Несмотря на указанные проблемы, дальнейшее развитие туризма во многом определяется формированием цифровой экосистемы как системного интегратора развития индустрии туризма.

Библиографический список

1. Адомавичюс Г., Бокишедт Дж., Гунта А., Кауфман Р.Дж. Технологические роли и пути влияния: экосистемная модель эволюции технологий // Информационные технологии и управление. 2007. Т. 8, № 2. С. 185—202.
2. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40—45.
3. Куликова О.М., Суворова С.Д. Экосистема: новый формат современного бизнеса // Вестник Академии знаний. 2021. № 42 (1). С. 200—205.
4. Левченко К.К., Левченко Т.П. Развитие въездного туризма и его влияние на экономику территории: монография. М.: РУСАЙНС, 2021.
5. Молчанова В.А. Тенденции инновационного развития туристических дестинаций: «умная дестинация» // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-3 (86). С. 715—720.
6. Симченко Н.А., Беркович М.Л. Проектирование экосистемы развития университетов в цифровой среде // Перспективы науки и образования. 2021. № 1 (49). С. 491—505.
7. Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы // Системный анализ в экономике — 2018: сб. тр. V Междунар. науч.-практ. конф. — биеннале (21—23 ноября 2018) / под общ. ред. Г.Б. Клейнера, С.Е. Щепетовой. М.: Прометей, 2018. С. 5—14.
8. Шкарупета Е.В., Дударева О.В., Нетяга Н.Н. Развитие экосистем на основе платформенной концепции // Стратегическое управление развитием цифровой экономики на основе умных технологий / под ред. А.В. Бабкина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С. 424—442.
9. Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций Банка России. 2021. Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf.
10. Moore J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition // Harvard Business Review. 1993. Vol. 71, № 3. P. 75—83.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ РОССИИ В «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКЕ

*И.И. МАТВИЕНКО, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук
e-mail: iim1978@rambler.ru*

Аннотация

В статье рассмотрены особенности экологического («зеленого») налогообложения в России на современном этапе. Процесс экологизации налогообложения в Российской Федерации идёт с некоторым отставанием от развитых стран, но в последние годы можно наблюдать положительные тенденции развития экологического налогообложения в России. Совершенствование экологического налогообложения в рамках «зеленой» экономики продолжается через оптимизацию налогов, сборов и неналоговых платежей, а также через государственное регулирование и контроль выбросов парниковых газов.

Ключевые слова: экологическое налогообложение, «зеленое» налогообложение, «зеленая» экономика, экологические налоги, Российская Федерация.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_49

В современном обществе все больше совершенствуются и развиваются экономические методы и модели, направленные на переход к «зеленой» экономике, благодаря которым можно было бы обеспечить рост экономики и создать богатства без вреда для окружающей среды. С 2000-х гг. во многих европейских странах постепенно идет трансформация государственного регулирования от административно-принудительных мер к практике использования рыночных инструментов, например, таких, как налоги, в целях установления экологической безопасности. Еще в 1973 г. в Первой Программе действий Европейского сообщества в области охраны окружающей среды впервые была подтверждена необходимость применения налогов в целях экологической безопасности (Первая Программа была рассчитана на 1973—1976 гг.)

[17]. В 2011 г. Организация экономического сотрудничества и развития признала налоги в качестве ключевого инструмента сокращения ущерба для экологии и минимизации вреда для экономического роста [21], при этом были разработаны рекомендации по экологическому (или так называемому «зеленому») налогообложению для политиков.

Специальные экологические налоги [4, с. 41—45] в «зеленой» экономике — это необходимость и неизбежность, кроме того, именно экологические налоги могут стимулировать инновации, ведь развитие и внедрение новых технологий снизит в будущем затраты общества на решение экологических проблем. При грамотном применении государством всех возможностей экологических налогов возможно «...более успешно решать задачи устойчивого экономического развития...» [3, с. 38]. Экологические налоги на практике несут в себе удобство администрирования для государства и прозрачность применения для бизнеса и общества. Кроме этого экологические налоги могут предоставлять возможность перераспределять бюджетные средства на реализацию государственных программ и социально-экономических проектов, а также могут быть хорошим источником для пополнения бюджетов бюджетной системы государства, так как они выполняют фискальную функцию [16, с. 41]. Но стоит помнить, что введение новых налогов в экологической сфере — это непопулярная мера на практике, поскольку «...внедрение новых налогов может быть опасным и привести к социальной напряженности...» [2, с. 42]. Таким образом, в обществе все больше внимания уделяется экологическому налогообложению, при этом

«...“зеленое” налогообложение включено в структуру механизмов “зеленой” экономики...» [5, с. 74].

В настоящее время человек не может полностью отказаться от негативного влияния на природу, поскольку иначе не будет возможности производить жизненно важные блага для общества, но при этом человек стремится минимизировать загрязнения окружающей среды. Именно через экологическое налогообложение возможно достичь баланса в «зеленой» экономике, так как налоговые платежи могут стать инструментом регулирования экономических отношений и инструментом воздействия на окружающую среду и экономику. Официально эту идею предложил и развивал Уильям Нордхаус, получивший в 2018 г. Нобелевскую премию по экономике «за интеграцию изменения климата в долгосрочный макроэкономический анализ» [8]. Стоит добавить, что экологическое («зеленое») налогообложение должно быть направлено на соблюдение баланса интересов государства, общества и бизнеса.

Приоритетным механизмом на будущее в развитии «зеленой» экономики, по мнению многих западных экспертов и ученых, может выступать регулирование выбросов углерода. Углеродное регулирование выбросов парниковых газов — законодательно регулируемый процесс либо через установление налога, либо с помощью квотирования. Во многих европейских странах наблюдается тенденция по внедрению национальных систем регулирования выбросов парниковых газов в форме налога на углерод (углеродный налог). Данный налог может обеспечить экологически благоприятные условия жизни в современном обществе, сочетая их с технологическими и инновационными социально-экономическими решениями. Однако надо помнить, что налог на углерод — это инструмент, который можно использовать не только во благо, но и во вред. Положительным итогом регулирования углевода может быть сокращение загрязнений окружающей среды, стимулирование занятости и поддержание конкурентоспособности национальных производителей. При

этом производство может сместиться в страны, где углеродная политика отсутствует, что является существенным минусом введения углеродного налога. Таким образом, ярким примером «зеленого» налогообложения является налог на углерод (углеродный налог), которому в последнее время уделялось и уделяется все больше внимания и на международном уровне, и в Российской Федерации (далее — РФ) по поводу его целесообразности и необходимости.

Особенности экологического налогообложения в России на современном этапе. В РФ существует острая необходимость развития экологического налогообложения, поскольку в России многое расходится с мировой практикой по данному вопросу. Можно признать, что процесс экологизации налогообложения в РФ идёт с некоторым отставанием от развитых стран. По мнению М.А. Назарова и Д.Р. Орловой, «...в России все еще не создана единая система экологического налогообложения, которое является важным инструментом экологической политики государства...» [6, с. 114]. С данным утверждением можно согласиться, поскольку в налоговой системе РФ отсутствуют специальные экологические налоги и недостаточно разработано представление о необходимости их использования, хотя некоторые налоги и сборы, отраженные в Налоговом кодексе РФ (далее — НК РФ), и неналоговые платежи, которые требуется платить в результате нанесения вреда окружающей природе, можно отнести к элементам и разновидностям экологических налогов. Какие именно налоги, сборы и неналоговые платежи в России можно причислить к экологическому («зеленому») налогообложению? Стоит отметить, что в РФ отсутствует законодательно установленное понятие экологических налогов, что является пробелом в терминологии экологического налогообложения [19, с. 87].

Налоги и сборы, которые можно косвенно отнести к специальным экологическим налогам, законодательно урегулированные НК РФ [7], отражающие плату за воздействие общества и бизнеса на окружающую среду и в

какой-то степени компенсирующие экологический вред природе:

- 1) налог на добычу полезных ископаемых (гл. 26 НК РФ);
- 2) налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (гл. 25.4 НК РФ);
- 3) водный налог (гл. 25.2 НК РФ);
- 4) земельный налог (гл. 31 НК РФ);
- 5) транспортный налог (гл. 28 НК РФ);
- 6) сборы за пользование объектами животного мира и за пользование водными биологическими ресурсами (гл. 25.1 НК РФ).

Налог на добычу полезных ископаемых, налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья и водный налог — это налоги, которые вносят дисбаланс в экологическую обстановку в связи с ограниченностью водных и минеральных ресурсов. Налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья и водный налог в соответствии с Бюджетным кодексом РФ (далее — БК РФ) зачисляются по нормативу 100 % в федеральный бюджет РФ, а налог на добычу полезных ископаемых (в зависимости от вида добытого полезного ископаемого) — в федеральный бюджет РФ и бюджеты субъектов РФ [1].

Эксплуатация земельных участков и транспортных средств наносит вред окружающей среде, разрушая атмосферу и поверхностные почвы. Земельный и транспортный налоги призваны компенсировать этот вред, однако данные налоги не являются целевыми и зачисляются в бюджеты бюджетной системы РФ (земельный налог на 100 % — в местные бюджеты, транспортный налог на 100 % — в бюджеты субъектов РФ).

Сборы за пользование объектами животного мира и водными биологическими ресурсами частично компенсируют причиненный ущерб окружающей среде в результате охоты на животных или ловли водных обитателей, при этом сборы также не являются целевыми и зачисляются согласно БК РФ в федеральный бюджет РФ и бюджеты субъектов РФ.

Стоит отметить, что указанные налоги и сборы в первую очередь предназначены для

пополнения бюджетов бюджетной системы РФ согласно бюджетному законодательству РФ, которые используются государством в совокупности для исполнения расходных обязательств в соответствии со ст. 84—86 БК РФ, поскольку на основании ст. 35 БК РФ расходы бюджета не могут быть увязаны с определенными доходами бюджета. Какая-то часть данных средств ежегодно используется и на природоохранные мероприятия, поскольку в бюджете любого уровня бюджетной системы РФ на основании ст. 21, 84—86 БК РФ присутствует статья расходов «Охрана окружающей среды», которая включает в себя следующие подразделы: «...экологический контроль; сбор, удаление отходов и очистка сточных вод; охрана объектов растительного и животного мира и среды их обитания; прикладные научные исследования в области охраны окружающей среды; другие вопросы в области охраны окружающей среды...» [1]. Таким образом, ежегодно бюджетным законодательством РФ предусматривается финансирование природоохранных мероприятий за счет совокупных доходных источников, однако объемы финансирования в настоящее время в бюджетах всех уровней бюджетной системы государства недостаточны в рамках перехода к «зеленой» экономике.

Основные неналоговые платежи в РФ, которые можно отнести к экологическому («зеленому») налогообложению:

1. Экологический сбор платится импортерами и производителями товаров при утилизации продукции, утратившей свои потребительские качества. Экологический сбор на 100 % зачисляется в федеральный бюджет РФ, при этом по ст. 24.5 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» [9] расходование средств экологического сбора осуществляется в соответствии с БК РФ. Стоит отметить, что с 1 января 2022 г. законодательно закреплено, для чего используются и куда направляются средства утилизационного сбора, в том числе предусмотрено направление средств на финансирование утилизации отходов в рамках экологических норм.

2. Утилизационный сбор используется «...для защиты здоровья человека и окружающей среды от вредного воздействия эксплуатации транспортных средств...» [9]. По ст. 24.1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» утилизационный сбор платят на нужды экологической безопасности за каждое транспортное средство, ввозимое на территорию РФ или произведенное на территории РФ с целью финансирования утилизации после эксплуатации транспортного средства в соответствии с экологическими нормами. Утилизационный сбор является целевым разовым платежом с производителей или покупателей транспортных средств и на 100 % зачисляется в федеральный бюджет РФ.

3. Плата за негативное воздействие на окружающую среду взимается по ст. 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» за «...выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками; сбросы загрязняющих веществ в водные объекты; хранение, захоронение отходов производства и потребления...» [10]. По БК РФ плата на 60 % подлежит зачислению в местные бюджеты и на 40 % — в бюджеты субъектов РФ. С 1 января 2022 г. плата носит целевой характер и используется только на те цели, которые определены ст. 16.6 Федерального закона «Об охране окружающей среды». Ранее же целевое расходование платы не было предусмотрено, величину расходов на природоохранные мероприятия самостоятельно определяли региональные и муниципальные власти.

Совершенствование экологического налогообложения в РФ. В 2018 г. была предпринята попытка заменить плату за негативное воздействие на окружающую среду на специальный экологический налог, для чего был подготовлен законопроект, предлагающий дополнить НК РФ главой «Экологический налог» (законопроект от 13 августа 2018 г.) ID проекта: 02/04/08-18/00083016) [12]. Новый налог был предусмотрен к введению с 1 января 2020 г., но из-за противоречивости и недоработок законопроект был отложен на

неопределенный срок. Перевод на налоговые рельсы платы за негативное воздействие на окружающую среду в первую очередь был выгоден государству с точки зрения повышения эффективности налогового администрирования, поскольку если имеется статус «налога», то контроль за поступлением платы осуществляет Федеральная налоговая служба, обладающая необходимой информацией о деятельности хозяйствующих субъектов, а не Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (далее — Росприроднадзор). За уклонение от уплаты экологического налога можно было бы применять не только административную ответственность, но и налоговую с уголовной ответственностью, что принесло бы дополнительные доходы в бюджетную систему государства, но больно бы ударило по бизнесу. Кроме этого для бизнеса новшества также содержали дополнительные трудности в декларировании и процедуре уплаты экологического налога, поскольку требовалось бы согласование данных с Росприроднадзором. Стоит отметить, что законопроект не гарантировал обществу, что на природоохранные мероприятия будет направляться больше средств, чем это было при применении платы.

Также был законопроект (от 2 октября 2018 г., ID проекта 02/04/10-18/00084496) [13], предусматривающий необходимость перевести утилизационный сбор под юрисдикцию НК РФ и дополнить его главой «Утилизационный сбор». Это было изначально предусмотрено Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг., где была предусмотрена необходимость систематизации действующих неналоговых платежей, которые имеют квазиналоговый характер. Там подчеркивалось, что «...введение в Налоговый кодекс утилизационного сбора взамен действующего в настоящее время неналогового платежа — обусловлено необходимостью обеспечения стабильности правил его исчисления и уплаты, а также предоставления хозяйствующим субъектам дополнительных

правовых гарантий при изменении ключевых элементов указанного платежа...» [11]. С экономической точки зрения включение утилизационного сбора в НК РФ выгодно в первую очередь для государства, поскольку позволит получать дополнительные денежные средства от применения дополнительных юридических мер ответственности (налоговой и уголовной). Для бизнеса же это создаст дополнительные финансовые расходы в случае нарушения налоговой дисциплины, а также негативно отразится на возможности возмещения сумм, затраченных на утилизацию транспортных средств, поскольку государством механизм утилизации до конца не проработан. Процедура возврата утилизационного сбора до сих пор слишком централизована, так как утилизационный сбор на 100 % зачисляется в федеральный бюджет.

Осенью 2021 г. Правительство РФ утвердило Стратегию социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. [20], где предусматривается, в том числе, изменение налоговой политики и развитие «зеленого» финансирования. Кроме этого в 2021 г. в докладе Всемирного банка об экономике России было предложено РФ ввести налог на углерод по аналогии с введением с 2023 г. углеродного налога в Европе, который позволит быстрее и эффективнее осуществить переход к «зеленой» экономике. Однако уже весной 2022 г. на фоне санкционной политики Запада из-за специальной военной операции на Украине встал вопрос о том, что реализация данной стратегии может быть отложена на неопределенный срок. Кроме этого повис в воздухе вопрос о целесообразности и необходимости интеграции с Западом по поводу углеродного налога. Но уже 6 марта 2022 г. было принято официальное решение [14] о проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах РФ (первый субъект РФ в эксперименте — Сахалинская область), которое предусматривает инвентаризацию и квотирование выбросов и поглощений пар-

никовых газов, а также обязательную углеродную отчетность. Летом 2022 г. было принято новое решение [15] о размере платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области. Стоит отметить, что реализация климатического (или фактически экологического) эксперимента началась с 1 сентября 2022 г. и завершится 31 декабря 2028 г.

Как отмечалось ранее, углеродное регулирование выбросов парниковых газов осуществляется в существующей практике через установление налога на углерод или с помощью квотирования. В РФ по ст. 8 Федерального закона «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» [14] теперь предусмотрено квотирование выбросов парниковых газов, а постановлением Правительства РФ [15] предусмотрена плата за превышение квоты выбросов, которая фактически выступает инструментом стимулирования для сокращения загрязнений окружающей среды, как и налог на углерод. Следовательно, данная плата за превышение квоты выбросов — это не что иное, как российский вариант западного углеродного налога, своеобразная специфическая альтернатива, имеющая квазиналоговый характер, через который предусматриваются государственное регулирование и контроль выбросов в рамках «зеленой» экономики. Пока еще нет определенности с тем, как именно будет проходить интеграция российской экологизации налогообложения с мировой, но уже явно прослеживается положительный результат в «зеленом» налогообложении РФ. Несмотря на внешнее санкционное давление РФ продолжает идти к стандартам «зеленой» экономики, которая направлена на устойчивый рост экономики и создание богатства без вреда для окружающей среды.

Следовательно, в настоящее время функции экологического налогообложения в РФ выполняются не специальными экологиче-

скими налогами, а другими существующими налогами и сборами, а также неналоговыми платежами. Налоги и сборы, урегулированные НК РФ, не имеют законодательно установленного целевого экологического назначения и используются для пополнения бюджетов бюджетной системы РФ, а все неналоговые платежи являются на данный момент целевыми и предназначены компенсировать вред окружающей среде. Появление российского варианта углеродного налога, т. е. платы за превышение квоты выбросов парниковых газов, — это шаг на пути дальнейшего совершенствования экологического налогообложения в РФ. Требуется продолжать экологизацию налоговой системы РФ и реформировать все платежи на экологической основе, так как экологические налоги — инструмент природоохранной политики.

Стоит в будущем переходить от косвенного экологического налогообложения, которое фактически существует в России последние годы, к прямому целевому налогообложению. Возможно, необходимо возродить и усовершенствовать целевой Федеральный экологический фонд РФ, который существовал в РФ в 1991—2001 гг. В рамках «зеленой» экономики есть необходимость вернуться к практике финансирования экологических проектов и программ через федеральный и территориальные экологические фонды, которые позволят лучше решать вопросы по охране окружающей среды. Стоит в перспективе какие-либо существующие налоги (налог на добычу полезных ископаемых, водный налог, транспортный налог или земельный налог) сделать целевыми налогами прямого экологического назначения, поступающими в федеральный и территориальные экологические фонды.

Положительным моментом экологизации налогообложения в РФ является законодательное установление целевого экологического назначения с 1 января 2022 г. по экологическому и утилизационному сборам, а также по плате за негативное воздействие на окружающую среду. Преимуществом экологизации в России также является законода-

тельное углеродное регулирование выбросов парниковых газов, утвержденное в 2022 г. в качестве эксперимента. Законодательная база экологического налогообложения претерпевает изменения, которые в перспективе должны положительно отразиться на состоянии окружающей среды.

Необходимо продолжить разработку законодательной базы по вопросам «зеленой» экономики и экологического налогообложения. Плательщик экологических налогов и иных неналоговых платежей должен быть заинтересован в уплате в полном объеме и своевременно, при этом в первую очередь заинтересованность появляется тогда, когда виден целевой экологический положительный результат от выполнения налоговой обязанности по экологическим платежам. Экологизация налогообложения — актуальное и перспективное направление в реформировании налоговой системы РФ [18, с. 141].

Таким образом, в России существует острая необходимость дальнейшего развития экологического («зеленого») налогообложения, при котором необходимо стремиться соблюдать баланс интересов всех заинтересованных сторон (государства, общества и бизнеса). «Зеленое» налогообложение должно стимулировать развитие и внедрение инноваций по стандартам «зеленой» экономики, а не только отражать нацеленность государства на применение карательных мер посредством налоговой, административной и уголовной ответственности к предприятиям, которые не имеют возможности для экологизации бизнеса. Экологическое налогообложение в РФ, несмотря на неблагоприятную современную реальность (пандемия COVID-19 и специальная военная операция на Украине), должно быть направлено на тотальную перезагрузку экономики в сфере окружающей среды, поскольку экологически ориентированная система налогообложения РФ может служить помощником в предупреждении и сокращении экологического ущерба в стране. Кроме того, от состояния окружающей среды напрямую зависит развитие экономики и здоровье человека.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс РФ: Федеральный закон № 145-ФЗ от 31.07.1998 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Вессели Р., Бегак М. Экологическое налогообложение: концепция для России // Налоговая политика и практика. 2011. № 12 (188). С. 40—43.
3. Вылкова Е.С., Тарасевич А.Л. Экологическое налогообложение как инструмент устойчивой налоговой политики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 1 (121). С. 31—39.
4. Громов В.В. Экологические налоги: классическое и современное понимание сущности // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 4. С. 41—45.
5. Егорова М.А. Основные направления правового регулирования «зеленого» налогообложения для целей предпринимательской деятельности: опыт зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 7 (140). С. 71—79.
6. Назаров М.А., Орлова Д.Р. Экологическое налогообложение: российский и зарубежный опыт // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 3 (153). С. 111—116.
7. Налоговый кодекс РФ. Ч. 2: Федеральный закон № 117-ФЗ от 05.08.2000 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
8. Нобелевская премия по экономике 2018 года. Уильям Нордхаус (William D. Nordhaus) и Поль Ромер (Paul M. Romer). URL: <http://www.library.fa.ru/exhib.asp?id=315>.
9. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.
10. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
11. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов (утв. Минфином России). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334706/d9771877fceb7291429718520be673066c38e351/.
12. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ. Проект Федерального закона от 13.08.2018 г. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/npa_projects/?id_4=3230-o-vnesenii_izmenenii_chasti_pervuyu_i_vtoruyu_nalogovogo_kodeksa_rossiiskoi_federatsii.
13. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ. Проект Федерального закона от 02.10.2018 г. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/npa_projects/?id_4=4317-o-vnesenii_izmenenii_v_nalogovyi_kodeks_rossiiskoi_federatsii_i_nekotorye_zakonodatelnye_aktovy_rossiiskoi_federatsii.
14. О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах РФ: Федеральный закон от 06.03.2022 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.
15. О ставке платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области: Постановление Правительства РФ от 18 августа 2022 г. № 1441 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 34. Ст. 5990.
16. Пономарева Н.С., Голубцова Е.В. Зарубежный опыт экологического налогообложения на пути к «зеленой» экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 6. С. 41—47.
17. Первая Программа действий Европейского Сообщества в области охраны окружающей среды (1973—1976 гг.). URL: <https://wecoop.eu/ru/regional-knowledge-centre/eu-policies-regulations/>.
18. Самodelко Л.С., Карп М.В. Значение и принципы экологического налогообложения // Вестник университета. 2020. № 11. С. 141—147.
19. Солнышкова Ю.Н. Развитие экологического налогообложения в Российской Федерации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 2 (66). С. 87—89.
20. Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-р URL: <https://docs.cntd.ru/document/726639341>.
21. Environmental Taxation. A Guide for Policy Makers. URL: <https://www.oecd.org/env/tools-evaluation/48164926.pdf>.

БЮДЖЕТНЫЕ ПРАВИЛА: КЛАССИФИКАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

*И.М. ЛЫЧЕВА, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и финансового менеджмента, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
e-mail: lichева_irina@mail.ru*

*В.А. МОЛЧАНОВА, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и финансового менеджмента, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
e-mail: Molchanova_VA@mail.ru*

Аннотация

Многолетний мировой опыт применения бюджетных правил — это весьма противоречивый и неоднозначный процесс использования ограничительных механизмов при составлении бюджетов. Последние три года в мировой экономике, подвергшейся различным шокам, произошли изменения в плане реализации бюджетных правил, вызвавшие различного рода суждения по поводу их корректировок и даже отмены. В статье делается попытка классифицировать бюджетные правила и на этой основе рассмотреть необходимость их дальнейшего использования. Авторы приходят к выводу, что не отмена бюджетных правил, а их дальнейшее регулирование будут способствовать устойчивости бюджетов.

Ключевые слова: бюджетное правило, классификация бюджетных правил, «голландская болезнь», сбалансированность бюджета, устойчивость бюджета, дефицит бюджета.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_56

Система бюджетных правил вот уже более тридцати лет действует в ряде стран, претерпевая определенные изменения, связанные с макроэкономической ситуацией. К задачам, которые изначально были призваны решать бюджетные правила, относились ограничения долговой нагрузки, расходов и доходов, а также размера дефицита бюджета [6].

Наиболее существенные корректировки бюджетных правил были отмечены во многих странах как последствия экономического кризиса 2008—2010 гг., а также пандемии, и в начале 2021 г. в Financial Times была опубликована статья о необходимости реформировать бюджетные правила Евросоюза (ЭС). Был предложен путь сокращения задолжен-

ности государств, но не за счет сокращения социальных расходов и роста налоговой нагрузки, а путем структурных реформ и введения новых бюджетных правил [2]. Такой путь представляется довольно оптимистичным, но в условиях современности труднореализуемым, поскольку все основные параметры бюджетных правил, прежде всего в развитых странах, были серьезно нарушены, несмотря на изобилие ликвидности в рассматриваемом периоде. Отсутствие этой ликвидности в развивающихся странах значительно сократило порог превышения установленных бюджетных ограничений.

Согласно полученным МВФ данным за 2021 г. о выполнении бюджетных правил во время пандемии, около 90 % стран не смогли выполнить основные типы бюджетных правил из-за экономических и социальных проблем, возникших в государствах, но правила действовали (в разной степени) уже в 106 странах [7]. Подобного рода опыт неисполнения бюджетных правил в меньших масштабах уже фиксировался МВФ в 2008—2010 гг. (рис. 1). Сопоставление масштабов поправок в действии четырех основных бюджетных правил в 2020—2021 гг. и в 2008—2010 гг. свидетельствует о нарастающей в мировой экономике тенденции нарушений финансовых ограничений. Если 2021 г. поставил многие страны перед необходимостью модификации структуры бюджетных правил из-за таких значительных отклонений, то политический и экономический кризис 2022 г. только усилил данный процесс. В этой связи возникли два основных направления, касаю-

щиеся действия бюджетных правил за рубежом и в нашей стране:

– полная отмена их действия из-за того, что в ближайшее время невозможно восстановить выполнение ранее установленных параметров бюджетов; главными инициаторами отмены правил выступают страны с развитой рыночной экономикой, которые в 2022 г. имели средний уровень госдолга в размере 122 %, тогда как страны с формирующимся рынком имеют средний уровень госдолга 64 % [2];

– корректировка параметров ранее установленных бюджетных правил или частичная отмена отдельных из них; строго говоря, количественные ограничения по долговой нагрузке в размере 60 % от ВВП и 3 % размера годового дефицита бюджета страны установлены в рамках Евросоюза, все остальные страны их могут придерживаться, но в рамках национального законодательства не обязаны утверждать (во многих странах до сих пор не установлены количественные ограничения по бюджетным правилам); в российском законодательстве количественные ограничения по размеру долговой нагрузки установлены в процентном отношении для бюджетов субъектов федерации и муниципальных бюджетов, как и предельная величина долга; дол-

говая нагрузка для федерального бюджета в настоящем законодательстве количественно не определена, хотя это не мешает финансовым властям иметь ориентиры по количественным ограничениям бюджетных правил Евросоюза.

Действие бюджетных правил, сложившихся в нашей стране до начала 2022 г., осуществлялось в соответствии с законодательством, закрепленным в Бюджетном кодексе РФ, но было почти сразу приостановлено после введения основного пакета антироссийских санкций. Стала очевидна необходимость сначала корректировки действующих бюджетных правил, а затем и более кардинальных изменений. Активные дискуссии по параметрам изменения в механизме действия данных правил направлены главным образом на сглаживание различных экономических шоков, с которыми столкнулась отечественная экономика. Россия внесла корректировки в действовавшую четвертую конструкцию бюджетного правила 2018—2020 гг. и приняла новое бюджетное правило 2023—2025 гг., с соответствующими изменениями в законодательстве.

Принятое решение о новом бюджетном правиле в России завершило спор в правитель-

Кризис COVID-19 (2019—2020 гг.)

Глобальный финансовый кризис (2008—2010 гг.)

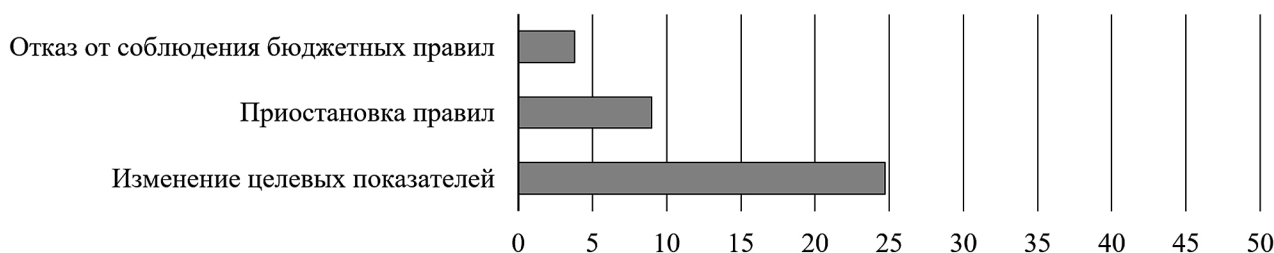

Рис. 1. Скорректированные бюджетные правила в 2008—2010 гг. и в 2020—2021 гг. [7]

стве о полной отмене данного инструмента, к которому призывали не только в нашей стране, но и во многих странах мира. Ссылаясь на неопределенность и новые шоки, сторонники отмены бюджетных правил призывали отменить ограничения в формировании бюджетов. Тридцатилетний опыт их применения имеет как сторонников, так и противников и для прояснения позиции по этому вопросу необходимо остановиться на отдельных важнейших положениях.

Расценивая бюджетные правила в качестве инструмента по достижению финансовой стабильности, устойчивости и приемлемых темпов экономического роста, следует разобраться в понимании самого определения «бюджетное правило», его структуры, задач и достичь понимания необходимых условий их эффективного функционирования. Не секрет, что в начале применения этих правил существовало много скептиков, подвергающих сомнению саму идею данного института. При рассмотрении определений бюджетного правила в различных источниках можно сказать, что данный термин допускает широкое толкование. Несколько вариантов определений бюджетного правила представлены в табл. 1.

Перечень определений бюджетного правила можно было бы продолжить, однако общим положением в них является наличие единичных или совокупности ограничений, нормативных значений для показателей бюджетов

государств (регионов и муниципалитетов). О системности или взаимосвязи установленных ограничений в определениях бюджетного правила ничего не говорится.

Впервые заговорили о бюджетных правилах в конце 1980-х гг. В 1990 г. только семь стран использовали хотя бы одно бюджетное правило. Официальным документом, касающимся установленных бюджетных ограничений, стал Маастрихтский договор (договор о Европейском союзе, подписанный 7 февраля 1992 г. и вступивший в силу 1 ноября 1993 г.). В этом документе были сформулированы четыре основных критерия для государств, вступающих в еврозону. По сути это первоначальные бюджетные правила для новых членов еврозоны:

– во-первых, от государств требовалось поддерживать стабильность цен. Критерием стабильности в ценообразовании стал порог 1,5 % для роста инфляции; то есть в еврозоне выбирались три государства-члена, добившиеся наилучших результатов в стабильности цен, а все остальные могли превысить данный уровень на 1,5 %;

– во-вторых, государства — члены ЕС ограничивались критериями устойчивости бюджетов: дефицит не может превышать 3% ВВП и от этого же показателя рассчитывался допустимый предел госдолга, который составил 60%;

– в-третьих, вводились ограничения на

Таблица 1

Определения понятия «бюджетное правило»

Источник, автор	Определение
1. Департамент по бюджетным вопросам МВФ [7]	«Бюджетное правило — это долговременное ограничение налогово-бюджетной политики посредством количественных ограничений на бюджетные агрегаты»
2. А. Альберто, С. Ардана, Р. Перотти, Ф. Скьянтарелли [1]	«...набор правил и регуляторных практик, в соответствии с которыми бюджет готовится, принимается и имплементируется»
3. Н.Б. Шмиголь [9]	«...совокупность ограничений на определенные параметры бюджета или как установленные пределы соответствующих бюджетных агрегатов»
4. К.В. Швандар, В.Ю. Черкасов, Т.Ф. Бурова [8]	«...единичная норма или совокупность норм, вводящих в определенные долгосрочные рамки дискреционность в принятии решений по управлению государственными финансами»
5. А.А. Белоусова [3]	«...механизм формирования российского бюджета, который определяет максимальный уровень расходов исходя из цены на нефть»

пределы курсовых колебаний; государствам не разрешалось девальвировать свою национальную валюту относительно евро в течение двух лет до вступления в еврозону;

– в-четвертых, ограничения в росте процентных ставок по долгосрочным кредитам; правило устанавливало допустимый рост процентной ставки 2 % от ее уровня, сложившегося в трех государствах-членах с наибольшим уровнем стабильности цен.

Государства Евросоюза внесли большой опыт в мировую практику разработки и применения бюджетных правил. Был разработан механизм контроля за выполнением важнейших параметров ограничений. В дальнейшем количество стран, применявших в бюджетной политике бюджетные правила, постепенно увеличивалось и к 2021 г. достигло 106. МВФ координирует постоянную работу по

использованию, разработке и корректировке бюджетных правил, предоставляя официально в своих изданиях информацию по нескольким группам стран: страны с развитой экономикой, страны с формирующимся рынком, страны Европейского союза, страны не Европейского союза и данные по всем странам. Однако предоставленные данные сложно представить и оценить, поскольку не всегда понятно, о каких рода ограничениях идет речь. Поэтому авторам представляется важной задача структурировать эти правила. Являясь важным инструментом, способствующим оздоровлению бюджета и его устойчивости, они нуждаются в определенной систематизации/ классификации по различным признакам. В работе предпринята попытка создать подобного рода классификацию, которая представлена в табл. 2.

Таблица 2

Классификация бюджетных правил, сложившихся в мировой и отечественной практике

Классификационный признак	Классификация
1	2
1. По типам ограничений (глобальные)	Правило расходов (expenditure rules) — это правила, связанные с установлением постоянных предельных значений по совокупным, первичным, процентным или текущим расходам, как в абсолютном выражении, так и в темпах роста или в процентах от ВВП. Правило долга (debt rules) — это бюджетные правила по лимитному уровню государственного долга, устанавливаемому в процентах ВВП или в абсолютных единицах в региональных и местных бюджетах. Правило бюджетного баланса (budget balance rules) устанавливает следующие ограничения: не превышать установленное предельное значение дефицита бюджета; достичь профицита бюджета как минимум в установленном размере. Подобные правила обычно выражаются в процентах ВВП, а на региональном и муниципальном уровнях — в процентах от доходов бюджета. Правило доходов (revenue rules) включает параметры верхнего и нижнего пределов доходов бюджета. Данное правило направлено на предотвращение роста налогового бремени в стране и роста собираемости налогов.
2. По степени распространности	Наднациональные бюджетные правила распространяются на отдельные страны, входящие в определенные наднациональные союзы, например, Европейский союз, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и др. Национальные бюджетные правила — это бюджетные правила, разработанные на территории государства и действующие в соответствии с национальным законодательством. Смешанные бюджетные правила предполагают одновременное распространение на территории государства наднациональных и национальных бюджетных правил.

Продолжение табл. 2

1	2
3. В зависимости от принадлежности стран к экспортерам или импортерам энергоресурсов	Для стран экспортеров сырьевых товаров (главным образом углеводородов) — бюджетные правила, направленные на накопление циклического избытка доходов от сырьевого экспорта в суверенных фондах. Главной задачей бюджетного правила является установление оптимального принципа аккумуляции сырьевых доходов и их дальнейшего распределения и использования с целью преодоления зависимости экономики от цен на энергоносители. Для стран импортирующих энергоресурсы бюджетные правила распространяются на бюджетные показатели, касающиеся долговой нагрузки бюджетов, создание резервов с учетом будущих социальных обязательств государства, ограничение объема расходов госсектора и дефицита бюджета.
4. По степени реагирования на изменение экономической политической обстановки	Гибкие (консервативные) бюджетные правила соответствуют сдержанной бюджетной политике, касаются ограничений бюджетных показателей в условиях экономической и финансовой нестабильности. Примером являются растущие социальные расходы на выплаты социально незащищенным слоям населения. Применение бюджетного правила неизбежно преследует долгосрочные цели и имеет консервативную направленность. Жесткие бюджетные правила соответствуют жесткой бюджетной политике, позволяют постепенно преодолеть консервацию рентной экономической модели и осуществить переход экономики к структурным изменениям для сглаживания эффекта Гронингена.
5. В зависимости от уровня бюджета	Федеральные бюджетные правила касаются ограничений параметров федерального бюджета. Бюджетные правила субъектов Федерации касаются ограничений параметров бюджетов субъектов федерации. Бюджетные правила муниципальных бюджетов касаются ограничений параметров муниципальных бюджетов.
6. По степени обязательности выполнения	Контролируемые бюджетные правила — это ограничения, установленные контрольным органом и являющиеся обязательными для исполнения. Например, контроль за наднациональными бюджетными правилами в Европейском союзе. Неконтролируемые бюджетные правила. Это определенные ограничения, которые разрабатываются в качестве ориентиров бюджета, например, процентное соотношение текущих и капитальных расходов.
7. В зависимости от результата, оказываемого на бюджетную политику и экономику	Эффективные бюджетные правила способны усиливать бизнес-циклы, расширять возможности для проведения контрциклической политики государства. Неэффективные — это бюджетные правила, которые затрудняют реализацию нестандартных решений по реализации бюджетной политики в области ускорения роста экономики.
8. По срокам действия	Долгосрочные — бюджетные правила, вызванные проблемами, решение которых рассчитано на долгосрочный период в несколько деловых циклов: – сокращение и старение населения; – сокращение рентабельных месторождений энергоресурсов и т. п. Эти правила корреспондируются со структурными бюджетными правилами, имеющими цель снижения зависимости экономики от энергетического сектора. Среднесрочные — бюджетные правила, рассчитанные на определенный срок, например, пять конструкций бюджетных правил РФ: 1-я — 2004—2007 гг.; 2-я — 2008 г.; 3-я — 2013—2014 гг.; 4-я — 2018—2020 гг.; и 5-я — 2023—2025 гг.

1	2
	Краткосрочные. Бюджетные правила данного типа краткосрочны по своей природе. Примером может быть установление темпов роста расходов бюджета, которые задаются на один или несколько лет вперед, при этом никаких долгосрочных ориентиров для бюджетной политики не устанавливается.
9. По направлениям воздействия	Циклические — это бюджетные правила, действующие в рамках одного делового цикла. Структурные — бюджетные правила, распространяющиеся на несколько деловых циклов. Как правило, это ограничения, направленные на снижение зависимости от энергетического сектора. Приоритеты — развитие обрабатывающих отраслей.

Источник: составлена авторами.

Опыт применения бюджетных ограничений в виде правил, накопленный в мире, весьма противоречив. Не существует сегодня исследований на предмет причин достижения целей одними странами в ходе выполнения бюджетных правил, и отсутствия позитивных результатов при установлении бюджетных правил в других странах. Составленная классификация бюджетных правил может в определенной степени объяснить механизм применения какого-то из бюджетных правил в различных странах в зависимости от ситуации в ней. Например, интересна практика распространения наднациональных, национальных и смешанных бюджетных правил. В отчете МВФ в разделе «развитые страны» эти данные по итогам 2021 г. выглядят так:

— стран, использующих **только наднациональные бюджетные правила**, среди развитых стран нет. Наднациональные бюджетные правила, в основном, сводятся к четырем типам ограничений;

— страны, использующие **только национальные бюджетные правила**: Австралия, ЦАР, Гонконг, Исландия, Израиль, Япония, Новая Зеландия, Норвегия, Сингапур, Швейцария и США;

— страны, использующие **преимущественно наднациональные бюджетные правила**: Кипр, Чешская Республика, Греция, Италия, Мальта, Португалия, Словения;

— страны, использующие **одинаково наднациональные и национальные бюджетные правила**: Дания, Финляндия.

Представить уровень распространенности наднациональных, национальных и смешанных бюджетных правил в мире по всем разделам: страны с развитой экономикой, страны с формирующимся рынком, страны Европейского союза, страны не Европейского союза — можно на основе данных МВФ в виде географической карты (рис. 2).

Национальные бюджетные правила, по данным карты, имеют преимущественное распространение; наднациональные бюджетные правила используются в отдельных странах Африки; остается достаточно высоким и уровень стран, не использующих бюджетные правила, и являющихся развитыми странами. В итоге можно сделать позитивный вывод о поступательной динамике распространения практики бюджетных правил в мировом сообществе.

Приведенные на рис. 1 данные о масштабах корректировок бюджетных правил в странах мирового сообщества в критических экономических условиях позволили авторам сформулировать основные выводы / предложения по практике применения бюджетных правил. Рассмотрение вопроса о полной отмене бюджетных правил на территории нашей страны, как этого требуют отдельные политические и практические работники, следует разделить на две части.

Первая — выполнение бюджетных правил, связанных с экспортом или импортом сырьевых ресурсов. Представляется, что отмена этого правила для нашей страны, на

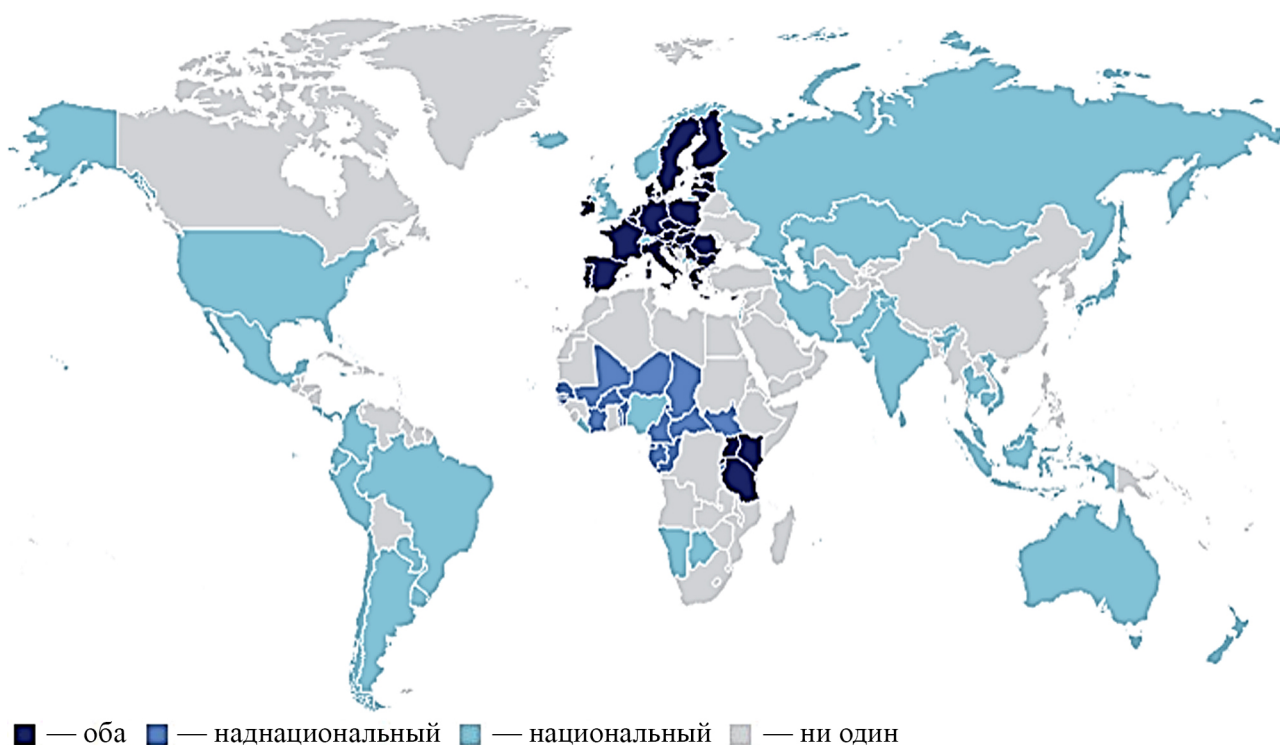

Рис. 2. Количество и вид бюджетных правил, распространенных в мире: наднациональных и национальных по итогам 2021 г. [7]

данном этапе, может быть чревата потерей макроэкономической устойчивости, которая обеспечивается за счет создания сырьевых бюджетных фондов, тесно связанных с механизмом бюджетных правил. Поэтому их отмена в рамках российской государственности может серьезно нарушить ход структурных изменений в нашей экономике.

Вторая — это собственно типы бюджетных правил, распространенные во многих государствах и касающиеся уровня долга, размера дефицита бюджета, правила доходов и расходов. Россия по выполнению бюджетных правил этого типа является государством, которое не имеет критических отклонений, как это имеет место в большинстве развитых стран. Например, согласно официальной статистике, существенных превышений по этим правилам не отмечено по итогам 2020—2022 гг. Размер внешнего долга российского государства остается в рамках, не превышающих 60 % ВВП. Объем государственного внешнего долга в 2020 г. составил 54 880,1 млн дол. США, в 2021 г. 58 557,1 млн дол., и в 2022 г. — 57 372,8 млн дол. [4]. Картина по

внутреннему госдолгу — 14 685,855 млрд р. в 2020 г., в 2021 г. 16 764,978 млрд р., а в 2022 г. — 17 416,076 млрд р. [5]. То есть очевидно отсутствие критического роста долговой нагрузки, в рамках остается и уровень дефицита государственного бюджета в этом периоде, поэтому отменять данные правила безосновательно.

2. Главным «камнем преткновения» сторонников отмены бюджетных правил является тот факт, как используются денежные средства сырьевых фондов. Согласно прежней практике на них покупали иностранную валюту и долговые обязательства развитых государств, т. е. приобретались *финансовые активы*. Теперь изменения коснулись не только валюты, она была заменена на валюты дружественных государств, но и долговых ценных бумаг, вопрос по которым не совсем ясен. Однако сторонники отмены бюджетного правила настаивают на том, чтобы на денежные средства сырьевых фондов приобретались не *финансовые активы*, а осуществлялось инвестирование непосредственно в отрасли российской экономики для уско-

ренных структурных преобразований, касающихся импортозамещения и развития военно-промышленного комплекса. Есть и мнение отдельных ученых, предлагающих приобретать на средства сырьевых фондов акции отечественных предприятий, связанных прежде всего с процессами цифровизации. Существующая полемика по поводу использования средств сырьевых фондов представляется так: или только финансовые активы, или реальные. Авторское мнение скорее сводится к наличию и финансовых, и реальных активов, но с установлением заранее ограниченных параметров, как это сделано в бюджетных правилах 2023—2025 гг. Но это не отмена бюджетного правила, а скорее придание ему большей гибкости и эффективности в зависимости от ситуации в стране и в мировом сообществе.

3. Концепция нового бюджетного правила на 2023—2025 гг. менялась несколько раз и в итоге она имеет наиболее взвешенный подход:

– средства сырьевых фондов направляются в финансовые активы ФНБ, но эти активы до 60 % будут состоять из юаней и до 40 % из золота. Иностранные валюты недружественных стран: евро, иены и фунты стерлингов не будут размещаться на счетах ФНБ в ЦБ РФ;

– планирование в 2023—2025 гг. ежегодной суммы базовых нефтегазовых доходов в размере 8 трлн р., что означает, и это впервые, отказ от цены отсечения по нефти марки Urals. Представляется данное ограничение как *смягчение политики распределения нефтегазовых доходов*, направленное на увеличение средств, инвестируемых в реальный сектор экономики.

4. По-нашему мнению, механизм защиты бюджетной политики в виде бюджетных правил от экономической нестабильности имеет право на существование не только на уровне бюджета государства (субъектов и муниципалитетов). По большому счету, он в разной степени может быть использован и на уровне формирования бюджетов предприятий (воз-

можны другие критерии и количественные показатели). Важно, что эти ограничения способствуют повышению ответственности руководства за устойчивость бюджетов. Еще одним важнейшим аспектом применения бюджетных правил является население, которое также должно быть вовлечено в ограничительный механизм формирования семейных бюджетов как важнейшей составляющей финансовой грамотности.

Библиографический список

1. Альберто А., Арданья С., Перотти Р., Скьянтарелли Ф. Налогово-бюджетная политика, прибыль и инвестиции // *American Economic Review*. 2002. № 92 (3 июня). С. 571—589.
2. Фрага А. Призыв к новым бюджетным правилам // *Финансы и развитие*. 2022. Март. С. 14—15.
3. Белоусова А.А. Новое бюджетное правило на 2018—2020 гг. // *Научный вестник ЮИМ*. 2018. №1. С. 67—75.
4. Государственный внешний долг Российской Федерации (2011—2022 гг.). URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/external/structure?id_65=69444-gosudarstvennyi_vneshnii_dolg_rossiiskoi_federatsii_2011-2022_gg.
5. Государственный внутренний долг Российской Федерации (2020—2022 гг.) URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/structure?id_4=93479-tablitsy_ezhemesyachnykh_znachenii_obema_gosudarstvennogo_vnutrennego_dolga_rossiiskoi_federatsii.
6. Кудрин А.Л., Соколов И.А. Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики // *Вопросы экономики*. 2017. № 11. С. 5—28.
7. Набор данных о финансовых правилах 1985—2021. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/FiscalRules/matrix/matrix.htm>.
8. Швандар К.В., Черкасов В.Ю., Бурова Т.Ф. «Голландская болезнь»: применение бюджетного правила и роль структурных реформ // *Финансовый журнал*. 2017. № 5(39). С. 20—32.
9. Шмиголь Н.Б. Бюджетные правила как инструмент достижения финансовой стабильности и экономического роста // *Экономика и управление*. 2017. №1. С. 66—74.

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДОМОХОЗЯЙСТВА: БЕДНОСТЬ И ПРОЖИТОЧНЫЙ УРОВЕНЬ

*В.И. МИЛЕТА, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: v.i.mileta@gmail.com*

Аннотация

В статье исследуется понятие бедности в контексте финансовой безопасности домохозяйства. Рассматривается методический инструментарий оценки уровня бедности личности и домохозяйства. Проведен анализ пороговых показателей бедности, величины прожиточного минимума в России. Предложен авторский подход по определению порога бедности и оценке ее уровня на основе двухкритериальной модели.

Ключевые слова: финансовая безопасность личности и домашних хозяйств, бедность, прожиточный уровень, потребительская корзина, индикаторы бедности.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_64

Современный этап развития российской экономики характеризуется обострением проблем обеспечения экономической безопасности домохозяйства и ее главной составляющей — финансовой безопасности. Это вызвано ростом степени неопределенности вследствие существенного усиления внешних и внутренних дестабилизирующих факторов. При этом состояние безопасности личности, домохозяйств является главным конечным критерием решения задач национальной безопасности во всех ее видах, формах, на всех уровнях. Поэтому поиск эффективных решений указанных проблем приобретает особую значимость. Для этого важно прийти к четкому пониманию сущности и структуры феномена финансовой безопасности личности, домашнего хозяйства. Важно также исследовать диалектику финансовой безопасности и бедности. Следует заметить, что успешность решения задач обеспечения финансовой безопасности населения характеризуется не долей богатых, а уровнем бедности в стране.

По нашему мнению, финансовая безопасность личности (домохозяйства) есть характеристика качества внешних и внутренних экономических отношений, складывающихся между экономическими субъектами (отдельными личностями и их группами) в процессе формирования, распределения и использования фондов денежных средств домохозяйства. Именно характер, формы и результаты реализации указанных отношений и формируют определенный уровень финансовой безопасности домохозяйства. Отсюда, финансовая безопасность домашнего хозяйства — это такое состояние его финансов, при котором оно способно обеспечивать удовлетворение растущих материальных и социально-культурных потребностей всех его членов на рациональном уровне, независимо от динамики внешней социально-экономической среды.

Понятие финансовой безопасности в условиях рыночной экономики диалектически связано с понятиями богатства и бедности. Известен широкий спектр точек зрения на проблему разграничения богатства и бедности. Но основной подход опирается на существующие концепции бедности и модели оценки ее уровня. Признано, что бедность как явление связана с уровнем социально-экономического развития государства и характером экономических отношений при производстве, распределении, обмене и потреблении материальных и духовных благ. В этой связи проблема бедности часто рассматривается в контексте проблемы неравенства. В России сегодня наблюдается высокий уровень дифференциации денежных доходов населения — богатства и бедности (рис. 1).

В 2014—2021 гг. минимальные доходы 10 % наиболее обеспеченной части населения

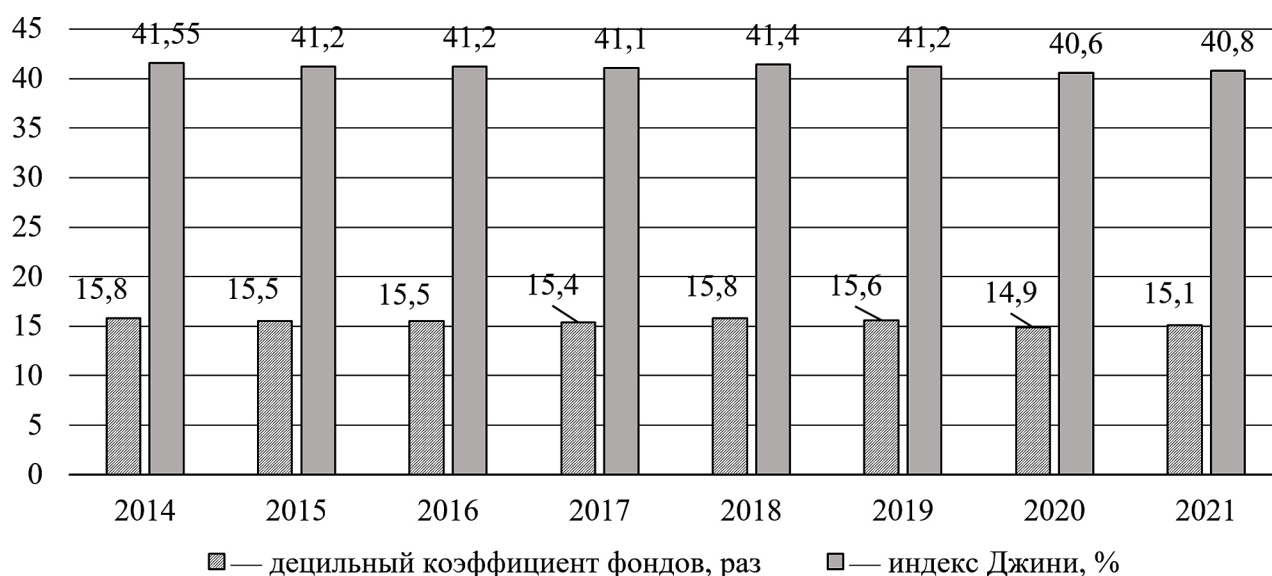

Рис. 1. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения России в 2014—2021 гг. (составлен автором по данным [8])

России в среднем в более чем в 15 раз превышали максимальные доходы 10 % наименее обеспеченной части населения при пороговом значении, рекомендуемом Центром финансово-банковских исследований ИЭ РАН, равном семи [6]. Индекс Джини в течение всего анализируемого периода не опускался ниже 40,6 %, что относит Россию к странам с высокой степенью неравенства. Существенное неравенство в распределении денежных доходов является серьезным фактором, подрывающим финансовую безопасность домохозяйств и генерирующим бедность в России. Обеспечение устойчивых темпов сокращения бедности в условиях экономического спада делает особо актуальной проблему сокращения неравенства и более равномерного распределения доходов.

Понятие бедности весьма многогранно. Оно не ограничено рамками материального благосостояния, оно охватывает всю совокупность условий социально-экономической безопасности жизни домохозяйства. Однако следует заметить, что в условиях рыночных отношений доступность материальных и духовных благ, возможность полноценной жизни определяется прежде всего объемом денежных средств, находящихся в распоряжении домохозяйства. Отсутствие или хроническая недостаточность финансовых ресурсов

создает предпосылки для развития бедности. Поэтому бедность в данном контексте характеризует финансовое состояние домохозяйства, при котором отсутствует возможность удовлетворения на общественно необходимом уровне потребностей его членов в материальных и духовных благах в силу ограниченности финансовых ресурсов. Бедность в монетарном аспекте представляет собой кризисный уровень финансового состояния, следовательно, и финансовой безопасности домохозяйства. Необходимо отметить тот факт, что известные методики оценки бедности и ее глубины опираются на монетарные показатели-индикаторы. При этом неважно, какая именно концепция положена в их основу — однокритериальная или многокритериальная. Например, в индексе многокритериальной бедности *AROPE*, применяемом в странах ЕС, два из трех критериев имеют монетарный характер и оценивают величину дохода (риск относительной доходной бедности) и его достаточность (наличие существенных материальных деприваций) для ведения нормального образа жизни [2].

В соответствии с решением Экономического и социального совета ООН от 19 декабря 1984 г., к бедным относятся лица, семьи, группы лиц, ресурсы которых являются столь ограниченными, что не позволяют вести ми-

нимально приемлемый образ жизни в государствах, в которых они живут [5]. В данном случае речь идет о так называемой объективной бедности, которая предполагает наличие более или менее четкого понимания границы между бедностью и не бедностью. В отличие от объективной, субъективная бедность базируется на мнении, что сам индивид может определить, беден ли он или нет.

В зависимости от способа выявления и оценки принято различать абсолютную и относительную бедность. Абсолютная бедность выявляется посредством сопоставления фактического душевого дохода с установленным минимальным уровнем дохода — прожиточным минимумом. Относительная бедность характеризуется уровнем — чертой бедности, ниже которого люди считаются бедными. Этот концептуальный подход отражен в заявлении Европейского совета, где отмечено, что лица считаются бедными, если их доход и ресурсы являются настолько ограниченными, что не позволяют им поддерживать уровень жизни, приемлемый в том сообществе, членами которого они являются, в котором они проживают [2]. Исходя из этого формируется показатель, используемый Европейской комиссией для оценки уровня бедности. Он характеризует долю лиц, проживающих в домашних хозяйствах с эквивалентными располагаемыми доходами, составляющими менее 60% национальной медианной величины располагаемых доходов [2]. Указанный подход реализован также и в статистике стран ОЭСР. В этих странах пороговым значением бедности принят уровень 50—60 % национального медианного значения эквивалентного располагаемого дохода населения [2].

Начиная с середины 1990-х гг. и до конца 2021 г. в Российской Федерации оценивалась абсолютная бедность. Применялась модель, основанная на прожиточном минимуме, равном стоимости минимальной потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения (трудоспособное население, пенсионеры, дети) в целом по РФ [10]. Корзина представляет собой минимальный набор продуктов

питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности. Стоимость непродовольственных товаров и услуг установлена на уровне 50 % от стоимости продуктов питания для всех групп населения.

Как свидетельствуют данные Росстата, в течение 2014—2021 гг. номинальный прожиточный минимум, определяемый по указанной методике, в целом по России вырос на 44,8 % и достиг 11 653 р. в месяц (рис. 2). При этом в течение всего периода среднедушевой номинальный и располагаемый доходы существенно превосходили прожиточный минимум и на протяжении последних четырех лет разрыв увеличивался.

Несмотря на недостатки, связанные с обособленностью состава и стоимости потребительской корзины, модель, основанная на ней, была общепринятой. Ожидалось, что дальнейшие реформы будут идти в русле данного концептуального подхода, тем более, что в его развитие в начале декабря 2019 г. в Государственную Думу был внесен законопроект «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» [1], который предполагал увеличение стоимости «потребительской корзины», совершенствование ее состава путем включения в нее новых продуктов и услуг. Однако в конце 2021 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2020 № 473-ФЗ [9], который кардинально изменил модель установления величины прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда.

С начала 2022 г., произошел переход от концепции абсолютной бедности к концепции относительной бедности. В соответствии с данным законом начиная с 1 января 2022 г. прожиточный минимум (черта бедности) определяется не по стоимости потребительской корзины, а «по медианному доходу», рассчитываемому Росстатом [1]. Соотношение величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации и величины медианного среднеду-

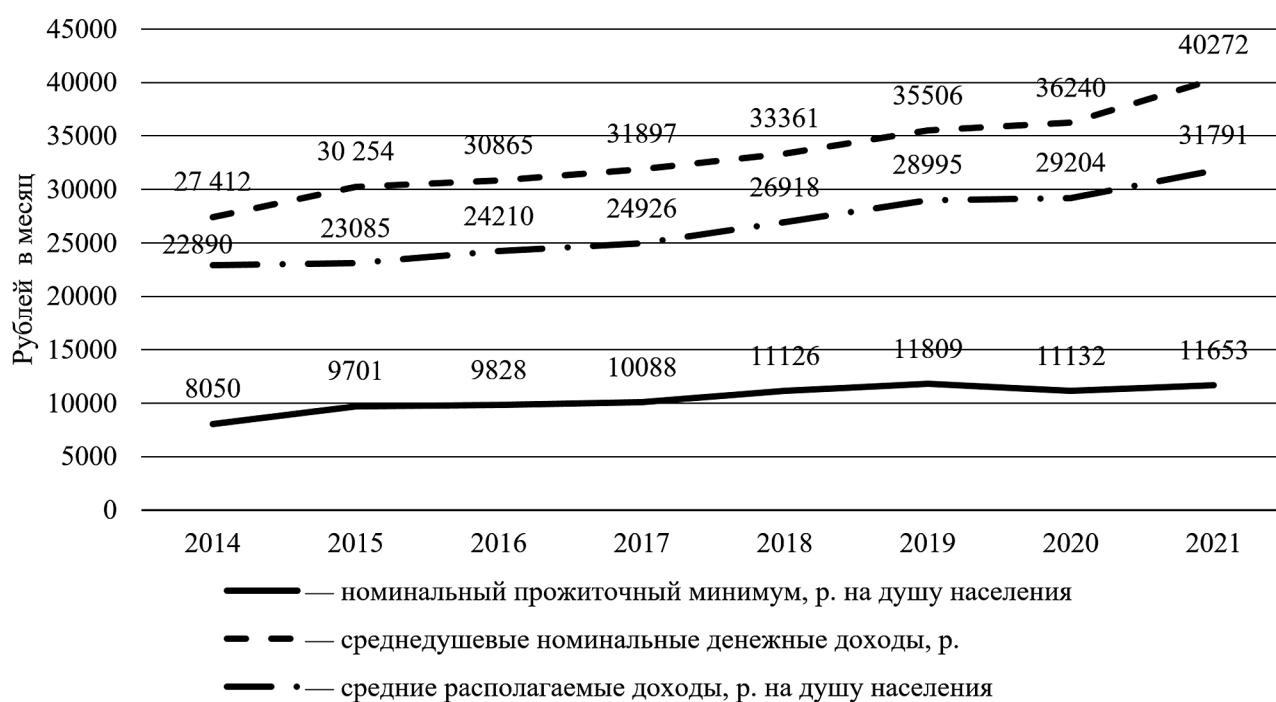

Рис. 2. Динамика доходов и прожиточного минимума в России в 2014—2021 гг. (составлен автором по данным [8])

шевого дохода за предыдущий год с 2021 г. установлено в размере 44,2 %. Прожиточный минимум устанавливается на год, а не ежеквартально, как было ранее.

На рис. 3 представлена динамика прожиточного минимума в условиях перехода на новую модель его оценки. Его данные свидетельствуют, что в целом по России прожиточный уровень в 2021 г. составлял 11 653 р., в течение 2022 г. он сначала вырос до 12 654 р., а затем до уровня 13 919 р. Общий прирост в 2022 г. составил 9,44 % к уровню 2021 г. С начала 2023 г. прожиточный минимум был еще увеличен на 3,28 % и достиг 14 375 р. Таким образом, в целом по России граница бедности, установленная с начала 2023 г., превысила уровень 2021 г. на 23,36 %.

При переходе на новую методику в регионах России также наблюдалось повышение границы бедности по сравнению с уровнем 2021 г., но с существенной вариацией. Наибольшее ее повышение — на 19,4 %, произошло в Чукотском автономном округе. Наименьший прирост прожиточного минимума к уровню 2021 г. наблюдается в Москве — на 3,8 %, в Костромской области и Хабаровском крае — на 4,0 %, в Еврейской автономной об-

ласти — на 4,07 %. Максимальный уровень границы бедности был установлен в Чукотском автономном округе — 28 851 р., а минимальный — в Липецкой области — 10 503 р. В целом при переходе к новой методике величина прожиточного минимума по всем регионам выросла в среднем на 7,95 %. В то же время вариация значений прожиточного уровня составила 24,4 % (в 2021 г. — 24,6 %). Последнее говорит о сохранении существенной межрегиональной дифференциации границы бедности вследствие значительного различия в уровне регионального среднедушевого и медианного доходов.

В 2016—2021 гг. — в период применения прежней модели черты бедности, численность граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума сократилась с 19,6 до 10,9 млн чел., а их доля соответственно с 13,4 до 10,9 % (см. таблицу). Численность тех, кто жил на доходы менее 10 дол. с учетом паритета покупательной способности, за период 2014—2021 гг. снизилась не столь значительно и составила в 2021 г. 6,9 млн чел., или 4,7 % населения России. Обращает на себя внимание факт, что в 2022 г., в условиях применения новой методики, доля

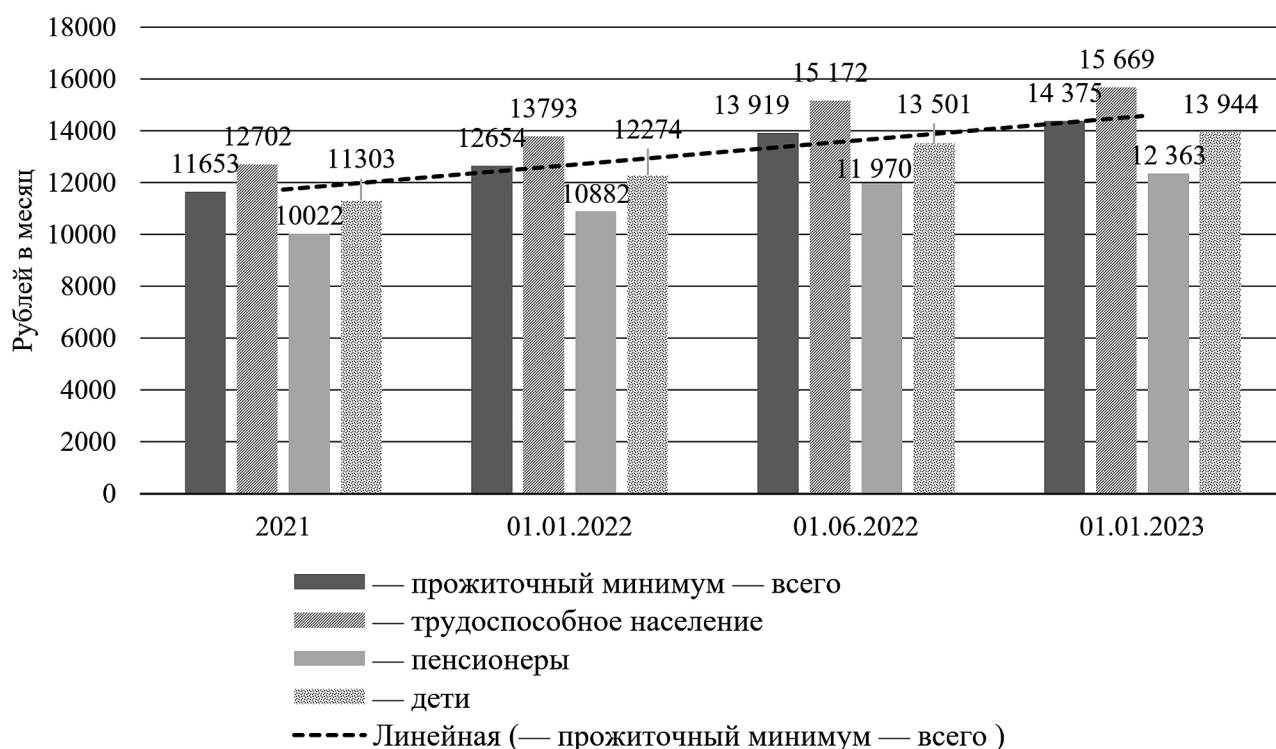

Рис. 3. Динамика прожиточного уровня в России в 2021—2023 гг. (составлен автором по данным [8])

населения с денежными доходами ниже черты бедности увеличилась и достигла 11,8 %.

Из таблицы видно, что показатель доли бедного населения на протяжении всего рассматриваемого периода, в том числе и после смены модели оценки бедности, превышал пороговые 7—8 %, рекомендуемые Институтом экономики РАН [6], что говорит о том, что проблема бедности в России остается острой.

Первые результаты применения новой мо-

дели показывают, что в целом переход к ней стал шагом в сторону более адекватной оценки уровня бедности. Медианный доход — это доход находящихся в середине распределения среднедушевых доходов домохозяйств. Как правило, средний доход выше медианного дохода. Причем при росте неравенства происходит отставание медианного дохода от среднего душевого дохода вследствие роста значений доходов богатой части домохозяйств. В этой ситуации оценка на основе

Динамика численности и доли населения России, имеющего доходы ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) (составлена автором по данным [8])

Год	Население с денежными доходами ниже границы бедности		Население с денежными доходами менее 10 дол. в день с учетом ППС	
	Млн чел.	% от общей численности населения	Млн чел.	% от общей численности населения
2014	16,3	11,3	11,2	7,8
2015	19,6	13,4	11,4	7,8
2016	19,4	13,2	11,7	8,0
2017	18,9	12,9	10,4	7,1
2018	18,4	12,5	10,3	7,0
2019	18,0	12,3	8,7	5,9
2020	17,7	12,1	7,2	4,9
2021	16,1	10,9	6,9	4,7
2022	17,2	11,8	Нет данных	Нет данных

среднедушевого дохода создает ложное впечатление более высокого общего уровня доходов, даже если это не так.

Некоторый пессимизм по поводу резкой смены методики [4], по нашему мнению, пока не оправдался. Однако указанный шаг, к сожалению, не решил полностью проблему повышения объективности оценки уровня бедности. Так, пороговое значение 44,2 % к среднедушевому медианному доходу, установленное в качестве законодательно закреплённой нормы, не подкреплено какими-либо научными обоснованиями или положительными практиками. Возможно, оно получено делением текущих значений «старого» прожиточного минимума и медианного дохода [4]. Как свидетельствует опыт, относительный порог бедности, выраженный в процентах от национального медианного дохода, в основном используется в странах, имеющих развитую экономику и устойчивые темпы ее роста, а также относительно невысокий уровень неравенства в доходах [5]. Эксперты справедливо замечают, что если порог бедности поднять до применяемого в странах Европы уровня, то четвертая часть населения России будет «относиться к категории бедных» [3, с. 149]. Е.Д. Слободенюк, В.А. Аникина в своем исследовании обосновали, что наличие доходов менее 0,75 медианы доходного распределения, делает риски обеднения личности достаточно высокими (превышают 10 %), а наличие доходов менее 0,5 медианы — указывает на неоспоримую и особенно глубокую бедность [7].

Как было отмечено, медианный доход в существенной степени связан с неравенством доходов. Коэффициент корреляции медианного дохода домохозяйства с коэффициентом Джини, как показывают результаты исследования эмпирических данных, равен $-0,59$ [11]. В условиях кризисных явлений в экономике и связанного с ним углубления неравенства доходов снижение медианного дохода, к которому установлен долевым индикатор бедности, может привести к значительному снижению показателя прожиточного минимума. Хотя законодательно установлено, что абсолют-

ная величина прожиточного уровня не может уменьшаться по отношению к предыдущему году. Однако в условиях указанных явлений и относительно высокой инфляции (в 2022 г. она составила 11,94 %) в реальном исчислении прожиточный минимум может быть недостаточен для поддержания даже минимально приемлемого образа жизни. Этого недостатка лишена стоимость потребительской корзины, которая при релевантной методике определения ее реальной стоимости учитывает структуру потребления и индекс цен на потребительские товары и услуги, входящие в нее. Поэтому целесообразно полностью не отказываться от использования стоимости потребительской корзины при оценке прожиточного минимума, а применять ее на постоянной основе совместно с порогом бедности, рассчитываемым на базе медианного дохода.

Еще один вопрос — использование для оценки бедности среднего общего дохода, а не располагаемого дохода. Использование среднего общего денежного душевого дохода существенно снижает объективность оценки, поскольку указанный доход не является источником для конечного потребления товаров, услуг и сбережений домашнего хозяйства. Средние номинальные душевые доходы превышают доход и ресурсы, находящиеся в распоряжении членов домохозяйства, используемые ими для поддержания приемлемого уровня жизни (рис. 4).

Анализ динамики показателей свидетельствует о росте разрыва между номинальным и располагаемым доходом, что увеличивает погрешность в ходе оценки бедности. Так, если в 2018 г. в России средний общий доход на душу населения превышал располагаемый доход на одного члена домохозяйства на 15,2 %, то в 2021 г. разрыв составил 24,6 %.

Как показали исследования, результаты которых отражены в данной статье, проблема бедности неразрывно связана с обеспечением финансовой безопасности домохозяйств в России. Бедность является следствием существенного ухудшения финансового состояния домохозяйства, она характеризует кризисный уровень финансовой безопасности.

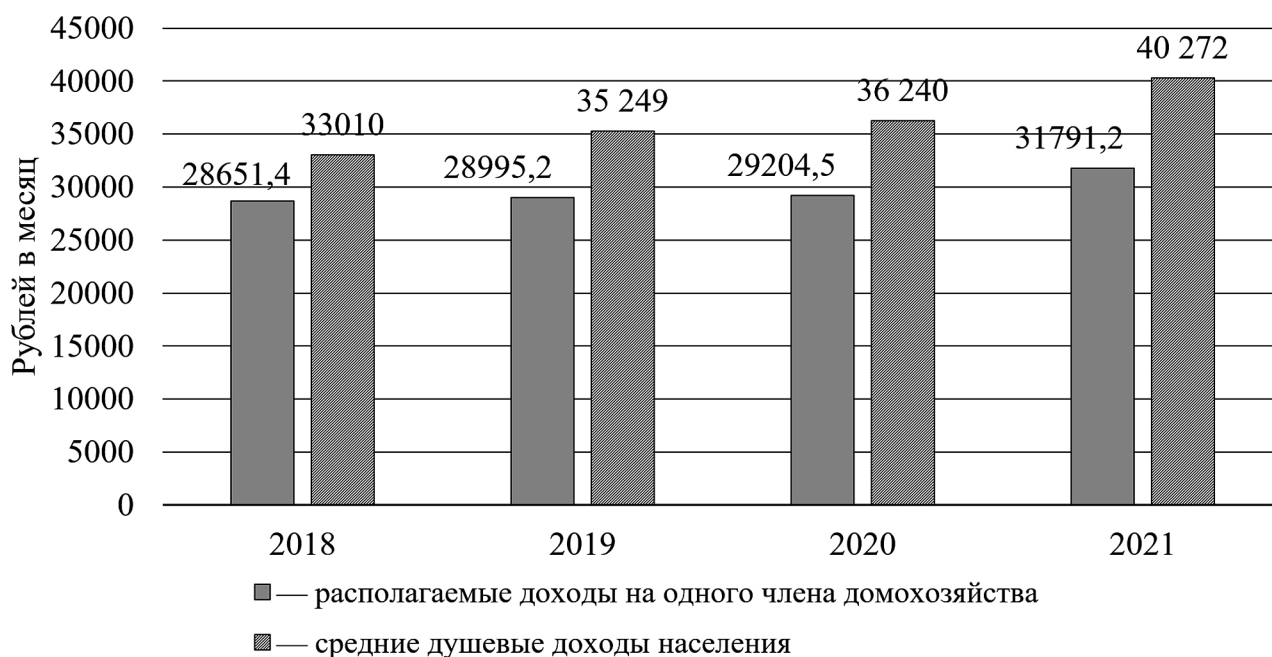

Рис. 4. Динамика среднего на душу населения и располагаемого денежного дохода на одного члена домохозяйства в месяц в 2018—2021 гг. (составлен автором по данным [8])

Сегодня проблема бедности в России сохраняет свою остроту. Показатель доли бедного населения на протяжении последнего десятилетия ежегодно превышает пороговые значения 7—10 %. Более 17 млн россиян сегодня живут за чертой бедности, в стране сохраняется высокая степень неравенства в доходах, межрегиональной дифференциации уровня жизни.

Решение задачи преодоления бедности и укрепления финансовой безопасности домохозяйств лежит как в сфере развития теоретико-методических подходов, так и в области практических мер. Переход к новой модели оценки прожиточного минимума (порога бедности), как показала практика, в целом не привел к его снижению, но вызвал ряд научно-методических вопросов, которые требуют осмысления и дальнейших исследований.

Анализ применяемого методического подхода показывает, что использование однокритериальной модели, основанной только на медианном доходе, порождает возможность падения медианного дохода в периоды спада в экономике и высокой инфляции, а вместе с ним прожиточного минимума и, как следствие, связанного с ним социального пакета.

Для устранения данного парадокса, по нашему мнению, целесообразно перейти к двухкритериальной модели, сохранив в качестве дополнительного индикативного показателя стоимость потребительской корзины. Это позволит в периоды экономического спада не допустить падения установленной черты бедности путем установления порогового значения на уровне не ниже большего из двухкритериальных показателей. Кроме того, сопоставление среднедушевого располагаемого дохода домохозяйства и стоимости потребительской корзины, характеризующей минимально приемлемый монетарный уровень, помимо характеристик риска доходной бедности, позволит получать оценки материальной (экономической) депривации домохозяйства, которые также должны быть учтены при разработке мер социальной поддержки малообеспеченных домохозяйств.

При расчете прожиточного минимума на основе национального медианного дохода, по нашему мнению, целесообразно перейти к пороговому значению не ниже 50 % медианного дохода. При этом базой расчета медианного дохода следует принять, по опыту стран ОЭСР, не среднедушевой номиналь-

ный доход, а располагаемый доход, который более объективно характеризует монетарные возможности членов домохозяйства поддерживать приемлемый уровень жизни.

Подходы к проблемам снижения уровня бедности, укрепления финансовой безопасности домохозяйств, безусловно, не должны быть ограничены только поиском объективных методов монетарной оценки уровня бедности. Хотя это крайне важно. Решение указанных проблем связано с реализацией практических мер, направленных на обеспечение устойчивого роста уровня доходов населения, выравнивания уровня жизни в регионах, сокращения разрыва в денежных доходах бедной и богатой части населения России. Необходима продуманная социальная политика, направленная на кардинальное снижение уровня бедности в стране. Необходим комплекс долгосрочных мер, реализуемый в единой программе устойчивого развития, включающей реальные шаги по переходу от ресурсозависимой экономики к индустриальной.

Библиографический список

1. О потребительской корзине в целом по Российской Федерации: Законопроект № 28059-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/28059-8>.
2. Измерение бедности и социальной интеграции в ЕС: достижения и дальнейшие улучшения. Европейская экономическая комиссия Организации объединенных наций. Рабочий документ 25 от 20 января 2014 г. URL: https://unece.org/WP25_Eurostat_D_Rus_Fina.
3. Казанцев С.В., Колпакова И.А., Лев М.Ю., Соколов М.М. Угрозы развитию экономики современной России: ценовые тренды, санкции, пандемия: монография / под ред. М.Ю. Льва. М.: Первое экономическое издательство, 2021.
4. Корнейчук Б.В. Новая методика расчета прожиточного минимума: проблемы теории и практики // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 6. С. 120—139.
5. Руководство по измерению бедности. Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций, 2017 г. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174_ru.pdf.
6. Сенчагов В.К., Иванов Е.А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России. М.: Ин-т экономики РАН, 2015.
7. Слободенюк Е., Аникин В. Где пролегает «черта бедности» в России? // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 104—127.
8. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2022 № 473-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. О потребительской корзине в целом по Российской Федерации: Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
11. Blakely T.A., Kawachi I. What is the difference between controlling for mean versus median income in analyses of income inequality? // Journal of Epidemiology & Community Health. 2001. Vol. 55, № 5. P. 352—353.

КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КРЕДИТНЫМИ РИСКАМИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

*О.М. ЕРМОЛЕНКО, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономического анализа, статистики и финансов, Кубанский государственный университет
e-mail: EOM63@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассмотрены основные концепции управления кредитными рисками. Формируемые бизнес-модели в деятельности кредитных организаций определяют вектор формирования долгосрочных стратегий. Управление по центрам ответственности определяет уровень эффективности системы риск-менеджмента как инструмента управления кредитными рисками в деятельности кредитных организаций.

Ключевые слова: банковский сектор, кредитные риски бизнес-модели, риск-менеджмент, центры ответственности.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_72

Развитие банковского сектора в последние годы сопряжено с нестабильностью и изменением конъюнктуры, в частности, наблюдаются существенные колебания стоимости финансовых активов. Чувствительность кредитных организаций на фоне высокой волатильности влияет на их уязвимость и характеризует высокий уровень рисков. В такой ситуации повышаются требования к оценке и управлению кредитными рисками в коммерческих банках. Следовательно, актуальность данной темы обусловлена тем, что кредитные риски и управление ими приобретают особое значение не только для банков, но и для всех сфер экономики в целом.

Важность данного вопроса связана не только с изменением внешней среды, конъюнктуры финансовых рынков, но и с новыми экономическими условиями, которые заставляют кредитные организации реально оценивать и сопоставлять свои финансовые возможности с современными реалиями экономического развития страны.

В непростых условиях санкционного кризиса для поддержки надежности и устойчивости банковской системы страны постепенно ужесточаются требования со стороны ЦБ для кредитных организаций.

В последние годы наблюдается укрупнение банковского бизнеса и возрастание конкуренции в сфере банковского обслуживания, что происходит на фоне геополитических рисков, а также санкционного и ковидного кризисов.

В целях поддержания стабилизации экономических процессов, в том числе и для создания экономики нового типа на базе ее структурной трансформации, особое внимание уделяется таким вопросам, как развитие предпринимательства, повышение занятости и снижение безработицы, создание условий для роста экономического потенциала, насыщение товарами рынков на фоне импортозамещения.

Базисом для активизации деятельности экономических субъектов является финансирование и кредитование реального сектора экономики, что прежде всего обеспечивается кредитными организациями. За последние годы рост корпоративного и розничного кредитования в среднем в положительной динамике составил 14 %, что обусловило рост кредитных рисков (рис. 1).

Под кредитным риском, с учетом предложенной дефиниции, понимается неопределенность ситуации, которая предопределяет опасность того, что заемщик не сможет в полном объеме или своевременно погасить свои кредитные обязательства в соответствии с кредитным договором. Поскольку кредитная деятельность — одно из активных направле-

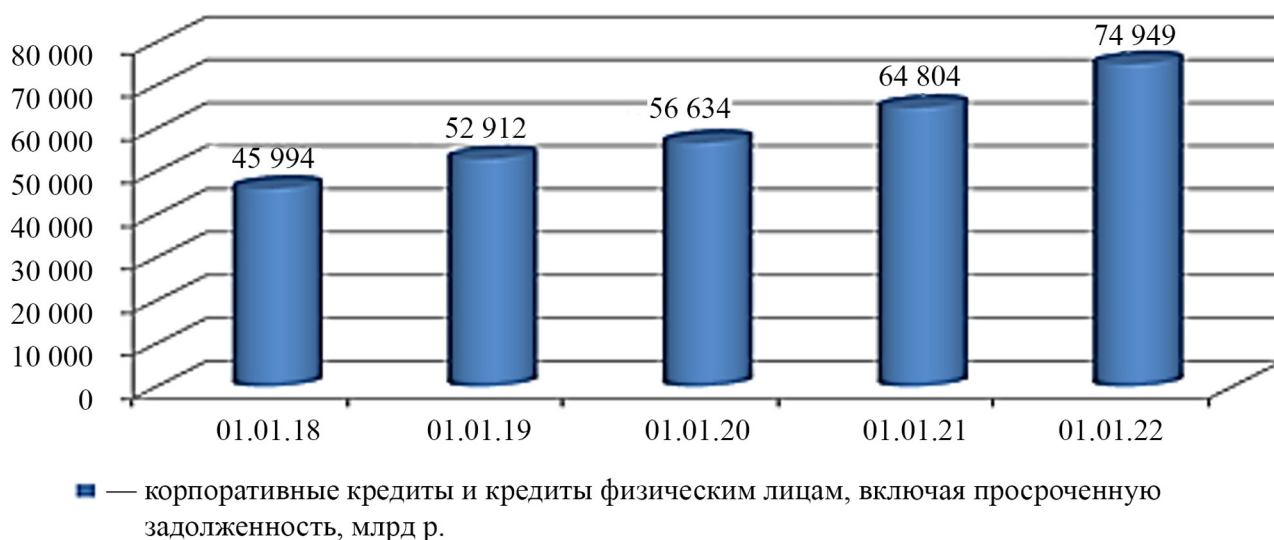

Рис. 1. Динамика роста корпоративных и розничных кредитов в банковском секторе

ний работы коммерческих банков, то данный риск в значительной степени влияет на их финансовую устойчивость и уровень ликвидности.

Рассматривая множественность подходов к определению дефиниции кредитного риска, будем понимать под этим термином кредитную деятельность коммерческого банка, связанную с недополучением (или потерей) процентного дохода в условиях неопределенности, что требует от сотрудников и центров ответственности кредитных организаций определенных профессиональных навыков и знаний для минимизации негативных результатов. Опираясь на данный термин в связке с центрами ответственности, основными под-

разделениями, в той или иной степени отвечающими за уровень кредитных рисков, на наш взгляд, являются: управление розничным бизнесом (кредитование населения), управление корпоративным бизнесом (кредитование корпоративных клиентов коммерческих банков), управление инвестиционным бизнесом (как направление размещения собственного капитала и капитала клиентов в разрезе трастовых операций). В связи с необходимостью минимизации рисков следует дифференцировать их в разрезе центров ответственности (табл. 1).

Критерий оценки кредитных рисков базируется на оценке эффекта влияния риска на результаты деятельности банков и с учетом

Таблица 1

Рекомендации по управлению кредитными рисками между центрами ответственности

Центр ответственности	Направление	Риск
Управление розничным бизнесом	Кредитование физических лиц	Кредитный, валютный, процентный
Управление корпоративным бизнесом	Кредитование юридических лиц	Кредитный, валютный, процентный
Управление инвестиционным бизнесом	Эмиссия ценных бумаг, андеррайтинг, прямые инвестиции, доверительное управление по договорам с клиентами	Фондовый
Аналитический отдел	Анализ кредитного портфеля, финансовая отчетность, управление рисками, оптимизация по управлению денежными потоками	Кредитный, валютный, ликвидности, валютный

выявления источника возникновения кредитного риска в разрезе направлений и сегментов их кредитной деятельности.

Подход к оценке кредитного риска в настоящее время имеет принципиальное значение как с теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку позволяет использовать методики и оценивать реальные показатели, что влияет на выбор принимаемых решений банками и их кредитной деятельности.

Анализируя данные на рынке кредитования, можно сделать вывод, что кредитные портфели имели положительный рост в первом полугодии 2022 г. преимущественно у розничных банков, поскольку в структуре кредитных портфелей в основном преобладали потребительское кредитование и автокредитование. В сравнении с 2021 г. ипотечный сегмент значительно просел, что связано с внешними факторами развития реального сектора экономики. Задолженность по кредитам и приобретенным правам требования по кредитам в разрезе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей выросла на 42,3 % на фоне стабильной динамики роста (рис. 2) [5].

Зарубежная санкционная агрессия нанесла весьма ощутимый ущерб банковскому сектору (в SDN-лист, предусматривающий самые блокирующие ограничения, вошли 12 крупнейших банков, на долю которых приходится более 50 % совокупных активов банковских активов страны), что вынудило регулятор раз-

работать и реализовать систему мер для стабилизации банковского сектора для снижения санкционных рисков. Для поддержания и нормализации деятельности коммерческих банков ЦБ снизил норматив обязательных резервов до 2 % и повысил коэффициент усреднения обязательных резервов до 0,9 % (с 0,8 %), что на фоне сокращения клиентских средств позволило снизить риск возникновения дефицита ликвидности.

Следовательно, повышается чувствительность кредитных организаций ко всем видам рисков, в том числе и кредитному риску. Анализируя институциональные характеристики банковского сектора, можно констатировать глобальные изменения в банковской сфере. Сокращается количество кредитных организаций (заккрытие, слияние, поглощение, санкции). Ужесточаются требования со стороны ЦБ, в том числе устанавливаются новые нормативы, требования к увеличению минимального размера капитала. Также наблюдается тенденция увеличения доли огосударствления коммерческих банков, что вызывает неоднозначную реакцию. Сокращение количества банков отражается и на неоднородном их распределении по региональному признаку (рис. 3).

На фоне дестабилизации перечень рисков в деятельности коммерческих банков постоянно расширяется и просматривается их взаимосвязь, поэтому управление рисками, в том числе кредитными, можно рассматривать как

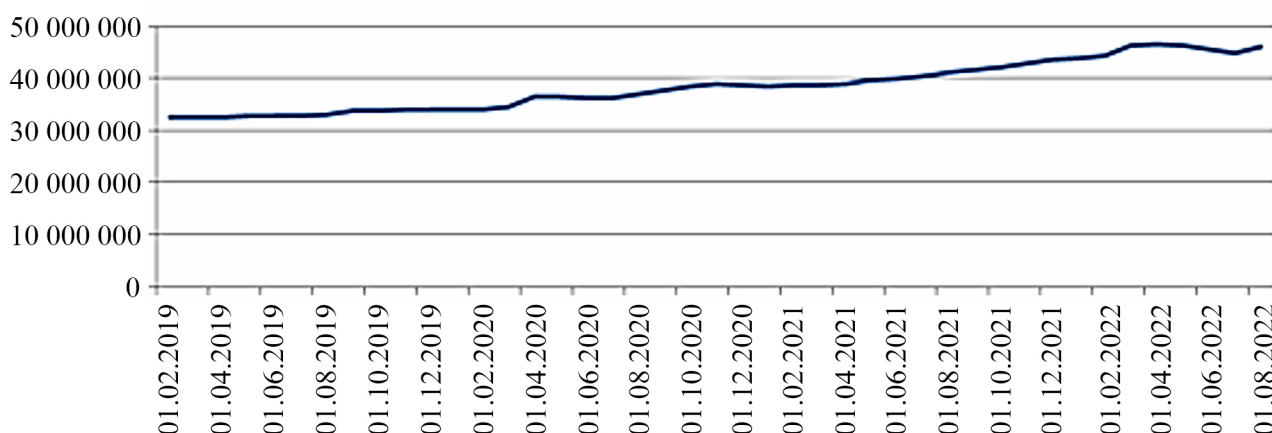

Рис. 2. Динамика роста задолженности по кредитам и приобретенным правам требования в разрезе кредитования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

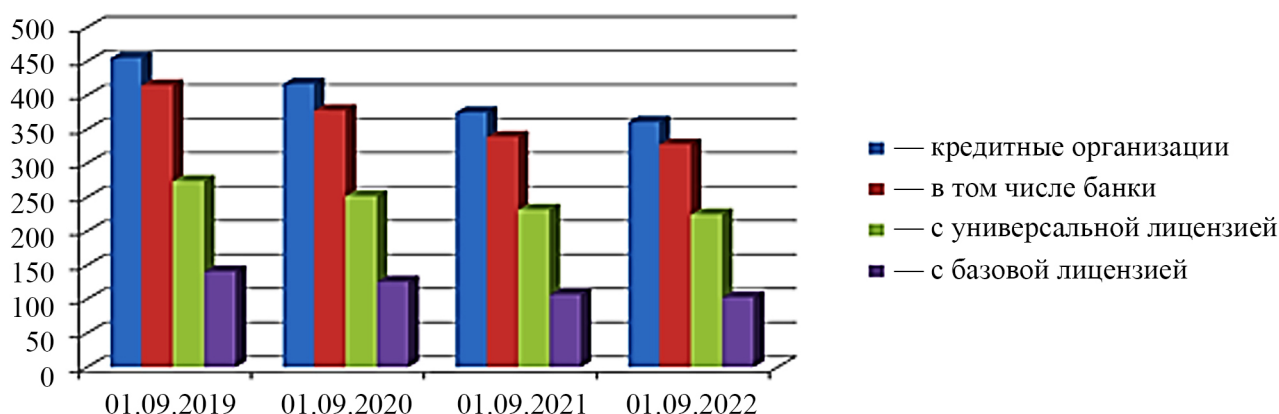

Рис. 3. Краткая институциональная характеристика банковского сектора

многофакторный процесс. Так же, как и рыночный риск, кредитные риски имеют макроэкономическую природу, поскольку учитывают множественность факторов, в том числе общеэкономических индикаторов развития страны.

Вместе с потребностью банков к повышению финансовой устойчивости и стабилизации на рынке банковских продуктов и услуг имеет место особенность воздействия внешних факторов, которые нельзя просчитать с высокой долей вероятности, что также вносит определенную дестабилизацию в процесс управления кредитными рисками с учетом специфики деятельности каждого коммерческого банка. Влияние внутренних факторов определяется спецификой деятельности самих кредитных организаций, что влияет на формирование той или иной модели оценки риска, и влияет на качество кредитного портфеля и открытые позиции банка. Это характеризует прямую взаимосвязь между уровнем кредитного риска и переменными (размер кредитной позиции банка, уровень и расходы на хеджирование риска, период продолжительности и вероятности кредитного риска, макроэкономические факторы, определяющие уровень риска) [3]:

$$V_{KR} = (P, R, T, MR), \quad (1)$$

где V_{KR} — уровень кредитного риска;

P — позиция банка по кредитному риску;

R — расходы на хеджирование риска;

T — период, в течение которого оценивается кредитный риск;

MR — макроэкономические факторы, определяющие уровень риска.

Поскольку кредитный и рыночный риски взаимосвязаны, то следует учитывать величину рыночного риска с учетом формулы (2):

$$V_m = (MP, R, T, MR), \quad (2)$$

где V_m — уровень рыночного риска;

MP — позиция банка в ранжировании подверженности рыночному риску;

R — расходы на хеджирование риска;

MR — макроэкономические факторы, влияющие на уровень риска;

T — период, в течение которого оценивается риск.

Эффективность управления кредитными рисками определяется результативностью разработанного механизма по регулированию кредитных отношений между банками и их клиентами с фундаментальными исследованиями. Первоначально для идентификации кредитного риска необходимо определить зоны его возникновения, к которым можно отнести следующие:

- 1) снижение качества кредитного портфеля с учетом текущей ситуации;
- 2) анализ факторов по появлению проблемных ссуд;
- 3) предпосылки и тенденции снижения уровня кредитоспособности клиентов (заемщиков);

4) появление просроченных выплат по основному долгу и процентным платежам.

В настоящее время из наиболее распространенных видов кредитных рисков наиболее актуальны макроэкономические риски, связанные с темпами развития экономики и низким уровнем ВВП. Снижение экономической активности и замедление темпов роста экономики формируют предпосылки снижения деловой активности и платежеспособности заемщиков. Банковский сектор наиболее чувствителен к изменению конъюнктуры в период спада и неопределенности, поскольку резко возрастают доля проблемных кредитов и нагрузка на финансовую составляющую банка, что связано с возвратом заемного капитала в реальном секторе экономики.

Управление кредитными рисками представляет собой совокупность методов и приемов, благодаря чему можно с определенной долей вероятности спрогнозировать риски и соответственно рассмотреть возможности их минимизации. К основным элементам по управлению кредитными рисками как системой следует отнести субъект управления, процесс управления, систему риск-менеджмента по управлению рисками, процесс прогнозирования и рекомендации по снижению, внутренний контроль.

Концепция управления выражает опре-

деленное понимание кредитного процесса в системе отдельных элементов, влияющих на его качество (рис. 4). Концепции управления кредитными рисками основывается на трактовке таких понятий, как неопределенность и риск. Проблема оптимальности управления кредитными рисками в условиях неопределенности строится на формировании системы возможных способов решения задач по минимизации кредитных рисков как части банковских рисков.

Рассматривая категорию кредитный риск, следует учитывать методологию принятия любого управленческого решения, поскольку при выборе оптимального решения существует некоторая неопределенность с учетом множества факторов (объективных или субъективных), которые нельзя спрогнозировать полностью.

Неопределенность и кредитный риск играют важную роль в деятельности любой кредитной организации и постоянно присутствуют в реальной жизни, что сопряжено с инновационными технологиями, необходимостью позиционироваться и развиваться на рынке банковских продуктов и услуг. Данные категории присутствуют во всех сферах экономических, политических и финансовых отношений и в настоящее время характеризуются как данность при взаимодействии банков

Рис. 4. Концепция управления кредитными рисками в современных условиях

с клиентами (конкурентами, контрагентами, государством по вопросам регулирования).

Риск можно рассматривать как объект и как процесс. В данном случае кредитный риск можно оценить как через количественные характеристики, так и через качественные, поскольку как процесс кредитный риск направлен на достижение конкретной цели, а именно реальной оценки возможной угрозы потери или неудач при реализации кредитной политики банков. Несмотря на объективную оценку возможных потерь со стороны кредитных организаций, существуют факторы, которые нельзя заранее просчитать.

В качестве современных горизонтов развития банковского сектора, которые позволяют оценить возможность стабилизации и жизненный цикл банков, стоит учитывать бизнес-модель и адекватность стратегий развития коммерческих банков. Бизнес-модель банковской организации затрагивает рассмотрение рисков, в том числе и кредитных, поэтому любой алгоритм бизнес-модели развития коммерческого банка включает в себя предварительную оценку его деятельности, идентификацию областей, которые требуют пристального контроля и внимания, оценку бизнес-среды, в которой функционирует банк, количественный и качественный анализ, оценку жизнеспособности рассматриваемой бизнес-модели и оценку устойчивости долгосрочной стратегии банка. Оценка кредитных рисков влияет на оценку финансовой устойчивости банковских институтов, для чего можно использовать различные методики оценки бизнес-моделей коммерческих банков. Одной из таких моделей является модель CAMELS, в основе которой находится рассмотрение пяти основных элементов: достаточность капитала (*C*), качество активов (*A*), качество управления (*M*), прибыльность (*E*), ликвидность (*L*), чувствительность к риску (*S*) [2].

Рассматривая позицию кредитной организации по вопросам управления кредитным риском, стоит отметить, что немаловажную роль играет риск-менеджмент, что позволяет усилить позиции банка на рынке банковских

продуктов и услуг и повышать их надежность. Эффективность системы риск-менеджмента на основе использования разработанного механизма управления кредитными рисками характеризуется конкретизацией элементов по управлению кредитным риском, совокупность которых должна соответствовать бизнес-модели конкретного банка и определять уровень концентрации рисков, в том числе и кредитных. На рис. 5 представлены этапы управления кредитным риском с их краткой характеристикой.

К основным факторам, которые следует учитывать при их идентификации для принятия ключевых решений по управлению кредитным риском, следует отнести:

- лимит по общей сумме выданных кредитов;
- концентрацию кредитов;
- кредитное ценообразование;
- процесс и методики оценки кредитоспособности клиентов;
- географические лимиты для минимизации объемов просроченных кредитных обязательств;
- объем и качество финансовой информации по потенциальным заемщикам;
- объем лимитирования как метода по разработке допустимого уровня кредитного риска (в том числе в разрезе кредитных портфелей по признаку категории заемщиков) [1].

Оценка кредитного риска по признаку тип заемщика, как правило, осуществляется по двум методам: оценка однородных групп клиентов (например, владельцы пластиковых карт) и оценка разнородных групп клиентов (индивидуальные кредиты в разрезе разных категорий заемщиков с различными условиями кредитования). Метод однородных групп клиентов применяется при разработке и продвижении нового кредитного продукта, а второй подход, как правило, используется как доминирующий в кредитных операциях.

Оценка финансового риск-профиля позволяет определить уровень финансовой стабильности, ликвидности и рентабельности, а

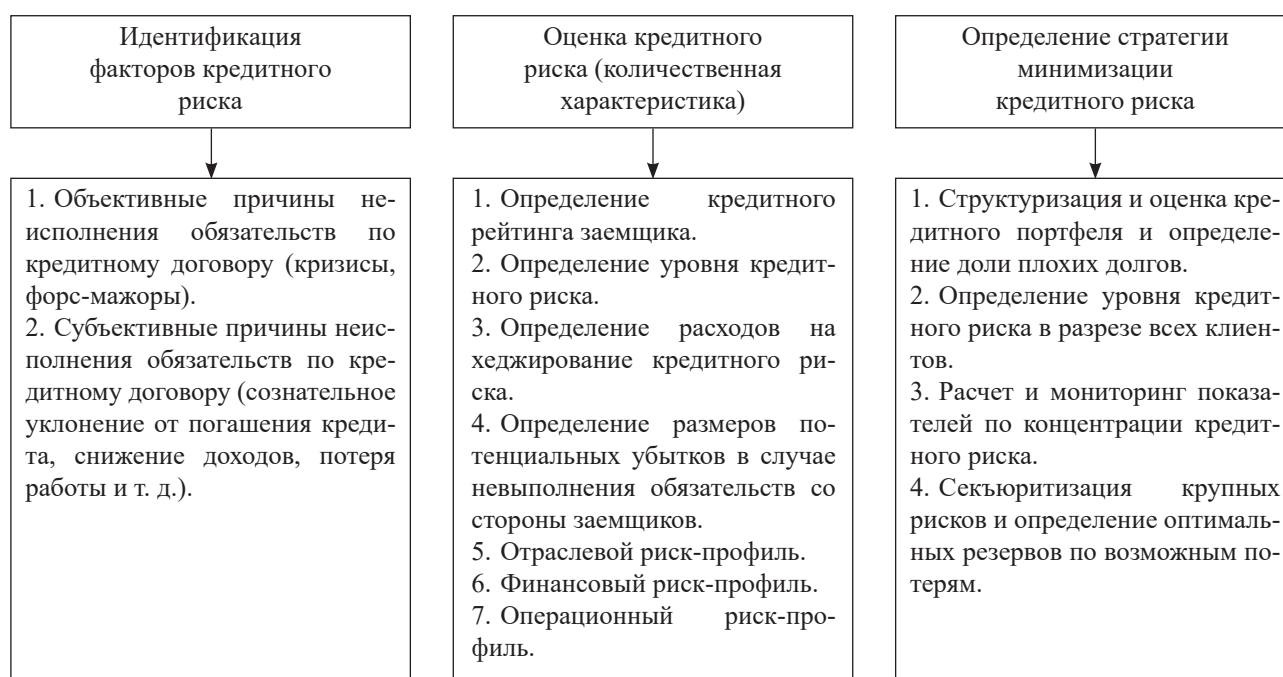

Рис. 5. Основные этапы управления кредитным риском

также уровень долговой нагрузки потенциального заемщика банка и дать прогноз денежных потоков, что в целом позволяет оценить возможные кредитные риски в условиях неопределенности и нестабильности.

Оценка операционного риск-профиля включает в себя анализ рыночной позиции и анализ географической диверсификации, а также оценить корпоративное управление клиента.

В настоящее время рекомендуемые ли-

миты по сферам предоставления кредитных продуктов в соответствии с нормативом *H7* (максимальный размер кредитных рисков $H7 < 800$) в банковском секторе должны иметь четкую градацию с учетом оценки кредитного рейтинга и кредитоспособности клиентов банков (табл. 2).

В условиях неопределенности и высоких кредитных рисков ЦБ РФ в 2022 г. планирует применять прямые количественные ограничения в виде запретов на новые кредиты,

Таблица 2

Компоненты рекомендуемых лимитов при предоставлении кредитов по сферам кредитования

Показатель	Рекомендуемый лимит
Отраслевой риск-профиль	Определение лимита на основе анализа тенденций в условиях неопределенности и риска развития по отраслевому аспекту с учетом цикличности деятельности
Операционный риск-профиль	С учетом рыночной позиции заемщика и диверсификации его деятельности
Финансовый риск-профиль	В основе определения лимита по кредитам расчет основных показателей, характеризующих финансовую устойчивость, ликвидность и рентабельность, с учетом долговой нагрузки
Взаимосвязанные отрасли (кредит)	Сопоставление аналогичных компаний по рейтингам и основным финансовым показателям в отраслевом аспекте
Сегмент рынка	Оценка денежных потоков и аналитические корректировки
Рейтинги долгосрочной кредитоспособности	Использовать национальную рейтинговую шкалу и адаптируемость к рейтингам иностранных рейтинговых агентств с учетом требований Банка России

выдаваемые коммерческими банками. Кроме того, также ужесточаются правила выдачи необеспеченных кредитов (для того чтобы удержать рост необеспеченного кредитования в России в условиях нестабильности, ЦБ РФ уже дважды повышал в 2022 г. макропруденциальные надбавки на выдачу необеспеченных кредитов, что увеличивает нагрузку на капитал). Прямые количественные ограничения должны использоваться для сдерживания кредитования наиболее проблемных сфер кредитования и групп заемщиков с высокой долговой нагрузкой [6].

Однако, несмотря на существующий кредитный риск в условиях неопределенности, ЦБ РФ для повышения уровня кредитования населения внес корректировки в специфику пруденциального регулирования (дистанционного надзора, благодаря чему возможно предотвращение возможных рисков и проблем деятельности коммерческих банков). В частности, были отменены надбавки к коэффициентам риска по необеспеченным потребительским кредитам и кредитам, выданным с 1 марта 2022 г. на финансирование долевого строительства по договору долевого участия.

Кроме того, с 1 января 2023 г. со стороны Банка России вводятся макропруденциальные лимиты в сфере необеспеченного потребительского кредитования [6]. Так, по необеспеченным ссудам с долговой нагрузкой, превышающей 80 %, лимит не должен превышать 25 % всех кредитов, которые выдаются банками с универсальной лицензией в первом квартале 2023 г.

Определение стратегии минимизации кредитного риска должно затрагивать вопросы реструктуризации задолженности по кредиту, что может быть реализовано через изменение условий договора (а не заключение нового кредитного договора).

Диверсификация как способ снижения риска позволяет стратегически перераспределить кредитные ресурсы для минимизации кредитных рисков и должна проводиться с учетом специфики конкретных секторов экономики.

Для адекватной оценки кредитных рисков в банковском секторе следует учитывать следующие показатели:

- количество банков, имеющих просроченную задолженность;
- темп прироста просроченной задолженности;
- темп прироста просроченной задолженности по розничным клиентам;
- темп прироста просроченной задолженности по корпоративным клиентам;
- удельный вес ссуд в разрезе категорий качества в совокупном кредитном портфеле коммерческих банков (I и II категорий);
- доля ссуд в объеме кредитных портфелей юридических и физических лиц IV и V категорий качества;
- отношение структурного кредитного риска к активам [7].

В качестве основных принципов формирования кредитной политики кредитных организаций стоит обратиться к политике хеджирования для снижения уровня кредитных рисков в банковском секторе. При оценке опыта зарубежных банковских организаций, видно, что политика хеджирования является активно применяемой в их деятельности, в отличие от практики российских кредитных организаций, что подтверждает опыт функционирования системно значимых банков. Политика хеджирования предполагает минимизацию кредитных рисков, принимаемых конкретным банком, а именно минимизацию затрат на проведение кредитных операций и использование регулятивного мониторинга. Реализация политики хеджирования в качестве объекта может предусматривать все кредитные операции или же отдельные открытые позиции по кредитным рискам (процентные ставки, требования или обязательства клиентов или планируемые кредитные сделки и т. д.).

Использование политики хеджирования в совокупности с дальнейшим развитием страхования в области кредитования требует тщательной проработки таких вопросов, как повышение эффективности системы риск-менеджмента, в том числе как дифференциации

управления по центрам ответственности в разрезе таких признаков, как бизнес-направление и виды рисков в процессе проведения банками активных операций. С учетом форм контроля необходимо распределение ресурсов между центрами ответственности с учетом механизма управления рисками ликвидности и кредитным риском.

Таким образом, для реализации концепции управления кредитными рисками на современном этапе развития банковского сектора необходимо не только использовать взвешенный подход к оценке риска, но и осуществить постепенный переход от традиционных форм банковского контроля и надзора к рискориентированному. Актуальным остается вопрос о формировании страхового резерва с учетом персонифицированного подхода в отношении каждого банка с учетом его текущего финансового состояния и стратегии развития. Управление кредитными рисками в соответствии с современной концепцией управления кредитными рисками должно учитывать создание эффективной системы риск-менеджмента и управление по центрам ответственности.

Библиографический список

1. Бобыль В.В. Современная концепция управления банковскими рисками // *Банковский вестник*. 2017. №6 (611). С. 151.
2. Зинина М.М. Подходы к оценке банковских бизнес-моделей и их типология // *Экономика и предпринимательство*. 2017. № 12 (89-1). С. 1313—1316.
3. Мешкова Е.Д. Совершенствование управления рыночными рисками: хеджирование и развитие методов оценки рисков // *Банковское дело*. 2015. № 12. С. 66—71.
4. Новости РБК. URL: [https:// www.banki.ru](https://www.banki.ru).
5. О развитии банковского сектора Российской Федерации // Центральный банк РФ: официальный сайт. URL: https://cbr.ru/banking_sector/statistics/.
6. О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы (вместе с «Требованиями к организации процедур управления отдельными видами рисков»): Указание Банка России от 15.04.2015 № 3624-У (ред. от 08.04.2020). URL: <https://www.consultant.ru/>.
7. Олейникова И.Н., Придачина А.А. Система управления кредитными рисками в коммерческих банках // *Вестник Таганрогского института управления экономики*. 2018. №1. С. 110—115.

УПРАВЛЕНИЕ ПО ЦЕЛЯМ И УПРАВЛЕНИЕ ПО СМЫСЛАМ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

*Н.А. ШИБАЕВА, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
e-mail: n.shibaeva@mail.ru*

Аннотация

В новых экономических условиях, характеризующихся неопределенностью, волатильностью и тревожностью, парадигма социального управления меняется, требуя от менеджмента поиска новых адаптивных технологий, позволяющих максимизировать прибыль или иные полезные эффекты от деятельности. По мнению автора, эффективность использования технологии управления по целям сегодня снижается, в то время как альтернативой может стать регулярный менеджмент, предполагающий управление по смыслам на основе ценностей.

Ключевые слова: регулярный менеджмент, управление по смыслам, ценности, управление по целям, ключевые показатели.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_81

Основные тенденции развития менеджмента в первой половине XXI в. определяются цивилизационными процессами, связанными с глобализацией, развитием новых технологий, цифровизацией, стремительным распространением различного рода инноваций, а также с изменениями в психологии управления, в том числе относительно вопросов социальной ответственности. Всё это повлекло значительные трансформации в самой системе социального управления, которое реализуется опосредованно через общественно значимую деятельность людей и имеет три взаимосвязанных направления:

1. Социально-культурное — духовно-культурное управление, охватывающее деятельность религиозных организаций, культурных объединений, международных движений.

2. Экономическое — производственное управление, связанное с управлением персон-

налом в сфере материального и нематериального производства.

3. Политическое — общественное управление, том числе административно-государственное, охватывающее деятельность государственных и муниципальных структур, а также политических партий и общественных движений.

По мнению представителей научного сообщества, к началу XXI в. наблюдается «смена парадигмы социального управления в обществе: от сознательной дисциплины мы перешли к манипулированию интересами» [2]. XX в. характеризовался как век организации, т. е. организации общества для решения различных проблем. Европейская цивилизация опиралась в этот период на принципы сознательной дисциплины, но в XXI в. мы видим, что все организации потеряли существенную значимость своего влияния при решении многих вопросов. Это вызвало функциональные изменения в системе социального управления. В результате «все общественные организации: партии, профсоюзы и само государство ослабли, а настоящая власть перешла к манипуляторам, в том числе информационным империям, финансовым спекулянтам и мафиозным группам» [2].

Для того чтобы страны, отдельные регионы и бизнес могли успешно адаптироваться к происходящим изменениям в мире, позиционировать себя на различных рынках, разрабатывать гибкие стратегии социально-экономического развития и новые успешные модели управления, необходимо понимать процессы, которые происходят в общественном развитии. В настоящее время мы можем констати-

ровать, что «*SPOD*-мир, который характеризовался как: *Steady* (устойчивый); *Predictable* (предсказуемый); *Ordinary* (простой) и *Definite* (определенный)» [4] и существовал до массового распространения персональных компьютеров, Интернета и социальных сетей, остался в прошлом веке.

На его смену в конце XX в. грянул *VUCA*-мир, хранящий в себе «*Volatility* (изменчивость), *Uncertainty* (неопределенность), *Complexity* (сложность), *Ambiguity* (неоднозначность)» [4], погрузивший нас в хаос, мимолётность, временность, иллюзорность и неопределённость. Но, надо отметить, что менеджмент смог адаптироваться к таким условиям и даже выработал управленческие технологии, рекомендуемые для такой среды и обеспечивающие успех в развитии бизнеса.

Одной из таких адаптивных технологий стало управление по целям («*management by objectives*»), более известная современным менеджерам как система *KPI*, позволяющая ясно понимать, насколько реализуются поставленные задачи по достижению планово-экономических показателей в условиях риска и неопределённости. Как методологический подход «система целевого управления впервые была предложена Питером Друкером в 50-х годах XX века. В её основу были заложены конкретные цели развития как для компании, так и для каждого её сотрудника. В этом случае выбранные цели одновременно являются намеченными результатами деятельности — ключевыми показателями эффективности (*KPI*), к которым необходимо стремиться, и по которым оценивается уровень достигнутого развития (степень достижения поставленных целей)» [6].

Ключевые показатели эффективности выступают в данном случае в роли сигнальных индикаторов, информирующих о выполнении ежемесячных задач, поставленных перед отдельными сотрудниками и бизнесом в целом. *KPI* позволяют мониторить и оценивать не только технологические и бизнес-процессы компании, но и ее систему управления в целом. Система управления по целям может применяться как на уровне целой компании

(холдинга), так и для отдельных подразделений, филиалов, предприятий. На сегодняшний день система *KPI* стала настолько популярна в отечественном менеджменте, что она используется не только в бизнесе, но и в общественном секторе экономики, в частности, в управлении образовательными и медицинскими учреждениями, на государственной и муниципальной службе и т. д.

Преимущества этой системы связаны с возможностью постоянного мониторинга запланированных результатов деятельности, контроля эффективности использования ресурсов, контроля квалификации персонала, оперативного выявления проблем и недоработок, более точного прогнозирования дальнейшего развития деятельности, действенного мотивирования сотрудников по выполнению запланированных показателей, необходимых для достижения поставленных целей.

Несмотря на все перечисленные достоинства системы управления по целям, в современных реалиях мы сталкиваемся с трудностями её реализации на практике, которые прежде всего связаны с невозможностью ясного понимания того, как в реальности на практике работают установленные организацией или бизнесом показатели эффективности и как интерпретируются полученные результаты. Зачастую разработанные и внедрённые показатели *KPI* становятся неактуальными в силу изменившихся условий деятельности, что требует их пересмотра, а значит, и дополнительных затрат на управление. Увеличение расходов на своевременную корректировку и обслуживание такой системы управления делает её неэффективной в современных условиях.

Снижение актуальности и эффективности применения менеджментом технологии управления по целям связано прежде всего с тем, что в 2020 г. миру был брошен новый вызов, который изменил привычный контур неупорядоченности. На смену *VUCA*-мира пришёл *BANI*-мир, показавший нам хрупкость (*Brittle*), тревожность (*Anxious*), нелинейность (*Nonlinear*) и непостижимость (*Incomprehensible*) развития цивилизации.

Соответственно менеджмент с учётом новых вызовов вынужден искать сегодня управленческие технологии и модели, наиболее адаптированные к новым условиям меняющегося мира и позволяющие ему выполнять свою основную задачу по эффективному руководству бизнесом или организацией в целях получения максимальной прибыли или иных полезных результатов и эффектов от деятельности.

На наш взгляд, в условиях нового *BANI*-мира альтернативой управления по целям может стать управление по смыслам или так называемый регулярный менеджмент, представляющий собой технологию управления бизнесом на основе ценностей, которые подразумевают наличие у сотрудников согласованных, общих и разделяемых приоритетов.

Любое принимаемое решение любым сотрудником компании в системе регулярного менеджмента предполагает его соответствие принятым в компании ценностям — смыслом деятельности. То есть главным инструментом управления бизнесом становятся не показатели эффективности (*KPI*), а ценности, которые чётко оговорены и закреплены в стандартах, регламентах и инструкциях, применяемых в компании.

Основная «цель регулярного менеджмента — это системный подход к управлению компанией на всех этапах и процессах» [3], направленный на преодоление тревожности, неопределённости, рисков и обеспечивающий наилучший результат. Суть управления по смыслам заключается в установлении на основе принятых ценностей устойчивых и прочных правил поведения сотрудников в циклических процессах, наблюдающихся по ходу развития организации. Внедрение регулярного менеджмента подразумевает не только формирование алгоритма действия в конкретной ситуации для обеспечения стабильности, но и контролирование четкого следования установленным нормам.

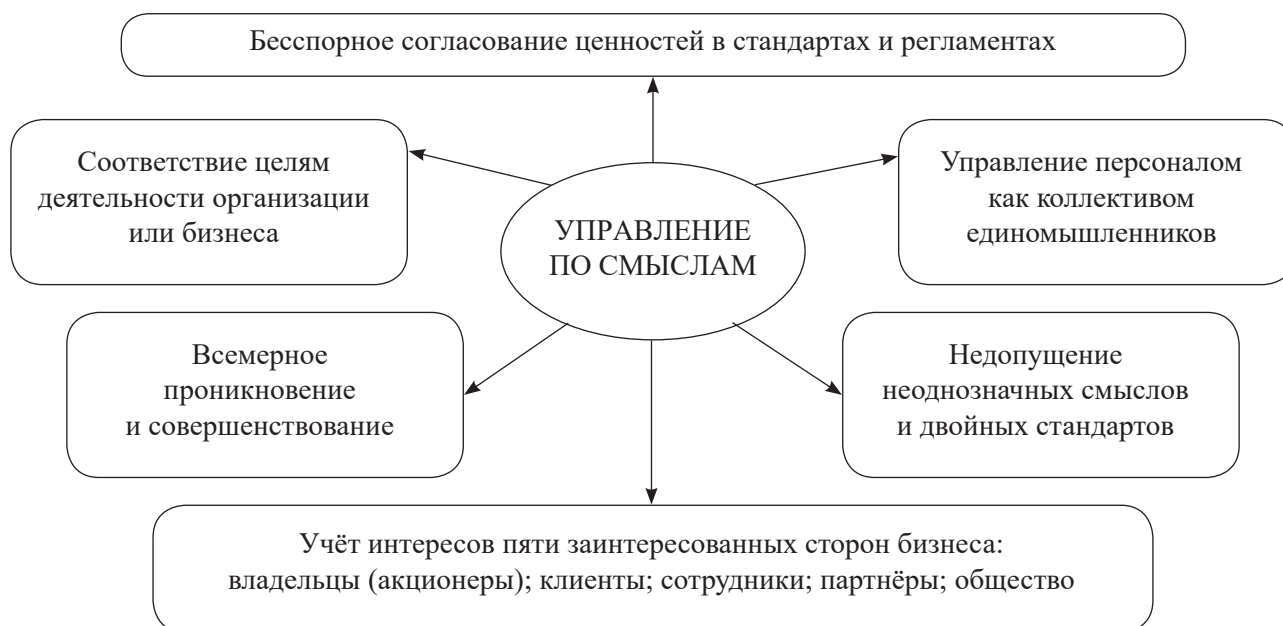
Ценности определяются культурным кодом, который закладывается обществом в социальном управлении через упомянутые нами его взаимосвязанные направления —

социально-культурное, экономическое и политическое. При этом надо отметить тот факт, что независимо от того, установлены или нет ценностные ориентиры деятельности организации или бизнеса, в любом случае надо понимать, что именно ценности управляют всеми общественными процессами.

Система принятых «ценностей должна соответствовать целям, поставленным перед конкретной компанией или организацией ее владельцами, акционерами, учредителями» [1]. Ценности в рамках одного культурного кода могут различаться для разных видов деятельности. Например, система ценностей инновационных высокотехнологичных компаний будет отличаться от системы ценностей сети дискаунтеров или ресторанов быстрого питания, а в онлайн-школе по изучению иностранных языков будут установлены свои ценности.

Управление по смыслам является истинным только в том случае, когда «руководство компании сознательно анализирует, оценивает и управляет ценностной структурой компании и ее подразделений. Если же в компании не уделяется должного значения ценностям» [5], определяющим её деятельность, то риски влияния на её развитие случайных людей, ситуаций, событий и факторов увеличиваются. Принципы истинного ценностного управления представлены на рисунке.

Регулярный менеджмент позволяет решить проблему ускорения процесса принятия и реализации управленческих решений. Это прежде всего относится к нестандартным ситуациям, когда действия сотрудников не прописаны в регламентах. Для принятия решения в таких случаях требуется согласование действий с начальством. В условиях нестабильности скорость принятия решений, как правило, играет критическую роль. Регулярный менеджмент позволяет вовлекать сотрудников в самостоятельное принятие решений, не противоречащих принятым в компании ценностям. Это означает, с одной стороны, замену жёсткого контроля, в том числе плановых показателей деятельности, на доверие, с другой стороны, готовность сотрудников

Принципы регулярного менеджмента

принимать на себя риски и ответственность в решении вопросов, входящих в их компетенцию. При этом надо понимать, что для самостоятельного принятия решений у персонала должен быть доступ к ресурсам, обеспечивающим выполнение принятого решения, и ответственность за их использование.

Практическая реализация регулярного менеджмента в компаниях показывает, что большая часть сотрудников не готова брать на себя ответственность, поэтому сознательно уклоняется от принятия решений. Это является реальной проблемой применения менеджментом технологии истинного ценностного управления. Поэтому важной задачей для лидеров компании становится не только создание ценностной структуры деятельности бизнеса, но и формирование на своём примере корпоративной культуры. То есть быть своего рода образцом для подражания и транслировать таким образом культурный код на весь трудовой коллектив.

Ценностная структура коммерческих компаний определяется целями и задачами, которые были установлены её владельцами и акционерами при создании бизнеса. «Ценностная структура некоммерческих организаций должна соответствовать целям, заявленным в уставе. При этом ценностная структура

учебного заведения (школы, колледжа, вуза) должна соответствовать не только уставу организации, но и целям, которые поставили перед собой руководители. В свою очередь ценностная структура государственных организаций должна соответствовать прежде всего их уставу, а также целям, определенным законами, в рамках которых организации осуществляют свою деятельность» [1].

В контексте регулярного менеджмента цель управления, определяющая ценности (смыслы) деятельности, понимается как стратегическая, т.е. максимально общая в отдалённой перспективе. Соответственно, в данном случае неверно суждение, что цель коммерческой деятельности и бизнеса связана только с получением прибыли. В контексте перспектив развития деятельности компаний и организаций набор целей может быть достаточно разнообразным. Важную роль в определении целей развития, как в частном секторе экономики, так и в общественном, играет та парадигма социального управления, которая принята в обществе. Кроме того, цели должны быть адекватными и соответствовать реальным возможностям, они не должны быть двусмысленными во избежание двойных стандартов в принятии решений и оценки их результатов.

Библиографический список

1. Государственный университет как фактор формирования и реализации человеческого капитала в стратегии национального развития России: монография / под общ. ред. А.М. Лялина. М.: Государственный университет управления, 2007.
2. *Поспелов И.Г.* Новые явления требуют новых моделей: экономика разнообразия // Модернизация и инновационное развитие экономических систем: коллективная монография / под ред. В.М. Матюшка. М.: РУДН, 2014. С. 380-384.
3. Регулярный менеджмент: особенности внедрения новой системы / Premium Management учебник жизни. URL: <https://premiummanagement.com/blog/reguljarnyj-menedzhment>.
4. *Серебрякова Г.В., Незамайкин И.В.* Модели управления развитием организации: монография. Чебоксары: ИД Среда, 2022. С. 6—38.
5. *Харский К.В.* Ценностное управление // Управление корпоративной культурой. 2009. № 2. С. 130—137.
6. *Шибеева Н.А.* Теория и практика применения метода программно-целевого управления развитием региона // Друкеровский вестник. 2017. № 2 (16). С. 159—166.

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ГОСТИНИЧНОМ СЕРВИСЕ

*Р.Т. ТИМАКОВА, доктор технических наук, доцент, профессор кафедры туристического бизнеса и гостеприимства, Уральский государственный экономический университет, профессор кафедры «Управление в социальных и экономических системах, философия и история», Уральский государственный университет путей сообщения
e-mail: trt64@mail.ru*

Аннотация

Ключевым фактором успешности развития индустрии гостеприимства является персонализированный подход к потребностям каждого индивидуума. Разработка матрицы предпочтений согласно маркетинг-миксу 7P позволила выработать основные подходы к ожидаемости качества гостиничного сервиса: для поколений А, Z и Y — в приоритете высокие требования к современным сервисным технологиям, для поколения X — самостоятельность по выбору услуг, для бэби-бумеров — стабильность качества и для людей с ОВЗ — индивидуальная траектория.

Ключевые слова: теория поколений, гостиничный сервис, технологии, маркетинг-микс 7P.
DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_86

В условиях трансформирующегося мироздания индустрия туризма и гостеприимства стала чутким индикатором изменения равновесного состояния геополитической ситуации, эскалации напряженности и сохраняющейся опасности распространения новых штаммов COVID-19. Так, вклад туризма в мировой ВВП по усредненным данным допандемийного периода составлял 10 % от мирового ВВП и снизился в 2020 г. до 5,3 %, затем ненамного увеличился после снятия ограничений в 2021 г. — до 6,1 %, что составляет 5,8 трлн дол. США. В России в соответствии с национальным проектом «Туризм и индустрия гостеприимства» ставится цель увеличения вклада туризма в ВВП страны с 3,7 до 8,2 трлн р. к 2030 г.

Емкость коллективных средств размещения в России в последнее десятилетие незначительно увеличивается в связи с диверсификацией бизнес-процессов в этой отрасли,

однако коэффициент использования наличных мест остается низким — до 0,29—0,31 (без учета данных 2020 г., где показатель снизился до 0,21). По прогнозному развитию российской индустрии туризма в 2023 г. ожидается рост объема услуг туристических агентств, туроператоров и прочих услуг по бронированию и сопутствующих им услуг на 15,8 %, наряду с этим прогнозные объемы услуг гостиниц и аналогичных услуг по предоставлению временного жилья ниже уровня 2021 г. на 5,9 %, но выше уровня 2020 г. на 46,0 % (табл. 1).

В то же время в 2021 г. численность размещенных лиц приблизилась к показателям 2019 г. и составила 275,6 млн чел. При этом обозначился тренд на уменьшение числа ночевочек в целом по стране на 9,5 млн ночевочек соответственно.

Лидерами являются Центральный федеральный округ с численностью размещенных лиц — 20 152,9 тыс. чел., или 30,3 %, и числом ночевочек — 83 188,4 тыс., или 30,1 % к общему числу ночевочек по стране, и Южный федеральный округ с численностью размещенных лиц 13 197,4 тыс. чел. (19,8 %) и числом ночевочек 72 736,9 (26,4 %). На 3-м месте находится Приволжский федеральный округ.

В постпандемийный период в условиях продолжающегося санкционного давления внутренний туристский поток постепенно замещает въездной. Российские туристы стали основными потребителями услуг коллективных средств размещения, которые в общей структуре путешествия занимают 10—20 % в зависимости от региона и вида коллективного средства размещения (КСР).

Таблица 1

Динамика изменения показателей средств коллективного размещения в России [11]

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	1-й кв. 2022 г.	2-й кв. 2022 г.
Объем услуг туристических агентств, туроператоров и прочих услуг по бронированию и сопутствующих им услуг, млрд р.	172,1	179,8	91,9	149,8	37,0	49,8
Объем услуг гостиниц и аналогичных услуг по предоставлению временного жилья, млрд р.	255,7	247,7	183,4	284,3	63,9	70,0
Число коллективных средств размещения	28 074,0	28 302,0	27 328,0	28 979,0	*	*
Число мест, тыс.	2 415,3	2 495,7	2 473,0	2 634,4	*	*
Коэффициент использования наличных мест	0,31	0,31	0,21	0,29	*	*

Примечание: * — статистически достоверные данные отсутствуют.

По итогам 2021 г. наибольшее число размещенных лиц отмечается в Краснодарском крае, Москве и Санкт-Петербурге. В целом по России число ночевки на 1 чел. составило 4,1 дня, в том числе в центрах туристического притяжения: в Москве — 4,5 дня и в Санкт-Петербурге — 3,1 дня. В Краснодарском крае, являющемся зоной курортного и массового отдыха россиян в летний период, показатель выше, но незначительно — 5,8 дней. В то же время не учитывается число размещенных лиц в частном жилом секторе. В целом наблюдается тенденция к краткосрочным поездкам по стране.

К важному критерию туристской активности можно отнести пассажиропоток. Однако пассажирооборот в 1-м полугодии 2022 г. не достиг уровня аналогичного периода 2021 г. — меньше на 4,5 % и составляет 189,5 млрд пас. км. Снижение воздушных перевозок составило 10,6%, что обусловлено ограничительными мерами по закрытию ряда аэропортов. В этих условиях наблюдается активизация передвижения туристов на железнодорожном транспорте и ростом перевозок до 52,3 млрд пас. км, или на 12,9 %.

По результатам проведенных маркетинговых исследований установлено, что эпидемиологическая обстановка также оказала влияние на выбор мест отдыха и средств размещения в связи с необходимостью сдачи ПЦР-тестов и стоимостью этих анализов, особенно для семей с детьми, и наличием паспорта вакцинации. Выбор средства пере-

движения — личный автомобиль, обусловлен заботой о безопасности после снятия летом 2021 г. ковидных ограничений, наряду с этим сохранился высокий уровень требований к услугам — качество, уровень сервиса, стоимость, дружелюбное общение. Ключевыми факторами в средствах размещения, по мнению респондентов, являлись локация, чистота номера и качество питания. 85 % респондентов были удовлетворены оказанными сервисными услугами [10].

Именно качественный сервис приобретает особую значимость в период нестабильности и кризиса как основное конкурентное преимущество гостиничного предприятия [8].

Эффективность выработки правильных управленческих решений под влиянием рыночной конъюнктуры, инновационных изменений, развития новых технологий, изменения потребительских предпочтений гостей и т. д. определяет необходимость управления сферой услуг, так называемого «проектного подхода», начиная от формирования концепций на основе решений технологических (инфраструктурных) задач и до устранения организационных проблем (управленческие компетенции) [5].

Данные предпосылки обуславливают необходимость развития сервисных технологий, адаптированных для разных категорий граждан страны, что требует проведения первичных полевых исследований в рамках конкурентных маркетинговых стратегий.

Теоретико-методологической базой послу-

жили статистические материалы, открытые информационные ресурсы и научно-исследовательская литература с применением методов системного анализа и синтеза результатов полевых маркетинговых исследований сервисных ожиданий в гостиничном секторе, достоверность которых обеспечена использованием репрезентативной выборки и автоматизированной обработкой в *Google Forms*.

Для формирования прогнозных значений активизации в сфере туризма и гостеприимства необходимо также учитывать, что численность постоянного населения России на 1 января 2023 г. снизилась на 555 тыс. чел., что составляет 0,38 % к общей численности населения, и достигла на 1 января 2023 г. 146,425 млн чел.

В существующих геополитических условиях вопросы обеспечения качества сервисных услуг играют основополагающее значение при выборе туристами и путешественниками регионов и направлений туров. Выбор предпочтений российских туристов в пандемийный и послепандемийный период сфокусирован на «новизне впечатлений», что отмечает одна треть опрошенных [13]. Потребности человека существуют ровно столько, сколько и сам человек. Но набор потребностей по мере развития человечества расширяется,

качество потребностей повышается, что обуславливает повышение требований к товарам и услугам [1].

При этом потребности разных поколений требуют персонализированного подхода к гостиничному сервису. Рассматриваемая «теория поколений» выстраивает маркетинговые коммуникации персонала с четко очерченной целевой аудиторией — представителями поколения *GI* (*generation GI*), «молчаливое поколение» (*the silent generation*), поколение «беби-бумеров» (*generation of bab boomers*), «поколение *X*» (*generation X*), «поколение *Y*» (*generation Y*) или «поколение миллениума» (*millennial generation Y*), «поколение *Z*» (*generation Z*) или поколение «*MeMeMe*» (*MeMeMe generation*). Знание целевой аудитории позволит правильно разработать коммуникативную стратегию с учетом потребностей разных поколений, спрогнозировать их поведение во время пребывания в гостинице [4, 6, 12]. Наряду с «поколением *Z*» с 2010 г. начинает развиваться Эхо-поколение «Альфа» (рис. 1).

В последние годы в стране наблюдается рост численности населения пожилого возраста, что вызвано увеличением продолжительности жизни [2]. По прогнозу ООН, доля граждан в возрасте 60 лет и более в

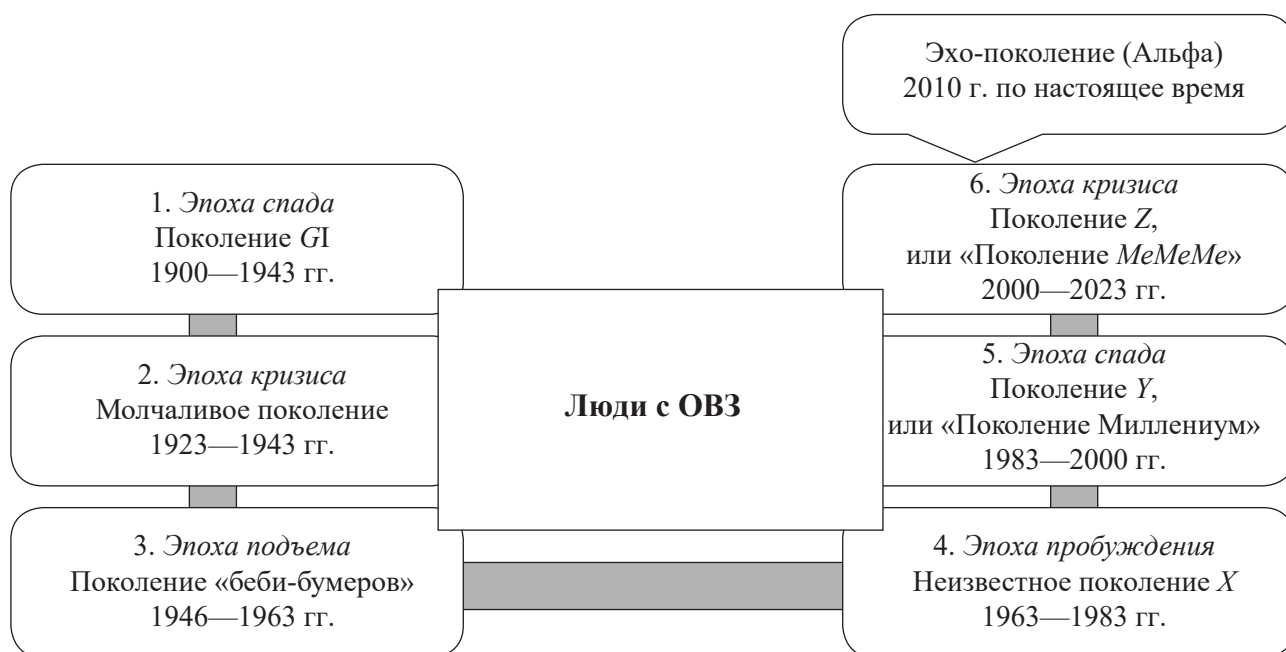

Рис. 1. Хронологическая последовательность эпох различных поколений

Российской Федерации достигнет в 2025 г. около 23,9 %, в 2050 г. — 28,8 %. Одной из задач «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения Российской Федерации до 2025 года» должно стать развитие социального туризма для граждан старшего поколения (лечебно-оздоровительного, культурно-познавательного, экологического, религиозного, круизного и др.).

Значимой целевой группой в сфере туризма и гостеприимства является категория людей с ограниченными возможностями. В XXI в. в мире зафиксирован рост числа инвалидов, независимо от уровня экономического развития государств. В настоящее время в России проживает около 35 млн маломобильных граждан. В рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» рассматриваются основные подходы к государственным мерам поддержки в виде субсидий, направленных на создание территориальных планов туристического развития, на формирование привлекательности для туристов центров городов и на создание обеспечивающей инфраструктуры для туристических проектов [14]. Формирование безбарьерной среды жизнедеятельности маломобильных граждан и создание условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни, — социальные приоритеты регионального развития [3].

В индустрии гостеприимства оценка сервисной деятельности гостиницы очень часто складывается под влиянием чувств гостей, формируемых на подсознательном уровне, с помощью или без помощи элементов сенсорного маркетинга [16].

Знание современных моделей маркетинг-микса способствует формированию успешной сервисологии, отличающейся социальным характером менеджмента сервисной деятельности в гостиницах и отелях.

Так, экономия на качестве сервисных услуг во время пандемии при размещении в апартаментах с гостиничным сервисом показала, что это серьезная репутационная ошибка, так как что гости продолжали ожидать в апартаментах полноценный гостиничный сервис.

Наибольшее количество негативных комментариев на основных порталах получили именно апартаменты за ухудшение качества услуг и сокращения количества услуг, которые гарантировались при бронировании [7].

И хотя туристский сервис определяется услугами средств размещения, питания, информационными услугами, а также транспортными, культурно-развлекательными, рекреационными и др., которые можно отнести к категории важнейших, реализуемые элементы сенсорного маркетинга для отечественной индустрии гостеприимства определяют имиджевую составляющую и последующие продажи в результате соответствия ожиданий тому, что они получили, исходя из своей субъективной оценки [15].

Понимание мотивов своей целевой аудитории позволяет гостинице, во-первых, учитывать агрегированное потребностное отношение при разработке дополнительного продукта; во-вторых, с учетом мотивационного состояния разрабатывать и реализовывать коммуникативную стратегию. Психология потребления людей меняется с каждым поколенческим пластом [18].

Полевые исследования были направлены на исследования потребительских предпочтений в услугах средств коллективного размещения для людей разных поколений согласно разработанной в 1991 г. теории поколений (авторы Нейл Хоув (Хау) и Уильям Штраус) [9], а также для категории людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Выборка составила 591 респондент Уральского региона.

В анкетном опросе приняли участие 155 мужчин (26,2 %), 436 женщин (73,8 %), из них к категории людей с ОВЗ отнесены 56 чел., в том числе мужчины — 20 чел. (3,4 %) и женщины — 36 чел. (6,1 %) (рис. 2).

В процессе анкетирования было опрошено 5 групп людей (рис. 3), не опрашивалось Эхо-поколение, которые являются в настоящее время несовершеннолетними. Наибольшее количество опрошенных в категории «поколение Y» — 38,4 % от всех опрошенных, которые были в свою очередь подразделены

по возрасту на 2 группы: 23 года — 29 лет и 30—39 лет.

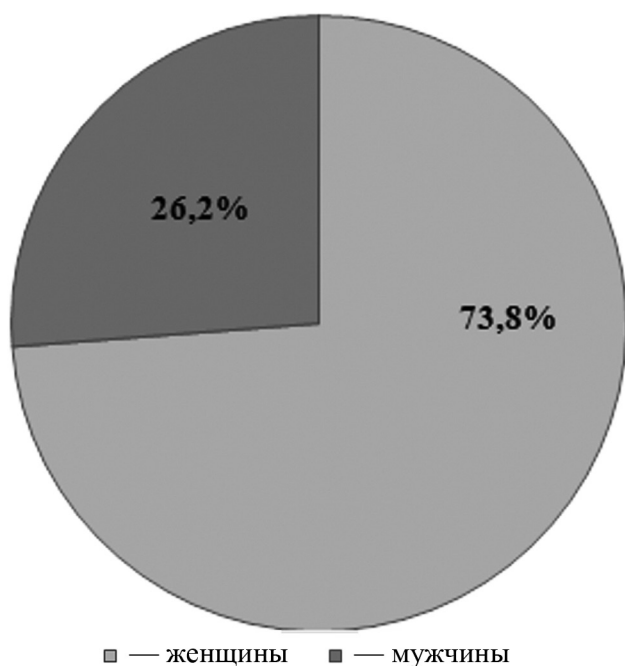

Рис. 2. Структура респондентов по гендерному признаку

Во всех категориях разных поколений преобладают женщины с наибольшим удельным весом в категории «поколение X» — 80,3 %. К людям старшего поколения относятся 11,5 % опрошенных, из них 67,6 % — женщины. Респонденты с ОВЗ присутствуют во всех возрастных группах, в основном с инвалидностью 3-й группы по общему заболева-

нию — 59,0 % (33 чел.) от опрошенных. В категории «беби-бумеры» респонденты с ОВЗ составляют 62,5 % (35 чел.).

Для оценки удовлетворенности сервисными ожиданиями респондентам были заданы вопросы, направленные на исследование маркетинг-микса 7P (аналогично по оценке конкурентности самих средств размещения) по 5-балльной шкале, что позволило построить матрицу предпочтений для разных поколений при размещении в средствах коллективного размещения (табл. 2).

Применение теории поколений в работе с гостями персоналом гостиниц способствует управляемости и достижению взаимопонимания, выделению лидирующего подхода [17, 19].

Оценка поведенческих мотивов разных поколений через их сопоставление показывает, что «услуга» для категории людей с ОВЗ определяется таким качеством, как удобство; для поколений A, Y, X — это уникальность продукта; для поколения Z — в первую очередь комфорт; для беби-бумеров — принятие услуги как само собой разумеющееся, без эмоций.

Цена — для категории людей с ОВЗ не играет существенной роли, но важна для их личного бюджета; для поколений Y и Z не играет решающей роли, легко тратят деньги для достижения поставленной цели, но для

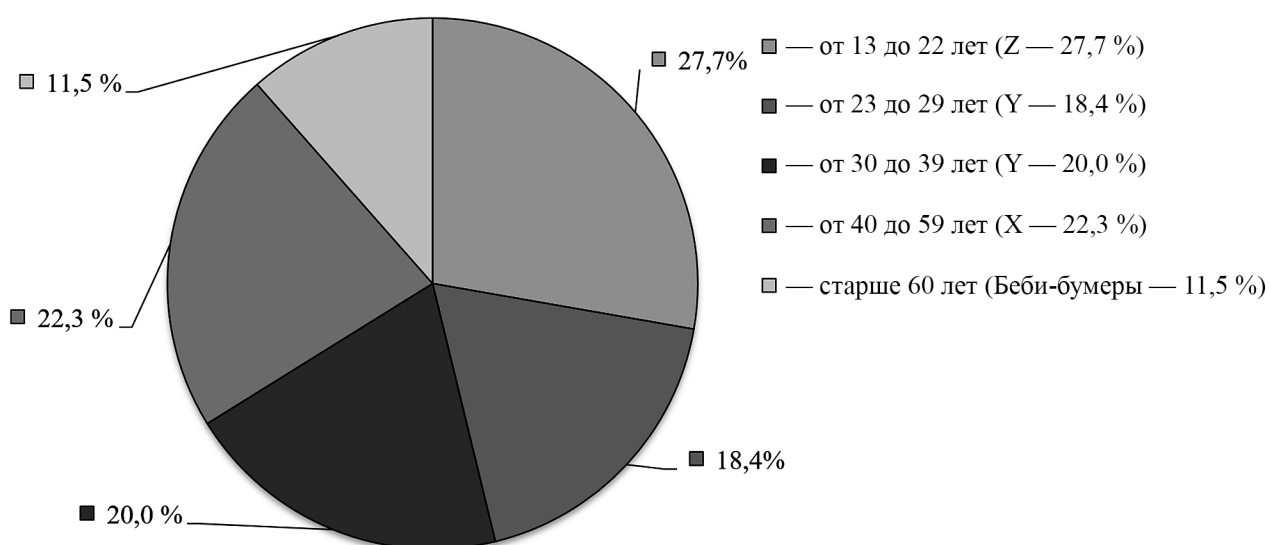

Рис. 3. Структура респондентов в соответствии с теорией поколений

Таблица 2

Матрица предпочтений согласно маркетинг-миксу 7P

Показатель	Услуга / продукт	Цена	Место	Продвижение	Персонал	Процессы	Среда
Эхо-поколение (альфа)*	5	4	5	5	5	5	5
Поколение Z (MeMeMe)	5	4	5	5	4	4	4
Поколение Y (миллениум)	5	4	5	5	4	5	5
Поколение X	5	5	5	4	4	4	4
Поколение «беби-бумеров»	2	4	2	2	3	4	4
Категория людей с ОВЗ	4	3	5	4	5	5	5

Примечание: * — с учетом мнения родителей без отдельного анкетирования; 5 — наивысшая потребность; 4—2 — оценка потребности по убыванию; 1 — незначимая потребность.

поколения Z важно соотношение цена — качество; для поколения X также важна экономия времени; для беби-бумеров — спокойное отношение к финансам; для поколения A цена важна как элемент сервисного предложения.

Место — для категории людей с ОВЗ и поколения A — важно; для поколения Y важно с точки зрения новизны; для поколения Z важно с точки зрения респектабельности; для поколения X — получить то, что решили получить; для беби-бумеров находится не на первой позиции.

Продвижение — для категории людей с ОВЗ — услугу могут подобрать сами, но важны средства коммуникации; для поколения Y необходимо с точки зрения новизны; для поколения Z жизненно необходимо; для поколения X — четко знают сами, что им нужно, индивидуализм; для беби-бумеров не играет роли; для поколения A — важны средства

коммуникации.

Персонал — для категории людей с ОВЗ — помощь персонала нужна; поколения Y и Z могут сами решать определенные вопросы; поколение X предпочитает обходиться без помощи извне, потребность в услугах персонала минимальная; для беби-бумеров — с точки зрения обеспечения комфортности; для поколения A — комфорт должен быть в рамках выбранной услуги.

Процессы — для категории людей с ОВЗ важна технологичность услуги; для поколения Y — с точки зрения новизны; для поколения Z — разберутся сами; для поколения X — знают свои приоритеты, умеют организовываться; для беби-бумеров — организационные моменты являются важной частью сервиса; для поколения A — имеет ценность технологичность.

Среда — для категории людей с ОВЗ —

Таблица 3

Качественная оценка ожидаемого гостиничного сервиса

Категории гостей	Характерные признаки поколений	Сервисология
Эхо-поколение (альфа)	Инноваторы	Наличие современных технологий
Поколение Z (MeMeMe)	Потребность в впечатлениях при комфорте. Инициаторы с прагматическим подходом	Высокие требования к сервису
Поколение Y (миллениумы)	Новизна впечатлений. Инициаторы	Высокие требования к новым сервисным технологиям
Поколение X	Четкое знание своих потребностей, уход от давления извне. Консерваторы	Возможность для принятия самостоятельного решения
Поколение «беби-бумеров»	Консерваторы в предпочтениях	Стабильность качества сервисных услуг
Категория людей с ОВЗ	Нуждаются в помощи	Адаптация к потребностям

комфортность; для поколения *Y* — рассматривается с точки зрения новизны; для поколения *Z* — без привлечения к себе внимания; для поколения *X* — самостоятельный личностный подход; для беби-бумеров — важная часть сервиса; для поколения *A* — акцент на современность. В табл. 3 представлена консолидированная оценка важности элементов сервисологии для разных категорий гостей.

Таким образом, к наиболее активному и многочисленному сегменту целевой аудитории средств коллективного размещения (более 60 % согласно проведенному анкетированию) относятся представители 3 поколений «X», «Y» и «Z», отличающихся своей мотивированностью в получении гостиничных услуг и высокими требованиями к качеству сервиса, что необходимо учитывать при разработке стандартов обслуживания, системы лояльности гостей и продвижения услуг. Полученные результаты так называемого запланированного поведения разных групп потребителей позволяют выстраивать концепцию работы с гостями любых категорий поколений, мало-мобильными гражданами и людьми с ограниченными возможностями здоровья, исходя из их потребностей и прогнозируемости требуемого качества сервисного обслуживания.

Библиографический список

1. Воронина Л.А., Шапошников А.М. Основные тенденции потребительского поведения в условиях пандемии коронавируса // Экономика: теория и практика. 2020. № 2 (58). С. 23—30.
2. Гончарова Н.Л. Сервисологический подход к формированию услуг лицам старше трудоспособного возраста // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4(53). С. 164—169.
3. Дворякина Е.Б., Простова Д.М. Региональные стратегические приоритеты развития и социально ориентированные некоммерческие организации // Управленец. 2021. Т. 12, № 4. С. 106—119.
4. Карпова А.С., Пасько О.В. Исследование современного взгляда миллениалов на средства размещения и анализ дальнейшего пути развития в условиях пандемии COVID-19 // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2020. Т. 18, № 1. С. 134—141.
5. Клименко Т.И. Проектный подход в сфере гостиничного сервиса на примере санатория «Foros wellness & park» // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2021. Т. 98, № 3-2. С. 84—85.
6. Коновалова Е.Е., Макушева О.Н. Портрет потребителя гостиничного продукта // Сервис plus 2022. Т. 16, №. 2. С. 129—141.
7. Курачева М.Е. Новый взгляд на апартаменты с гостиничным сервисом: особенности обслуживания и перспективность развития в современных условиях // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2020. Т. 18, № 1. С. 147—152.
8. Мечетная Е.С. Качественный сервис как инструмент управления конкурентоспособностью гостиничного предприятия // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2020. Т. 14, № 2-1. С. 125—130.
9. Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоу-вома и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94—97.
10. Рахимбекова Ж.С., Климова Т.Б., Залучёнова О.М., Липовка А.В. Исследование степени удовлетворенности потребителей гостиничными услугами во время COVID // Вестник университета Туран. 2021. № 4 (92). С. 161—169.
11. Статистический бюллетень Росстата к Всемирному Дню туризма-2022. URL: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/turism_2022.pdf.
12. Степанова С.А., Николаев А.В., Скобелыцина А.С. Инновации в гостиничном бизнесе в условиях изменения потребительского поведения в период пандемии // Проблемы современной экономики. 2021. № 4 (80). С. 164—167.
13. Тимакова Р.Т., Пьянкова С.Г. Промышленный туризм как инструмент устойчивого развития Уральского макрорегиона // Научные труды ВЭО России. 2022. Т. 236. С. 329—344.
14. Тимакова Р.Т., Ильюхина Ю.В. Современные тенденции устойчивого развития «доступной среды» на железнодорожном транспорте // Вестник ВГУИТ. 2022. Т. 84, № 1(91). С. 410—417.
15. Хабибулина А.Р., Вишневская Е.В. Разработка системы критериев для оценки уровня туристского сервиса урбанизированного пространства // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2020. Т. 6, № 3. С. 3—13.
16. Чельщикова А.С. Сенсорный маркетинг как инновация в индустрии гостиничного сервиса //

Современная школа России. Вопросы модернизации. 2021. № 4-1 (36). С. 144—146.

17. *Cirillo A., Maggi B., Sciascia S., Lazarotti V., Viskonti F.* Exploring family millennials' involvement in family business internationalization: who should be their leader? // *Journal of family business strategy*. 2021. P. 100455.

18. *Mironova O.A., Bogdanova R.M., Khvoevskaya L.I., Yarovaya N.S., Tkacheva O.A.* Using genera-

tional theory as an innovative direction of human resource management // *Business 4.0 as a subject of the digital economy*. Cham. Springer. 2022. P. 229—233.

19. *Zopiatis A., Kapardis M.K., Varnavas A., Pavlou I.* Generational Differences in the Hospitality Industry: An issue of concern? // *International CHRIE Conference-Refereed Track*. 2011. Event 4. URL: https://scholarworks.umass.edu/refereed/ICHRIE_2011/Thursday/4.

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАЗВИТИИ МАРКЕТИНГОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО БИЗНЕСА РОССИИ

*Л.А. ВОРОНИНА, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: labvectorplus@gmail.com*

*В.И. ХОРУЖИН, магистрант кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: vladkhoruzhin260399@mail.ru*

Аннотация

Цифровизация и применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) дают возможность бизнесу автоматизировать маркетинговые процессы на всех этапах CJM. Это ведет к сокращению времени на их реализацию, исключению ошибок, возникающих в медицинских учреждениях, и дает возможность собственнику бизнеса осуществлять контроль качества работы сотрудников в принятии эффективных управленческих решений. Однако ИИ имеет и ограничительные барьеры со стороны потребителя медицинских услуг, что требует создания новой эффективной цифровой маркетинговой экосистемы.

Ключевые слова: искусственный интеллект в маркетинге, маркетинг в медицинских организациях, современные инструменты оптимизации продаж, маркетинговое исследование, экосистема, медицинский бизнес.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_94

В современной медицине активно применяются инструменты и технологии машинного обучения и искусственного интеллекта. Они применяются не только для более точной диагностики заболеваний, проведения сложных операций, но и для развития экосистемы медицинских учреждений, а именно для автоматизации бизнес-процессов в маркетинге и продажах, что ведет к оптимизации временных и финансовых ресурсов [1].

Искусственный интеллект оптимизирует все этапы Customer Journey Map (CJM), от первичной точки контакта с потребителем до формирования стандарта клиентской лояльности. Нейросети позволяют рационально использовать все виды ресурсов для создания

рекламных креативов. По мнению маркетологов контента «Сбер Маркетинг», рекламные креативы, созданные на основе нейросетей, повышают уровень кликабельности рекламного материала (CTR) на 113 % по сравнению с условно стандартным подходом [6].

Использование речевой аналитики как одного из инструментов искусственного интеллекта позволяет оптимизировать контроль качества отдела продаж. Распознавание речи и преобразование ее в текст создают реальные возможности для менеджеров отдела продаж для качественной обработки большого объема документооборота в виде обращений потенциальных покупателей и для значительного улучшения скриптов операторов, выявления результатов повышения эффективности телефонных продаж. При условии однотипных входящих заявок есть возможность использования роботизированных телефонных ассистентов, что ведет к экономии ряда затрат на оплату труда и содержания рабочих мест в организации [3].

Искусственный интеллект в CRM, доступный в Битрикс 24, позволяет формировать прогнозы эффективности сделки на основе Big Data, а стандартные инструменты CRM маркетинга в виде узко таргетированных СМС рассылок с акциями и специальными предложениями помогают увеличить LTV и средний чек на клиента [7].

В современной России существуют медицинские экосистемы, работающие на принципах ИИ. Компанией Mind Simulation был представлен интеллектуальный бизнес-ассистент STEOS, на основе которого в первом

квартале 2022 г. была разработана медицинская экосистема CL Prime. Данная система располагает ИИ, способным без ограничений по времени создавать базы данных анамнеза обратившихся в чат пациентов. Это позволяет системе рекомендовать пациенту профильного специалиста и выбрать ему удобное время для приема в клинике или консультации онлайн. Система также воспроизводит функции интеллектуального ассистента, способного обучать новых сотрудников регистратуры медицинского центра и оказывать консультативную помощь регистратору по его индивидуальному запросу [7].

Инструменты искусственного интеллекта доказали свою эффективность при применении их в медицинских бизнес-структурах, но необходимо учитывать и ограничивающие факторы их использования со стороны потребителя. У потребителей возникают субъективные опасения относительно безопасности их персональных данных. Есть также коммуникационные барьеры взаимодействия потенциального пациента с чат-ботом или телефонным ассистентом, даже несмотря на то что поведение и голос второго бывает непросто отличить от живого оператора [11].

В июне 2022 г. было проведено маркетинговое исследование, респондентами которого выступил 191 клиент частного узкопрофильного медицинского центра, расположенного в г. Краснодаре. Выборка респондентов осуществлялась на основе данных портрета целевой аудитории (ЦА) медицинского центра N, а именно на основе демографических и географических признаков ЦА, а также по критерию платежеспособности и возвратности в медицинский центр за новой или повторяющейся услугой. Таким образом, выборка включала совершеннолетних потребителей мужского и женского пола (191 чел.) в возрасте от 36 до 45 лет, проживающих на территории Краснодарского края. Доля респондентов в выборке составила 20,4 % от общего объема потребителей (генеральной совокупной выборки) за период проведения исследования, репрезентативность выборки удовлетворяет поставленным целям исследования.

Доверительный уровень был принят 95 %. Технологии комплексного маркетингового исследования включали проведение интервью и опроса на основе авторских анкет [10]. На первом этапе исследования были разработаны цели и задачи [12]. Основная цель исследования — выявление потребностей покупателей платных медицинских услуг для дальнейшего поиска современных инструментов маркетинга и продаж и определение готовности потребителя к взаимодействию с технологиями искусственного интеллекта в экосистеме продаж [2]. Задачи исследования: выявление уровня готовности потребителей платить за медицинскую услугу, признаков мотивации потребителя для выбора медицинского учреждения, определение степени значимости потребителем проблем при получении услуг платной медицины, значимость для пациентов доступных каналов для поиска медицинских специалистов, а также готовность пациента для взаимодействия с инструментами искусственного интеллекта [3].

На втором этапе маркетингового исследования на основе репрезентативной выборки была разработана анкета для проведения количественного исследования в соответствии с целями и задачами [4].

На третьем этапе проведен краткий анализ результатов исследования на основе анкетирования и опроса [8].

Результаты анкетирования приведены далее.

На вопрос: «Считаете ли вы целесообразным платить за медицинскую услугу при наличии условно бесплатных бюджетных аналогов?» дали утвердительный ответ 182 респондента (более 95 % респондентов), а именно выбрали значения «4» и более по шкале от «1» до «7». Более того, 120 респондентов (62,8 %) выбрали значения «6» и «7», т. е. выразили абсолютное согласие с заявленным вопросом.

Полученные данные говорят о том, что 95 % участников выборки уверены в целесообразности покупки платных медицинских услуг (рис. 1).

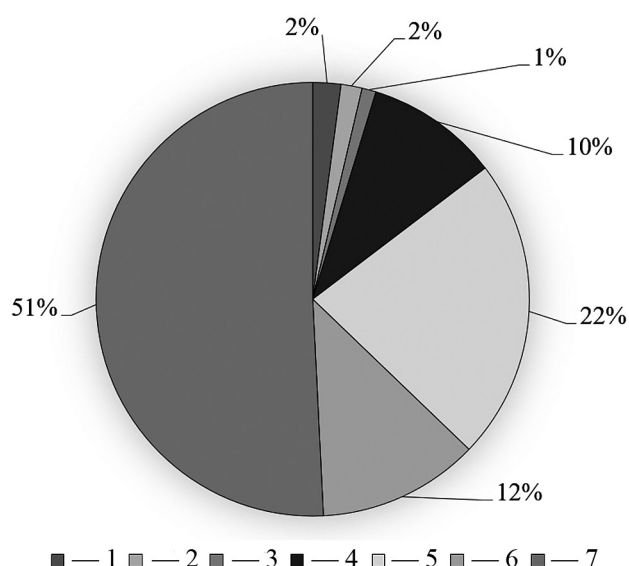

Рис. 1. Диаграмма уровня готовности респондентов платить за медицинскую услугу

Для участников исследования, считающих, что плата за медицинскую услугу целесообразна, основными мотивирующими факторами являются высокий уровень сервиса (63,3 %), отсутствие длительного ожидания (57,5 %), более высокий уровень качества услуг (50,2 %), отсутствие сложностей в коммуникации (29,3 %) и наличие сложно доступных специалистов (8,3 %).

На наличие сложно доступных специалистов по большей части ориентируются респонденты, считающие нецелесообразным платить за медицинскую услугу при наличии условно бесплатных аналогов. В этой группе

респондентов таких более 44 %. Это говорит о том, что для них наличие сложно доступного специалиста является решающим фактором при выборе частного медицинского учреждения, а не бюджетного. То есть выбор в пользу коммерческого ЛПУ ими осуществляется вынужденно (рис. 2).

Далее были исследованы наиболее часто встречающиеся в частных медицинских учреждениях проблемы, на которые в первую очередь обращают внимание респонденты. Среди них были следующие по степени убывания: высокая цена медицинских услуг; длительное время ожидания приема профильного специалиста; недостаточное информирование пациента об алгоритме его лечения; некомпетентность специалистов клиники.

Высокую цену медицинских услуг как проблему определили только 14 респондентов (7,3 %). Более того, 13 из них (93 %) ответили, что не считают целесообразным приобретать платную медицинскую услугу при наличии условно бесплатных аналогов в бюджетных учреждениях. На длительное время ожидания указали уже 46 респондентов (24 %), на некомпетентность специалистов — только 1 респондент (0,52 %). А вот на недостаточное информирование пожаловались уже более 68 % респондентов (рис. 3).

По мнению 165 респондентов (86,3 %),

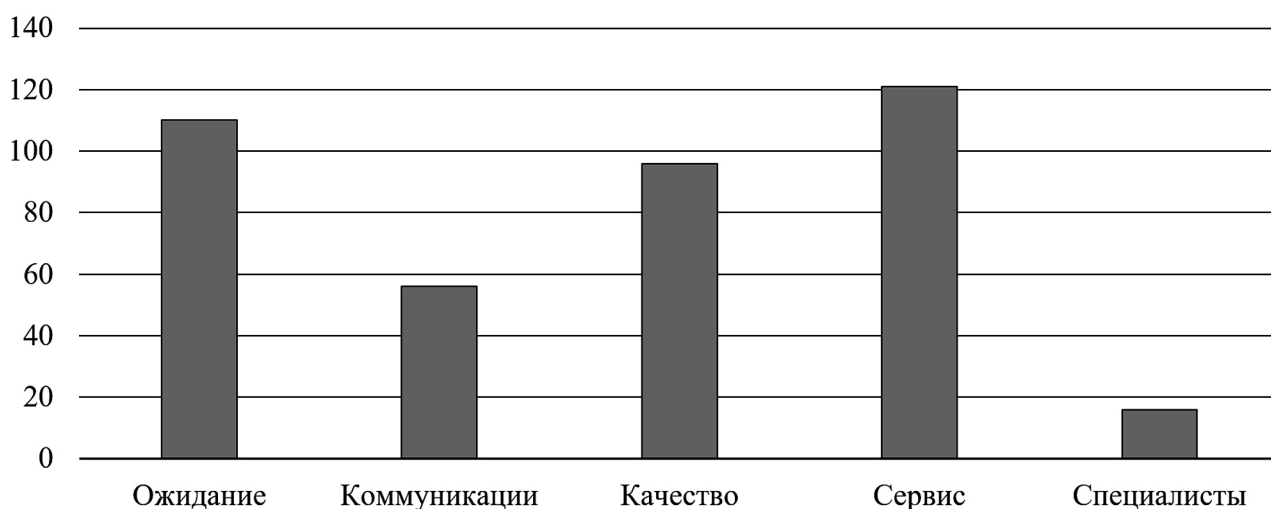

Рис. 2. Диаграмма уровня мотивации респондентов для выбора коммерческих ЛПУ

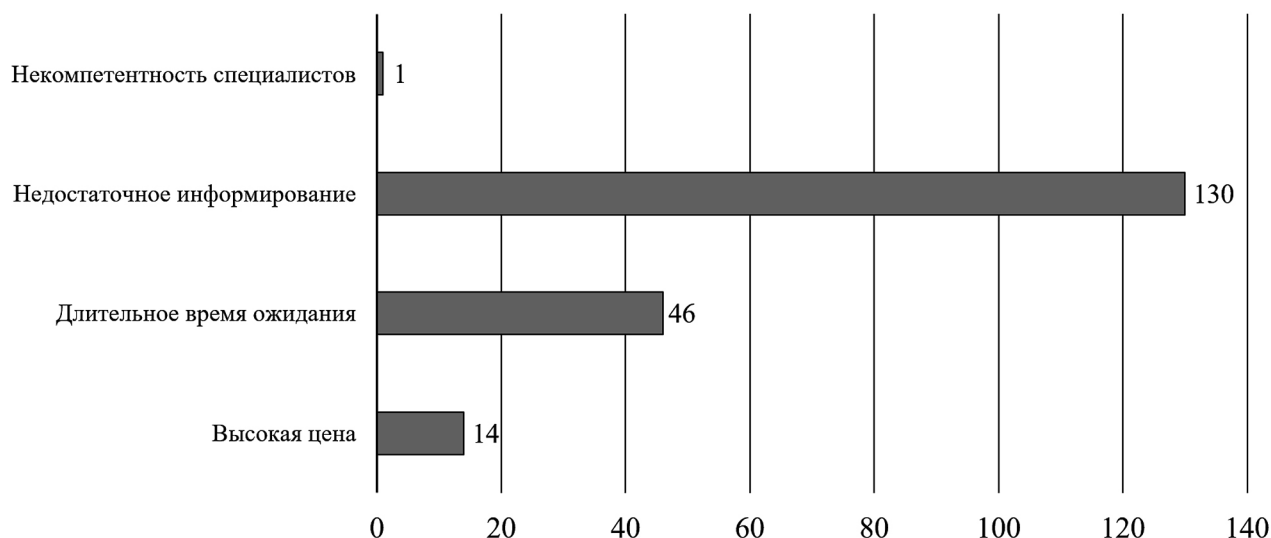

Рис. 3. Диаграмма значимости выявленных проблем респондентов в платных ЛПУ

они хотя бы раз в жизни сталкивались с проблемой поиска необходимого специалиста. При этом для более чем половины респондентов (51,3 %) основным каналом для поиска специалиста являются поисковики. По результатам маркетингового исследования, 12,5 % респондентов чаще используют специализированные сервисы, а именно, медицинские агрегаторы, а 29,3 % при выборе врача следуют рекомендациям знакомых, и только 7,3 % получают необходимую информацию из рекламных источников (рис. 4).

Следующей задачей исследования было выявление готовности пациента к взаимодей-

ствию с инструментами искусственного интеллекта.

В результате анкетирования 172 респондента (90,05 %) ответили, что считают удобным и полезным автоматизированный сервис на основе искусственного интеллекта, подбирающий нужную организацию и специалиста, исходя из потребностей пациента (рис. 5).

При этом более 40 % всех респондентов оказались не готовы и имеют психологические барьеры для коммуникации с голосовыми ассистентами, считая, что голосовой ассистент не способен в полной мере обеспечить их необходимой информацией.

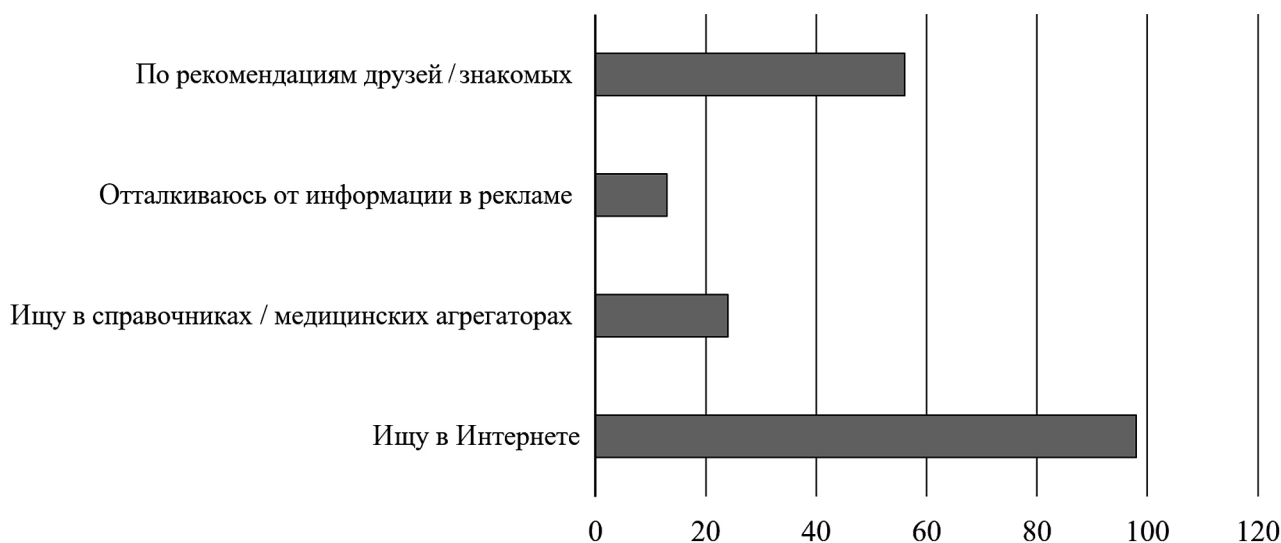

Рис. 4. Диаграмма выбора каналов поиска респондентами медицинских специалистов

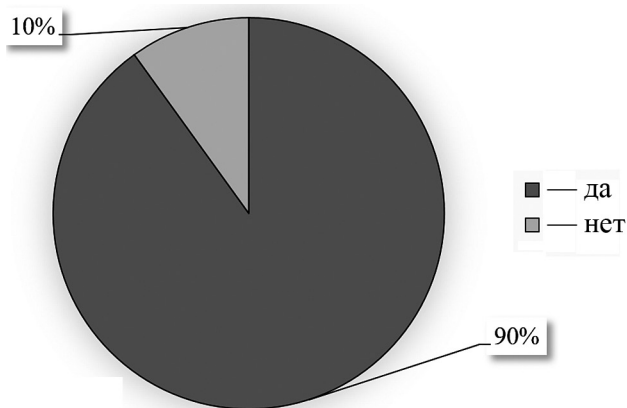

Рис. 5. Удобство в использовании автоматизированного медицинского сервиса, работающего на основе ИИ

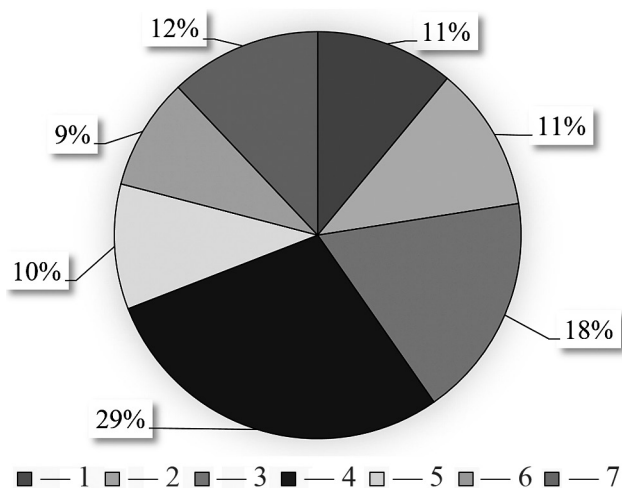

Рис. 6. Диаграмма удобства в коммуникации с голосовым ассистентом

Исходя из результатов исследования нами был сделан ряд выводов и предложен ряд рекомендаций для развития экосистемы маркетинга и продаж в медицинских учреждениях на основе использования искусственного интеллекта.

Подавляющая часть пациентов (95 %) частных медицинских учреждений считает целесообразными затраты на медицинские услуги при наличии альтернативы в виде полиса ОМС. При этом большая часть из них посещают платные медицинские учреждения осознанно, а не вынужденно из-за отсутствия аналогичных услуг в учреждениях, работающих по полисам ОМС. В связи с этим спрос на медицинские услуги имеет положительную тенденцию к росту, несмотря на сниже-

ние реальной оплаты труда во многих регионах России. Это объясняется стремлением населения к профилактике своего здоровья и качественному уровню лечения.

Основным фактором для выбора медицинской услуги в пользу платного медицинского учреждения, а не бюджетного является высокий уровень сервиса, о чем сообщили 63,3 % респондентов, отсутствие длительного ожидания (57,5 %), высокий уровень качества услуг (50,2 %), отсутствие сложностей в коммуникации (29,3 %) и наличие сложно доступных специалистов (8,3 %).

При этом, несмотря на то что длительное ожидание получения услуги является фактором, мотивирующим пациентов к выбору частного ЛПУ вместо бюджетного, 24 % респондентов заявили, что сталкивались с данным явлением и в частных ЛПУ. Чаще всего это связано со следующими причинами:

- недостаточно высокий уровень сервиса регистратуры, как следствие, отсутствие мотивации и автоматизированного бесперебойного контроля качества работы;
- отсутствие корректно настроенных алгоритмов CRM системы, позволяющихкратно сокращать время на регистрацию и оплату услуг пациентом, поиск документов, коммуникацию с пациентами и потенциальными клиентами;

– отрицание или неприемлемость применения инструментов искусственного интеллекта в несетевой платной медицине, которые способны ассистировать сотрудникам регистратуры и на практике обучать их, высвобождая время куратора или наставника, а также автоматизировать заполнение протоколов осмотров докторов, печати документов и создание договоренностей о последующих визитах пациента.

Исследование показало, что для более чем половины респондентов (51,3 %) основным каналом для поиска специалиста являются поисковики. Поэтому сайт медицинской организации должен не только выступать в качестве визитки, но и выполнять функции лидогенератора [5]. Для этого модератор сайта совместно с маркетологом устанавливают на

сайте автоматизированные лид-формы, как интеллектуальных ассистентов или формы обратной связи с креативным предложением, вызывающие интерес к покупке у потребителя. На основе полученных контактов от потенциального пациента робот отправляет входящий звонок как оператору колл-центра, и потребителю услуг, устанавливая между ними качественную коммуникацию как основу будущей сделки. При этом заявки от потенциальных клиентов не попадают в лист ожидания, а одновременно в виде входящего звонка поступают в колл-центр, тем самым оптимизируя время ожидания и исключая возможность потери обращения.

Учитывая тот факт, что 90% респондентов ответили, что считают удобным и полезным автоматизированный сервис на основе искусственного интеллекта, который может подобрать медицинскую организацию и специалиста, исходя из потребностей пациента, можно рекомендовать современным медицинским учреждениям вводить данную услугу, повышая уровень сервиса и количество обращений в организацию.

Несмотря на то что респонденты выразили готовность к взаимодействию с искусственным интеллектом, 40 % респондентов сообщили, что не считают автоматизированных телефонных ассистентов инструментом, способным в полной мере информировать пациента. Поэтому внедрять данный инструмент лучше постепенно, максимально подробно прописывая скрипты и предоставляя возможность пациенту немедленно связаться с оператором, если беседа с электронным ассистентом его не мотивирует к покупке [9].

Применение искусственного интеллекта в современной российской медицине позволит автоматизировать управленческие процессы в маркетинге и продажах. Основная ценность ИИ в данном контексте заключается в способности к самостоятельному наращиванию базы потенциальных клиентов и их анализу на основе Big Data, что дает возможность ассистировать пациенту при выборе траектории решения его медицинской проблемы, выявляя

и формируя его потребность еще до контакта с отделом продаж.

На основе проведенного маркетингового исследования можно констатировать, что ИИ способен прогнозировать результаты сделок, принимать эффективные управленческие решения на основе анализа массива данных, оптимизируя прогнозы не только получения выручки от продаж, но и чистого дохода и рентабельности по каждой медицинской услуге, после каждой новой транзакции между контрагентами. Кроме того, искусственный интеллект может существенно повлиять на достоверность анализа качества сервиса медицинского учреждения в целом, а также качества медицинской услуги в частности, и оперативности привлечения клиентов отделом маркетинга и продаж в медицинское учреждение нужного профиля. С помощью речевой аналитики возможен автоматизированный поиск ошибок в работе специалистов отдела телефонных продаж, а также гибкое изменение алгоритмов их обучения.

Библиографический список

1. *Абрамов А.Ю., Кича Д.И., Рукодайный О.В.* Категория маркетинга отношений в медицинских организациях // Вестник Российского института дружбы народов. Сер.: Медицина. 2018. Т. 22, № 3. С. 314—321.
2. *Божук С.Г.* Маркетинговые исследования: учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2021.
3. *Голубков Е.П.* Маркетинг для профессионалов: практический курс: учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019.
4. *Голубкова Е.Н.* Интегрированные маркетинговые коммуникации: учеб. и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021.
5. *Егоров Ю.Н.* Управление маркетингом: учебник. М.: ИНФРА-М, 2020.
6. Искусственный интеллект в рекламе: реальность и перспективы. URL: https://sbermarketing.ru/news/artificial_intelligence/.
7. Как использовать искусственный интеллект в маркетинге. URL: <https://youscan.io/ru/blog/artificial-intelligence-in-marketing/>.
8. *Котлер Ф., Картаджая Х., Сетиаван А.* Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к циф-

ровому. Технологии продвижения в интернете. М.: Бомбора, 2022.

9. Кузьмина Е.Е. Маркетинг: учеб. и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021.

10. Новые IT возможности для медицинской клиники. URL: <https://steos.io/ru/business/applications/healthcare-ru.html>.

11. Романова Ю.Д., Вокина С.Г., Герасимова В.Г. Информационные технологии в менеджменте (управлении): учеб. и практикум. М.: Юрайт. 2020.

12. Фарахутдинов Ш.Ф. Современные тенденции и инновационные методы в маркетинговых исследованиях: учеб. пособие. М: ИНФРА-М, 2021.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СТРАН В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

*Я.В. ДРАМАРЕЦКАЯ, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет
e-mail: yana-dsxn@mail.ru*

Аннотация

Сегодня внешнеэкономические отношения в странах мирового хозяйства изменяются под воздействием различных факторов. В рецензируемой монографии¹ исследуются взаимоотношения стран с разным уровнем экономического развития, предлагается модель внешнеэкономических отношений стран ЕАЭС. Особое внимание уделено развитию международного экономического порядка в условиях внешних вызовов и угроз.

Ключевые слова: интеграционные процессы, взаимная торговля, внешнеэкономические отношения, Европейский союз, вызовы и угрозы, Евразийский экономический союз, геостратегический экономический блок.

DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_101

В современных условиях внешнеэкономические отношения между развитыми и развивающимися странами мирового хозяйства становятся все более противоречивыми и неоднозначными. Проблема неравенства между этими группами стран всегда была довольно острой, и многие экономические школы пытались ее разрешить. Однако указанная проблема особенно обострилась после первой волны глобального экономического кризиса (2008—2011 гг.), миграционного кризиса в Европейском союзе. Несмотря ни на что, развитые страны посредством международных организаций и финансовых институтов продолжают продвигать принципы неолибераль-

ной модели, которая в современных условиях по ряду причин подвергается серьезной критике со стороны экспертного сообщества. Многие развивающиеся страны находятся на распутье во внешнеэкономическом и внешнеполитическом взаимодействии со странами авангарда. Большинство периферийных стран стремится посредством интеграции подтянуться до уровня развитых стран, но достичь указанной цели им не удастся.

Безусловно, современные вызовы и угрозы показали проблемы и противоречия в интеграции участников ЕС. Сразу же выявились страны группы риска, которые не могли самостоятельно справиться с внутренними проблемами. Кроме того, встал вопрос о необходимости формирования новой геоэкономической архитектуры, отвечающей общим интересам стран-партнеров. Однако сегодня страны — локомотивы ЕС не признают необходимости коренным образом менять сложившиеся взаимоотношения со странами Центральной и Восточной Европы. Внутренние проблемы, существующие в объединении, пытаются нивелировать, но их уже нельзя не заметить.

Не вызывает сомнений, что в нынешних условиях российскими и зарубежными учеными опубликовано большое количество научных трудов по исследованию интеграционных процессов, происходящих в мире. Однако представленная монография — результат десятилетнего труда, ей предшествовали про-

¹Малахова Т.С. Развитие внешнеэкономических отношений стран в условиях современных интеграционных процессов: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021.

межуточные итоги исследования, опубликованные в виде монографий, учебных пособий и научных статей (более 90). Выводы, сделанные в предыдущих научных трудах, опубликованных Малаховой Татьяной Сергеевной, помогли ей выявить вектор дальнейшего исследования. Указанные исследования позволили сформировать колоссальный задел для формирования теоретико-методологической основы в области внешнеэкономических отношений между странами с разным уровнем экономического развития в условиях трансформации субъектов мирового хозяйства с учетом научных результатов российских и зарубежных ученых.

Данная монография адресуется студентам и преподавателям вузов и всем, кто интересуется проблемами внешнеэкономических отношений между странами, а также фундаментальными основами в области взаимодействия стран в условиях интеграционных процессов; вносит весомый вклад в совершенствование подходов и принципов взаимоотношений стран в условиях интеграции.

Указанная монография содержит четыре главы, которые позволяют получить основные знания в области развития внешнеэкономических отношений стран в условиях интеграционных процессов. Остановимся подробнее на содержании рецензируемой монографии.

Т.С. Малахова подчеркивает, что сегодня вновь становится актуальным вопрос о формировании мирового экономического порядка, основанного на многополярных принципах. Поэтому в первой главе исследуется эволюция развития мирового хозяйства и рассматриваются особенности становления современного международного экономического порядка. Особое внимание уделено исследованию биполярной системы международных экономических отношений (МЭО), однополярной системы МЭО по инициативе США, а также формированию в современных условиях многополярной системы МЭО.

Во второй главе автор знакомит читателя с принципами внешнеэкономических отношений стран на основе научных трудов шведского экономиста Г. Мюрдаля, предлагает

модель взаимодействия стран через призму интеграционных процессов. Особое внимание в указанной главе уделено принципам взаимоотношений стран на базе исследований Г. Мюрдаля и их обновлению в условиях трансформации мирового хозяйства. Отмечены ошибки, допускаемые правительствами стран при формировании интеграции, которые были выделены Г. Мюрдалем. Анализ и оценка макроэкономических показателей стран Европейского союза показали, что практически все принципы, представленные в исследованиях ученого, сегодня необходимо пересмотреть и совершенствовать.

В третьей главе монографии предложена форма внешнеэкономических отношений стран-партнеров как геостратегический экономический блок, сформирована ее теоретико-методологическая основа, в частности, дано определение указанного понятия, а также представлена структурно-схематическая модель. В отличие от существующих разработок российских и зарубежных ученых, предлагаются этапы и механизм реализации данной формы, а также обозначаются потенциально возможные геостратегические экономические блоки с лидерами в них (Соединенные Штаты, Германия, Китай). Указанные страны рассмотрены, исходя из оценки их макроэкономических показателей, уровня развития (валютно-финансовая система, функционирование международных финансовых центров, влияние их транснациональных корпораций и банков на периферийные страны и др.).

Помимо того проанализированы основные способы воздействия отдельных стран и регионов мира на экономико-политическую сферу в XX—XXI вв. В данной ситуации этот вопрос исследовался на примере Соединенных Штатов, поскольку они сегодня ориентированы на сохранение своих лидерских позиций посредством использования экономических инструментов по отношению к странам-партнерам.

В четвертой главе монографии обозначены причины трансформации ЕС и ее последствия для стран-партнеров. Автор уделяет значи-

тельное внимание оценке отдельных экономических показателей стран Европейского союза. Был сделан вывод о том, что в 17 странах ЕС наблюдается отрицательное сальдо внешней торговли. Удельный вес практически всех стран Центрально-Восточной Европы и южных стран ЕС в мировом экспорте практически не изменился. В данной ситуации возникает необходимость в укреплении и углублении международного разделения труда между странами-партнерами. Особое внимание в монографии уделено анализу крупнейших предприятий и ключевых отраслей стран Центральной и Восточной Европы. Важно отметить, что Польша является крупнейшей экономикой стран ЦВЕ. В Польше довольно активно развивается тяжелая и легкая промышленность, их предприятия стремятся к увеличению объемов экспорта готовой продукции как на европейский, так и на мировой рынок. На этой основе представлены стратегические ориентиры развития стран Центральной и Восточной Европы в контексте современных внешних вызовов и угроз.

В монографии представлено значительное количество таблиц, схем, рисунков, которые упрощают восприятие и понимание изложенных положений. В каждой главе приве-

дены практические примеры и дана оценка современным тенденциям развития внешнеэкономических отношений стран по следующим интеграционным группам: ЕС, ЕАЭС, USMCA, АСЕАН и др. Проанализированные статистические показатели, а в отдельных параграфах — формулы расчета индикаторов, позволят читателям глубже оценить суть представленной проблемы.

В 2022 г. Т.С. Малахова приняла участие во внутривузовском конкурсе на лучшие учебники, учебные пособия, монографии и творческие работы преподавателей ФГБОУ ВО «КубГУ». Указанный научный труд удостоился диплома I степени. Помимо этого монография Т.С. Малаховой получила высокую оценку на Всероссийском конкурсе «Экономическая книга года — 2022», организованном Вольным экономическим обществом России (г. Москва).

Таким образом, внимательное исследование монографии позволит читателям овладеть знаниями в области развития мировой экономики и международных экономических отношений, особенностями взаимодействия стран с разным уровнем экономического развития, а также оценке современного состояния и развития отдельных интеграционных групп, в частности ЕС и ЕАЭС.

UDC 330.322

FORMATION OF THE MECHANISM OF INVESTMENT SUPPORT FOR DOMESTIC ENTERPRISES OF THE SHIPPING INDUSTRY

*I.V. SHEVCHENKO, Doctor of Economics, Full Professor,
Dean of economic faculty, Kuban State University
e-mail: dean@econ.kubsu.ru*

*N.V. KHUBUTIA, Lecturer, Department of World
Economy and Management, Kuban State University
e-mail: nhubutiya@mail.ru*

Abstract

The article analyzes the investment support for the modernization of domestic shipping enterprises in a complex global economic environment. The research of key methodological approaches to determining the optimal ratio of the boundaries of production, financial and managerial groups of indicators of the investment attractiveness of enterprises in the shipping industry was carried out.

Keywords: investment support mechanism, shipping industry, network model for attracting investments, indicators of investment attractiveness, correlation and regression analysis.

References

1. Aseeva A.A., Gvozdeva V.A. Analysis and evaluation of the investment activity of the enterprise. Economics. Business. Banks. 2020. no. 8 (46). P. 120—138. URL: <http://rimuniver.ru/wp-content/uploads/pdf> (accessed: 14.02.2023).
2. Bogoslovskaya S.E. Innovations and innovative strategies in the activities of the enterprise. The potential of the Russian economy and innovative ways of its implementation: materials of the international. scientific-practi-

cal. conf. students and graduate students: in 2 hours. ed. V.A. Kovalev and A.I. Kovaleva. Omsk, 2019. Part 2. P. 259-262. URL: <http://www.fa.ru/fil/omsk/science/Documents/Collection.pdf> (accessed: 14.02.2023).

3. Klyachko L.M. Evaluation of the development of the marine activities of the coastal regions of the Russian Federation. Russia: trends and development prospects. Yearbook. Proceedings of the XIX National Scientific Conference with International Participation. 2020. no. Vol. 15 Part 1. Responsible. ed. Gerasimov. Moscow, 2020. INION RAN. P. 681—687.

4. Yarkina N.N. Investments as a factor of sustainable development. Bulletin of the Kerch State Marine Technological University. 2021. no. 1. P. 245—256.

5. Review of Maritime Transport. 2019. UNCTAD. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2019_en.pdf (accessed 14.02.2023).

6. Review of Maritime Transport. 2020. UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2020_en.pdf (accessed: 02/14/2023).

7. Review of Maritime Transport. 2021. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2021_en.pdf (accessed: 14.02.2023).

8. Review of Maritime Transport. 2022. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2022_en.pdf (accessed: 14.02.2023).

UDC 339.045

ESG-TRANSFORMATIONS IN RUSSIAN BUSINESS

*G.V. KOLODNYAYA, Doctor of economic sciences, Professor of the Economic Theory
Department, Financial University under the Government of Russian Federation
e-mail: kolodnyaya@yandex.ru*

Abstract

The article is devoted to the consideration of the features of the implementation of ESG principles by Russian business. The purpose of the work is to assess the degree of ESG changes in the Russian economy. The article presents an analysis of the factors preventing the spread of ESG standards, analyzes the readiness of the infrastructure that creates conditions for the implementation of ESG principles, identifies successful ESG practices. It is shown that an ESG «profile» has begun to form in Russia with a shift in priorities towards strengthening the social responsibility of business.

Keywords: ESG principles; business strategies; responsible investment; sustainable development; ESG ratings; «green economy»; socialization of business.

References

1. Alshehhi A., Nobanee H., Khare N. The impact of sustainability practices on corporate financial performance: Literature trends and future research potential. Sustainability. 2018. no. 10 (2). P. 494.
2. Birindelli G., Dell'Atti S., Iannuzzi A.P., Savioli M. Composition and Activity of the Board of Directors: Impact on ESG Performance in the Banking System. Sustainability. 2018. no. 10. P. 4699.
3. Bruno M., Lagasio V. An Overview of the European Policies on ESG in the Banking Sector. Sustainability. 2021. no. 13 (22). P. 12641.
4. Byus K., Deis D., Ouyang B. Doing well by doing

good: Corporate social responsibility and profitability. *SAM Advanced Management Journal*. 2010. no. 75 (1). P. 44—55.

5. *Duque-Grisales E., Aguilera-Caracuel J.* Environmental, social and governance (ESG) scores and financial performance of multinationals: Moderating effects of geographic international diversification and financial slack. *Journal of Business Ethics*. 2019. no. 168. P. 315—334.

6. *Endrikat J., Guenther E., Hoppe H.* Making sense

of conflicting empirical findings: A meta-analytic review of the relationship between corporate environmental and financial performance. *European Management Journal*. 2014. no. 32 (5). P. 735—751.

7. *Flammer C.* Does corporate social responsibility lead financial performance? A regression discontinuity approach. *Management Science*. 2015. no. 61 (11). P. 2549—2568.

UDC 336.76

METHODOLOGICAL TOOLS FOR ASSESSING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF BONDS

O.I. KASHINA, Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of Finance and Credit Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
e-mail: oksana_kashina@mail.ru

E.M. BUYANOVA, Master of Finance and Credit Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
e-mail: ultrakate@yandex.ru

Abstract

In conditions of recurring financial crises and economic shocks, the debt market is one of the reliable sources of financing for economic development. The article discusses methodological tools for evaluating bonds, based on a comprehensive system of the issuer reliability indicators and investment characteristics of its securities. The proposed approach was tested for various Russian issuers on the basis stock exchange and financial statements for 2017—2021.

Keywords: world monetary system, transformation, financial crisis, reserve currency, national currency.

References

1. *Balyuk I.A.* Trends in the development of the international debt securities market. *Finance: theory and practice*. 2017. no. 21(2). P. 69—81.

2. *Baibekov I.R.* Comprehensive methodology for assessing the credit quality of bond issuers. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2014. no. 4 (53). P. 74—78.

3. *Kashina O.I.* Application of the theory of stock exchange to the management of a portfolio of financial assets. *Audit and financial analysis*. 2017. no. 5—6. P. 249—253.

4. *Ang J.B.* Survey of recent developments in the literature of finance and growth. *Journal of Economic Surveys*. 2008. no. 22. P. 536—576.

5. *Bhattacharyay B.N.* Determinants of bond market development in Asia. *Journal of Asian Economics*. 2013. no. 24. P. 124—137.

6. *Felman J., Gray S., Goswami M., Jobst A.A., Pradhan M., Peiris S., Seneviratne D.* ASEAN-5 bond market development: Where does it stand? Where is it going? *Asian-Pacific Economic Literature*. 2014. no. 28. P. 60—75.

7. *Samargandi N., Fidrmuc J., Ghosh S.* Is the relationship between financial development and economic growth monotonic? Evidence from a sample of middle-income countries. *World Development*. 2015. no. 68. P. 66—81.

8. *Yashina N.I., Makarova S.D., Kashina O.I., Kuznetsov V.P., Romanovskaya E.V.* Methodical approaches to analysis of performance of budgetary obligations on the basis of the risk-oriented approach. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. no. 87. P. 662—669.

UDC 330.341

HUMAN POTENTIAL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT: REGIONAL IMBALANCES

A.A. KOLTSOVA, Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Economic Policy, St. Petersburg State University
e-mail: a.a.koltsova@spbu.ru

N.M. STAROBINSKAYA, Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Industry Economics and Finance, Herzen State Pedagogical University
e-mail: nadine.star@mail.ru

Abstract

Significant regional imbalances in the parameters of human potential indicate, on the one hand, the unevenness of the basic conditions of development. On the other

hand, it reflects the low efficiency of the implementation of key national goals of sustainable development. The article presents the results of a study based on the author's grouping of statistical data aimed at identifying regions of leaders and outsiders in terms of human potential.

Keywords: human potential, the basis of sustainable development, NCSD indicators, specifics of budget provision, regional imbalances.

References

1. Eremena E.V. The value of human potential in the development of the region. Modern studies of social problems (electronic scientific journal), no. 5(13), 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-chelovecheskogo-potentsiala-v-razviti- regiona> (accessed: 04.02.2023).
2. Koltsova A.A., Starobinskaya N.M. Differentiation of regions in terms of sustainable development indicators on the example of the subjects of the North-Western Federal District. In the collection: International Economic Symposium — 2022. Proceedings of international scientific conferences. St. Petersburg. 2022. P. 380—386.
3. Maslikhina V.Yu. The main trends in the development of human potential in the provincial region. Theory and practice of social development. 2021. no. 12 (166). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-chelovecheskogo-potentsiala-v-provintsial-nom-regione> (accessed: 04.02.2023).
4. National set of SDG indicators. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (accessed: 04.02.2023).
5. Pitaikina I.A. Analysis of the quality of the human

potential of the region (on the example of the Penza region). RPPE. 2015. no. 12 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kachestva-chelovecheskogo-potentsiala-regiona-na-primere-penzenskoy-oblasti> (accessed: 04.02.2023).

6. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022. Federal State Statistics Service. Statistical publications. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 04.02.2023).

7. Ryumina E.V. Analysis of the Eastern regions of Russia according to the criteria for the quality of human potential. Economics and Business: Theory and Practice. 2021. no. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vostochnyh-regionov-rossii-po-kriteriyam-kachestva-chelovecheskogo-potentsiala> (accessed: 04.02.2023).

8. Fedonina O.V. Human potential in the Republic of Mordovia from the position of ensuring economic security. Contentus. 2020. no.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-potentsial-v-respublike-mordoviya-s-pozitsii-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (accessed: 04.02.2023).

9. Fedotov A.A. Human potential and human capital: essence and difference of concepts. Journal of Economy and Business, vol.7 (77), 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-potentsial-i-chelovecheskiy-kapital-suschnost-i-otliche-ponyatiya/viewer> (accessed: 04.02.2023).

UDC 368.01

SUSTAINABILITY OF THE LEADING OPERATORS OF THE INSURANCE MARKET OF RUSSIA AND KRASNODAR REGION

*I.V. BABENKO, Candidate of economic sciences (Ph.D.), associate professor, Associate Professor of the Department of Economic Analysis, Statistics and Finance, Kuban State University
e-mail: bain@inbox.ru*

*A.I. BABENKO, Lecturer of the Department of Economic Analysis, Statistics and Finance, Kuban State University
e-mail: bain@inbox.ru*

Abstract

The article discusses the changes in the group of leading insurance companies of the Russian Federation and Krasnodar region for the period since 2014. A toolkit for assessing the sustainability of the activities of insurers at the federal and regional levels is proposed, general trends in the development of multi-level insurance markets are identified.

Keywords: insurance operators, ranking, stability, standard deviation, rating.

References

1. Prokop'eva E.L. Analysis of imbalances in insurance activities in the regions of the Russian Federation and its application in the management of regional risks. Finance and business. 2020. Vol. 14. no. 3. P. 128—152.
2. Insurance today. URL: <https://www.insur-info.ru/>.
3. Tsyganov A.A., Kirillova N.V. Insurance market of the Russian Federation: regional aspect. Economy of the region. 2018. Vol. 14. Issue 4. P. 1270—1281.

UDC 338.3

THE REAL SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY: TRENDS, PROBLEMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

*A.K. KOCHIEVA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor, Associate professor of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: akadeh@yandex.ru*

Abstract

The article examines the real sector of the Russian economy. Various definitions of the definition of the real sector of the economy are given. It analyzes such parameters of real sector functioning as the state of the production base, investments in fixed capital, calculates the indicators of trade imbalance in strategically important commodity groups, shows the existing problems and proposes possible directions of their solution in the current crisis conditions.

Keywords: *real sector of the economy, industry, R&D, export, import, sanctions.*

References

1. Baburina O.N. Economic security: textbook and workshop for universities. Moscow. Yurait Publishing House, 2023. 316 p.
2. Balagansky S.P. The real sector of the economy as an object of economic analysis. Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2012. no. 1 (40). P. 9—12.
3. Zaichenko S.A. Transfer of research and development results to the real sector of the economy: an analysis of the strategies of scientific organizations. Fore-site. 2012. No. 4. P. 48—58.

4. Ivanov O.B., Bukhvald E.M. Mobilization economy in Russia: yesterday, today and... STAGE: economic theory, analysis, practice. 2022. no. 3. P. 7—27.

5. Kosyakova I.V. Features of functioning and the current state of the real sector of the Russian economy. In the book: Real Sector of the Russian Economy: Management Strategies, Investments and Innovations. 2016. P. 7—20.

6. Kochieva A.K. Study of the development problems of the information technology industry under sanctions pressure. Economics: Theory and Practice. 2022. no. 4 (68). P. 23—28.

7. Mironov V.V. Impact of the economic crisis on the real sector of the Russian economy. Journal of the New Economic Association. 2009. no. 3—4 (3—4). P. 216—225.

8. Polterovich V.M. Once again about where to go: towards a development strategy in conditions of isolation from the West. Journal of the New Economic Association. 2022. no 3 (55). P. 238—244. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-17.

9. Customs statistics of foreign trade of the Russian Federation. URL: <http://stat.customs.gov.ru/> (accessed: 05.02.2023).

10. Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru> (accessed: 05.02.2023).

11. Main Science and Technology Indicators. URL: <http://www.oecd.org/sti/msti.htm> (accessed: 05.02.2023).

UDC 336.717

ECOSYSTEM APPROACH TO TOURISM IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION

*K.K. LEVCHENKO, Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), deputy head of the territorial body of the Russian Foreign Ministry in Sochi
e-mail: lekonst@mail.ru*

Abstract

The article presents the essential characteristics of the concept of «ecosystem», justifies the platform approach to its implementation in the field of tourism. A new concept «Ecosystem quality of tourist services» has been formulated, manifested in the possibility of using digital transformations while preserving the ecological environment of tourist areas. A generalized model of digital transformation in the ecosystem has been developed to activate the tourism sector of the economy.

Keywords: *ecosystem, technological transformations, tourism, ESG strategy, digitalization, digital tour-*

ism, ecosystem model.

References

1. Adomavicius G., Bokstedt J., Gupta A., Kaufman R.J. Technological Roles and Pathways of Influence: An Ecosystem Model of Technology Evolution. Information Technology and Management. 2007. Vol. 8 no. 2. P. 185—202.

2. Kleiner G.B. Ecosystem economics: a step into the future. Economic revival of Russia. 2019. no. 1 (59).

3. Kulikova O.M., Suvorova S.D. Ecosystem: a new format of modern business. Bulletin of the Academy of Knowledge, 2021 no. 42 (1).

4. Levchenko K.K., Levchenko T.P. Development of inbound tourism and its impact on the territory's economy: monograph. K.K. Levchenko, T.P. Levchenko. Moscow: RUSINES, 2021. 116 p.

5. Molchanova V.A. Trends in the innovative development of tourist destinations: «smart destination». Economics and entrepreneurship. 2017. no. 9—3 (86). P. 715—720.

6. Simchenko N.A., Berkovich M.L. Designing an ecosystem for the development of universities in the digital environment. N.A Simchenko. Prospects for science and education. 2021. no. 1 (49).

7. Socio-economic ecosystems in the light of the systemic paradigm. System analysis in economics — 2018: a collection of works of the V International Scientific and Practical Conference. Biennale (November 21—23, 2018).

under the general editor G.B. Kleiner, S.E. Schepetova. Moscow: Prometheus, 2018. P. 5—14.

8. Shkarupeta E.V., Dudareva O.V., Netyaga N.N. Ecosystem development based on the platform concept. Strategic management of digital economy development based on smart technologies. edited by A.V. Babkin. Saint Petersburg, 2021.

9. Ecosystems: approaches to regulation. Report for public consultations of the Bank of Russia. 2021. Official website of the Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (accessed: 07.12.2022).

10. Moore J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition, Harvard Business Review. 1993. Vol. 71. no. 3.

UDC 336.226.44

ENVIRONMENTAL TAXATION OF RUSSIA IN THE «GREEN» ECONOMY

I.I. MATVIENKO, *Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Senior Researcher, Federal Research Center for Comprehensive Study of the Arctic named after Academician N.P. Laverov, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*
e-mail: iim1978@rambler.ru

Abstract

The article discusses the features of environmental («green») taxation in Russia at the present stage. The process of ecologization of taxation in the Russian Federation is lagging behind developed countries, but in recent years, positive trends in the development of environmental taxation in Russia can be observed. The improvement of environmental taxation within the framework of the «green» economy continues through the optimization of taxes, fees and non-tax payments, as well as through state regulation and control of greenhouse gas emissions.

Keywords: *environmental taxation, «green» taxation, «green» economy, environmental taxes, Russian Federation.*

References

1. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law № 145-FZ of 31.07.1998. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3823.

2. Wessely R., Begak M. Ecological taxation: a concept for Russia. Tax policy and practice. 2011. no. 12 (188). P. 40—43.

3. Vylkova E.S., Tarasevich A.L. Environmental taxation as an instrument of sustainable tax policy. News of the St. Petersburg State University of Economics. 2020. no. 1 (121). P. 31—39.

4. Gromov V.V. Ecological taxes: classical and modern understanding of the essence. Economics, statistics and informatics. Bulletin UMO. 2014. no. 4. P. 41—45.

5. Egorova M.A. The main directions of legal regulation of «green» taxation for the purposes of entrepreneurial activity: the experience of foreign countries. Actual prob-

lems of Russian law. 2022. Vol. 17. no. 7 (140). P. 71—79.

6. Nazarov M.A., Orlova D.R. Ecological taxation: Russian and foreign experience. Economics and management: scientific and practical journal. 2020. no. 3 (153). P. 111—116.

7. Tax Code of the Russian Federation. Part 2: Federal Law № 117-FZ of 08.05.2000. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. № 32. Art. 3340.

8. Nobel Prize in Economics 2018. William D. Nordhaus and Paul M. Romer. URL: <http://www.library.fu.ru/exhib.asp?id=315>. (accessed: 21.11.2022).

9. On production and consumption wastes: Federal Law № 89-FZ of 24.06.1998. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 26. Art. 3009.

10. On Environmental Protection: Federal Law № 7-FZ of 10.01.2002. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 2. Art. 133.

11. The main directions of the budget, tax and customs tariff policy for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022 (approved by the Ministry of Finance of Russia). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334706/d9771877f-ceb7291429718520be673066c38e351/ (accessed: 21.11.2022).

12. On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation. Draft federal law dated 13.08.2018 URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/npa_projects/?id_4=3230-o_vnesenii_izmenenii_chasti_per_vuyu_i_vtoruyu_nalogovogo_kodeksa_rossiiskoi_federatsii (accessed: 25.11.2022).

13. On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation. Draft federal law dated 02.10.2018 URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/npa_projects/?id_4=4317-o_vnesenii_izmenenii_v_nalogovyi_

kodeks_rossiiskoi_federatsii_i_nekotorye_zakonodatelnye_akty_rossiiskoi_federatsii (accessed: 25.11.2022).

14. On conducting an experiment to limit greenhouse gas emissions in individual subjects of the Russian Federation: Federal Law № 34-FZ of 06.03.2022. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 10. Art. 1391.

15. On the rate of payment for exceeding the greenhouse gas emission quota as part of the experiment to limit greenhouse gas emissions in the Sakhalin Region: Decree of the Government of the Russian Federation of 18.08.2022 № 1441. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 34. Art. 5990.

16. Ponomareva N.S., Golubtsova E.V. Foreign experience of environmental taxation on the way to a «green» economy. Bulletin of the Russian Economic University. G.V. Plekhanov. 2012. no. 6. P. 41—47.

17. First European Community Action Program for the Environment (1973—1976). URL: <https://wecoop.eu/ru/>

regional-knowledge-centre/eu-policies-regulations/ (accessed: 20.10.2022).

18. Samodelko L.S., Karp M.V. Significance and principles of environmental taxation. Bulletin of the University. 2020. no. 11. P. 141—147.

19. Solnyshkova Yu.N. Development of environmental taxation in the Russian Federation. Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2017. no. 2 (66). P. 87—89.

20. Strategy for the socio-economic development of Russia with a low level of greenhouse gas emissions until 2050, approved by the order of the Government of the Russian Federation of October 29, 2021 № 3052-r URL: <https://docs.cntd.ru/document/726639341> (accessed: 25.11.2022).

21. Environmental Taxation. A Guide for Policy Makers. URL: <https://www.oecd.org/env/tools-evaluation/48164926.pdf> (accessed: 20.10.2022).

UDC 336.14

BUDGETARY RULES: CLASSIFICATION AND PROSPECTS FOR FURTHER APPLICATION

I.M. LYCHEVA, Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor of the Department of World Economy and Financial Management, Belgorod State Technological University. V.G. Shukhov e-mail: licheva_irina@mail.ru

V.A. MOLCHANOVA, Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor of the Department of World Economy and Financial Management, Belgorod State Technological University named after V.I. V.G. Shukhov e-mail: Molchanova_VA@mail.ru

Abstract

Many years of world experience in the application of budgetary rules is a very controversial and ambiguous process of using restrictive mechanisms in budgeting. Over the past three years, the world economy, which has undergone various shocks, has undergone changes in terms of the implementation of fiscal rules, which have caused various kinds of judgments about their adjustments and even abolishment. The article attempts to classify budget rules and, on this basis, consider the need for their further use. The authors come to the conclusion that not the abolition of budgetary rules, but their further regulation will contribute to the sustainability of budgets.

Keywords: *budgetary rule, classification of budget rules, «Dutch disease», budget balance, budget sustainability, budget deficit.*

References

1. Alberto A., Ardanha S., Perotti R., Schiantarelli F. Fiscal Policy, Profit, and Investment,” American Economic Review, 2002, no. 92 (June 3). P. 571—589.

2. Fraga A. Call for new budgetary rules. Finance and Development. 2022. March. P. 14—15.

3. Belousova A.A. New budget rule for 2018-2020. Scientific Bulletin of YIM. 2018. no. 1. P. 67—75.

4. Public external debt of the Russian Federation (2011-2022). URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/external/structure?id_65=69444-gosudarstvennyi_vneshnii_dolg_rossiiskoi_federatsii_2011-2022_gg. (accessed 10.01.2023).

5. State internal debt of the Russian Federation (2020-2022) URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/structure?id_4=93479-tablitsy_ezhemesyachnykh_znachenii_obema_gosudarstvennogo_vnutrennego_dolga_rossiiskoi_federatsii (accessed 10.01.2023).

6. Kudrin A.L., Sokolov I.A. Budget rules as a tool for a balanced budget policy. Questions of Economics. 2017. no. 11. P. 5—28.

7. Financial Rules Dataset 1985—2021. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/FiscalRules/matrix/matrix.htm>.

8. Shvandar K.V., Cherkasov V.Yu., Burova T.F. «Dutch disease»: application of the budget rule and the role of structural reforms. Financial journal. 2017. no. 5(39). P. 20—32.

9. Shmigol' N.B. Budget rules as a tool for achieving financial stability and economic growth. Economics and Management. 2017. no. 1. P. 66—74.

HOUSEHOLD FINANCIAL SECURITY: POVERTY AND SUBSISTENCE LEVEL

*V. I. MILETA, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate professor of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: v.i.mileta@gmail.com*

Abstract

The article examines the concept of poverty in the context of the financial security of a household. Methodological tools for assessing the level of poverty of an individual and a household are considered. The analysis of threshold indicators of poverty, the value of the subsistence minimum in Russia has been carried out. The author's approach for determining the poverty threshold and assessing its level based on a two-criteria model is proposed.

Keywords: financial security of the individual and households, poverty, subsistence level, consumer basket, poverty indicators.

References

1. Draft Law № 28059-8 «On the consumer basket as a whole in the Russian Federation». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/28059-8> (accessed: 12/14/2022).
2. Measuring poverty and social inclusion in the EU: achievements and further improvements. United Nations Economic Commission for Europe. Working Paper 25 of 20 January 2014 URL: https://unece.org/WP25_Eurostat_D_Rus_Fina (accessed:12/14/2022).
3. Kazantsev S.V., Kolpakova I.A. Lev M.Yu., Sokolov M.M. Threats to the development of the economy of modern Russia: price trends, sanctions, pandemic. monograph ed. Ph.D., prof. Lev M.Yu. Moscow: First economic publishing house, P. 2021—2024.
4. Korneichuk B.V. A new methodology for calculating the subsistence minimum: problems of theory and practice. Economic policy. 2021. no. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-metodika-rascheta-prozhitochnogo-minimuma-problemy-teorii-i-praktiki> (accessed: 02/04/2023).
5. Guidelines for measuring poverty. United Nations Economic Commission for Europe, 2017. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECE-CESSTAT20174_en.pdf (accessed:12/14/2022).
6. Senchagov V.K., Ivanov E.A. The structure of the mechanism of modern monitoring of the economic security of Russia. Moscow. 2015. URL: https://inecon.org/docs/Senchagov_Ivanov.pdf (accessed:20.01.2023).
7. Slobodenyuk E., Anikin V. Where is the «poverty line» in Russia? Issues of Economics. 2018. no. 1. P. 104—127. URL: <https://institutiones.com/general/3106-gde-proletaet-cherta-bednosti-v-rossii.html> (accessed:01.14.2023).
8. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed: 02.01.2023).
9. Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» no. 473-FZ dated December 29, 2022 (accessed: February 12, 2023).
10. Federal Law «On the consumer basket as a whole in the Russian Federation» dated December 3, 2012 no. 227-FZ URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 02/12/2023).
11. Blakely T., Kawachi I. What Is the Difference Between Controlling for Mean Versus Median Income in Analyses of Income Inequality? Journal of Epidemiology & Community Health. 2001 Vol. 55. no. 5. P. 352—353. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1731898/> (accessed: 12/18/2022).

THE CONCEPT OF CREDIT RISK MANAGEMENT IN CONDITIONS OF INSTABILITY

*O.M. ERMOLENKO, Candidate of economic sciences (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Analysis, Statistics and Finance, Kuban State University
e-mail: EOM63@yandex.ru*

Abstract

The article discusses the basic concepts of credit risk management. The formed business models in the activities of credit institutions determine the vector of formation of long-term strategies. The management of responsibility centers determines the level of effectiveness of the risk management system as a tool for managing credit risks in the activities of credit institutions.

Keywords: banking sector, credit risks, business models, risk management, responsibility centers.

References

1. On the development of the banking sector of the Russian Federation. Central Bank of the Russian Federation: official website. Moscow. 2022. October. no. 214. URL: https://cbr.ru/banking_sector/statistics/.

2. Meshkova E.D. Improvement of market risk management: hedging and development of risk assessment methods. E.D. Meshkova. Banking. 2015. no. 12. P. 66—71.

3. Zinina M.M. Approaches to the assessment of banking business models and their typology. Economics and Entrepreneurship. 2017. no. 12 (89-1). P. 1313—1316.

4. Bobyl V.V. The modern concept of banking risk management. Bank Bulletin. 2017. no. 6 (611). P. 151.

5. Bank of Russia Ordinance №. 3624-U, dated April 15, 2015 (as amended on April 8, 2020) «On the Requirements for the Risk and Capital Management System of a

Credit Institution and a Banking Group» (together with the «Requirements for Organizing Procedures for Managing Certain Types of Risks») Electronic resource. URL: <https://www.consultant.ru/>.

6. Official website of RBC News - Electronic resource. URL: <https://www.banki.ru>.

7. Oleinikova I.N., Pridachina A.A. Credit risk management system in commercial banks. Bulletin of the Taganrog Institute of Economic Management. 2018. no. 1. P. 110—115.

UDC 65.012.43

MANAGEMENT BY OBJECTIVES AND MANAGEMENT BY MEANINGS AS ALTERNATIVE MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATIONAL ECONOMY

*N.A. SHIBAEVA, Doctor of economic sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and State Management, Orel State University named after I.S. Turgenev
e-mail: n.shibaeva@mail.ru*

Abstract

In the new economic conditions, characterized by uncertainty, volatility and anxiety, the paradigm of social management is changing, requiring management to search for new adaptive technologies that maximize profits or other beneficial effects from activities. According to the author, the effectiveness of the use of management technology by objectives is declining today, while regular management, which involves management by meanings based on values, can become an alternative.

Keywords: regular management, management by meanings, values, management by objectives, key indicators.

References

1. State University as a factor of formation and realization of human capital in the strategy of national development of Russia: monograph. under the general editorship

of A.M. Lyalin. Moscow: State University of Management, 2007.

2. Pospelov I.G. New phenomena require new models: economics of diversity. Modernization and innovative development of economic systems: a collective monograph. Ed. V.M. Matyushka. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2014. P. 380—384.

3. Regular management: features of the introduction of the new system. Premium Management life textbook. URL: <https://premiummanagement.com/blog/reguljarnyj-management>.

4. Serebryakova G.V., Nezamaykin I.V. Models of organization development management: monograph. Chelboksary: LLC «Publishing house «Sreda». 2022. P. 6—38.

5. Kharskiy K.V. Value management. Corporate culture management. 2009. no. 2. P. 130—137.

6. Shibaeva N.A. Theory and practice of application of the method of program-target management of regional development. Drucker's Bulletin. 2017. no. 2 (16). P. 159—166.

UDC 303, 338.46, 366.1, 379.8

GENERATIONAL APPROACH IN MODERN HOTEL SERVICE

*R.T. TIMAKOVA, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Tourism Business and Hospitality, Ural State University of Economics, Professor of the Department «Management in Social and Economic Systems, Philosophy and History», Ural State University of Railways
e-mail: trt64@mail.ru*

Abstract

A key factor in the success of the development of the hospitality industry is a personalized approach to the needs of each individual. The development of a preference matrix according to the marketing mix 7P allowed

us to develop basic approaches to the expectation of the quality of hotel service: for generations A, Z and Y — high requirements for modern service technologies are a priority, for generation X — independence in choosing services, for baby boomers — quality stability and for people with disabilities — an individual trajectory.

Keywords: theory of generations, hotel service, technology, marketing mix 7P.

References

1. Voronina L.A., Shaposhnikov A.M. The main trends of consumer behavior in the conditions of the coronavirus pandemic. *Economics: Theory and Practice*. 2020. no. 2 (58). P. 23—30.
2. Goncharova N.L. Servicological approach to the formation of services for persons older than working age. *Business. Education. Right*. 2020. no. 4(53). P. 164—169. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.53.422.
3. Dvoryadkina E.B., Prostova D.M. Regional strategic development priorities and socially oriented non-profit organizations. *Manager*. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 106—119. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-4-8.
4. Karpova A.S., Pasko O.V. The study of the modern view of millennials on accommodation facilities and the analysis of the further path of development in the conditions of the COVID-19 pandemic. *Tourism industry: opportunities, priorities, problems and prospects*. 2020. Vol. 18. no. 1. P. 134—141.
5. Klimenko T.I. Project approach in the field of hotel service on the example of the sanatorium «Foros wellness & park». *Issues of balneology, physiotherapy and therapeutic physical culture*. 2021. vol.98. no. 3—2. P. 84—85. DOI: 10.17116/kurort20219803221.
6. Kononova E.E., Makusheva O.N. Portrait of a consumer of a hotel product. *Service plus* 2022. Vol. 16. no. 2. P. 129—141. DOI: 10.5281/zenodo. 6964566.
7. Kuracheva M.E. A new look at apartments with hotel service: service features and prospects for development in modern conditions. *Tourism industry: opportunities, priorities, problems and prospects*. 2020. Vol. 18. no. 1. P. 147—152.
8. Mechetnaya E.S. Quality service as a tool for managing the competitiveness of a hotel enterprise. *Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*. 2020. Vol.14. no. 2—1. P. 125—130.
9. Ozhiganova E.M. Theory of generations by N. Homans and V. Strauss possibilities of practical application. *Business education in the knowledge economy*. 2015. no. 1. P. 94—97.
10. Rakhimbekova Zh.S., Klimova T.B., Zalucheno-va O.M., Lipovka A.V. Investigation of the degree of customer satisfaction with hotel services during COVID. *Bulletin of the University of Turan*. 2021. no. 4 (92). P. 161—169. DOI: 10.46914/1562-2959-2021-1-4-161-169.
11. Rosstat Statistical Bulletin for the World Tourism Day-2022 URL: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tourism_2022.pdf (accessed: 15.01.2023).
12. Stepanova S.A., Nikolaev A.V., Skobeltsyna A.S. Innovations in the hotel business in the conditions of changing consumer behavior during the pandemic. *Problems of modern economics*. 2021. no. 4 (80). P. 164—167.
13. Timakova R.T., Pyankova S.G. Industrial tourism as a tool for sustainable development of the Ural microregion. *Scientific works of the VEO of Russia*. 2022. Vol. 236. P. 329-344. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-329-344.
14. Timakova R.T., Iliukhina Iu.V. Modern trends of sustainable development of the «accessible environment» in railway transport. *Vestnik VSUIT*. 2022. Vol. 84. no. 1 (91). P. 410—417. DOI: 10.20914/2310-1202-2022-1-410-417.
15. Khabibulina A.R., Vishnevskaya E.V. Development of a system of criteria for assessing the level of tourist service of urbanized space. *Scientific result. Business and service technologies*. 2020. Vol. 6. no. 3. P. 3—13. DOI: 10.18413/2408-9346-2020-6-3-1.
16. Chelyshkova A.S. Sensory marketing as an innovation in the hotel service industry. *Modern School of Russia. Modernization issues*. 2021. no. 4—1 (36). P. 144—146.
17. Cirillo A., Maggi B., Sciascia S., Lazarotti V., Visconti F. Exploring family millennials' involvement in family business internationalization: who should be their leader? *Journal of family business strategy*. 2021. P. 100455. DOI:10.1016/j.jfbs. 2021/100455.
18. Mironova O.A., Bogdanova R.M., Khvoevskaya L.I., Yarovaya N.S., Tkacheva O.A. Using generational theory as an innovative direction of human resource management. *Business 4.0 as a subject of the digital economy*. Cham. Springer. 2022. P. 229—233. DOI: 10.1007/978-3-030-90324-4 38.
19. Zopiatis A., Kapardis M.K., Varnavas A., Pavlou I. Generational Differences in the Hospitality Industry: An issue of concern? *International CHRIE Conference-Refereed Track*, 2011, vol. 4. ICHRIE_2011.

UDC 339.138

THE ROLE OF THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF THE MARKETING ECOSYSTEM OF MEDICAL BUSINESS IN RUSSIA

L.A. VORONINA, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Professor of World Economy and
Management Department, Kuban State University
e-mail: labvectorplus@gmail.com

V.I. KHORUZHIN, master student of World Economy
and Management Department, Kuban State University
e-mail: vladkhoruzhin260399@mail.ru

Abstract

Digitalization and the using of artificial intelligence

technologies enable businesses to automate marketing processes at all stages of CJM. This leads to a reduction in the time for their implementation, the elimination of er-

rors that occur in medical institutions, and enables the business owner to monitor the quality of employees' work in making effective management decisions. However, AI also has restrictive barriers on the part of the consumer of medical services, which requires the creation of a new effective digital marketing ecosystem.

Keywords: *artificial intelligence in marketing, medical business marketing, modern tools of sales development, marketing research, ecosystem, medical business.*

References

1. Abramov A.Yu., Kicha D.I., Rukodayny O.V. The category of marketing relations in medical organizations. Bulletin of the RUDN University. Series: Medicine. 2018. P. 61—65.
2. Bozhuk S.G. Marketing research: textbook for universities. S.G. Bozhuk. 2nd ed., corr. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. P. 112—116.
3. Golubkov E.P. Marketing for professionals: practical course: textbook and workshop for bachelor's and master's degree. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. P. 82—84.
4. Golubkova E.N. Integrated marketing communications: textbook and workshop for universities. 3rd ed., re-

print. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. P. 34—44.

5. Egorov Yu.N. Marketing Management: textbook. Moscow: INFRA-M, 2020. P. 121—122.

6. Artificial intelligence in advertising: reality and prospects. URL: https://sbermarketing.ru/news/artificial_intelligence/ (accessed: 25.11.2022).

7. How to use artificial intelligence in marketing. URL: <https://youscan.io/ru/blog/artificial-intelligence-in-marketing/> (accessed: 21.12.2022).

8. Kotler Ph., Kartajaya H., Setiawan I. Marketing 4.0. Turning from traditional to digital. Technologies of promotion in the Internet. Bombora, 2022. P. 25—29.

9. Kuzmina E.E. Marketing: textbook and workshop for universities. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. P. 84—88.

10. New IT opportunities for a medical clinic. URL: <https://steos.io/ru/business/applications/healthcare-ru.html> (accessed: 25.11.2022).

11. Romanova Yu.D., Vokina S.G., Gerasimova V.G. Information technologies in management. Textbook and workshop. Moscow: Yurayt. 2020. P. 55—59.

12. Farakhutdinov Sh.F. Modern trends and innovative methods in marketing research: a textbook. Moscow: INFRA-M, 2021. P. 29—35.

UDC 339.9

A NEW PERSPECTIVE ON THE DEVELOPMENT OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS IN MODERN INTEGRATION PROCESSES

*J.V. DRAMARETSKAYA, Candidate of economic sciences (Ph. D.), Associate professor of World Economy and Management Department, Kuban State University
e-mail: yana-dsxn@mail.ru*

Abstract

Today, foreign economic relations in the countries of the world economy are changing under the influence of various factors. The peer-reviewed monograph examines the relationships between countries with different levels of economic development, proposes a model of foreign economic relations of the EAEU countries. Special attention is

paid to the development of the international economic order in the context of external challenges and threats.

Keywords: *integration processes, mutual trade, foreign economic relations, European Union, challenges and threats, Eurasian Economic Union, geostrategic economic bloc.*

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

в журнале «Экономика: теория и практика»

Уважаемые авторы!

В журнале публикуются научные статьи по актуальным проблемам мировой и российской экономики, экономической теории, финансов, менеджмента, маркетинга, логистики и предпринимательства. К изданию принимаются только ранее неопубликованные статьи на русском языке, не представленные к рассмотрению в другие журналы.

Журнал выходит 4 раза в год. Сроки приёмов статей:

- в № 1 — до 15 февраля;
- в № 2 — до 15 мая;
- в № 3 — до 15 сентября;
- в № 4 — до 15 ноября.

Сроки приёма статей могут быть сокращены редакцией при досрочном достижении предельного объёма номера журнала.

В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора.

Статьи, публикуемые в журнале «Экономика: теория и практика», проходят обязательное рецензирование (подробнее в «Положении о рецензировании»), тестируются на оригинальность текста программой «Антиплагиат». Рекомендуемый уровень — не менее 90 %.

Максимальный объём статьи — 40 тыс. знаков, включая пробелы (1 п. л.), минимальный — 0,5 п. л. (10 стр. А4).

Статьи публикуются только при положительной рецензии. Публикации платные. Плата за издательско-редакционные услуги — 600 р. за страницу формата А4, оформленную по требованиям редакции. Оплата производится через Сбербанк РФ по договору, высылаемому автору при включении статьи в очередной номер.

Плата за публикацию не взимается с:

- аспирантов очной формы обучения (бюджет) при предоставлении оригинала справки из отдела аспирантуры вуза;
- членов редакционного совета, редакционной коллегии и редакции журнала «Экономика: теория и практика».

Представленные статьи должны включать: индекс УДК, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, основной текст публикуемого материала, список литературы (*прил. 1*).

Сведения об авторах должны содержать следующие элементы (*прил. 2*).

Аннотацию помещают перед текстом рукописи после заглавия и сведений об авторе(ах). Объём аннотации не более 500 печатных знаков, включая пробелы. Ключевые слова (5—7) помещают отдельной строкой после аннотации перед текстом статьи. Ключевые слова приводятся в именительном падеже.

Библиографический список (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи и должен соответствовать ГОСТ Р 7.0.5–2008 (*прил. 3*). Ссылки на источники оформляются по тексту в квадратных скобках. Постраничные ссылки на источники не допускаются.

Название статьи, сведения об авторах, аннотация, ключевые слова и список литературы на английском языке представляются в конце статьи.

Статьи должны быть подготовлены в текстовом редакторе Word в формате А4. Параметры страниц: все поля — 2,0 см; ориентация — книжная; шрифт — Times New Roman, выравнивание — по ширине; кегль — 14; межстрочный интервал — 1,5; абзацный отступ — 1,2 см. Автоматический перенос, зона переноса — 1 см, максимальное число переносов подряд — 3. Таблицы и формулы набираются в редакторе Word. Рисунки и графики, созданные в Word, группируются, представляются только в черно-белом варианте. Иллюстрации представленные в форматах *.bmp, *.jpg, *.png, *.tif должны иметь разрешение не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Статьи направлять в электронном виде: *Фамилия автора_статья.doc* и *Фамилия автора_анкета.doc* по адресу e-mail: econ_tp@mail.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных требований редакцией не рассматриваются.

Редакция

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 336.717

**МИРОВАЯ ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА КАК ИСТОЧНИК
СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Э.Н. Терещенко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет

e-mail: yourn@yourmail.ru

А.А. Иванова, аспирант кафедры финансов и кредита, Кубанский государственный университет

e-mail: yourn@yourmail.ru

Аннотация

В статье выявляются проблемы действующей валютной системы, обосновывается необходимость её реформирования. Рассматриваются варианты новой мировой валюты, основанные на различных принципах. Показывается, что ни СДР, ни национальные, ни коллективные валюты не способны выполнять роль мировой резервной валюты. Авторы приходят к выводу, что настоящий кризис является затяжным и будет преодолен только переходом мировой экономики к новой валютной системе.

Ключевые слова: мировая валютная система, трансформация, финансовый кризис, резервная валюта, национальная валюта.

ТЕКСТ СТАТЬИ**Библиографический список**

1. Ильишева Н.Н., Ильменская А.В. Применение консолидированной отчётности по РПБУ для оценки результатов деятельности банковской (консолидированной) // Международный бухгалтерский учёт. 2009. № 2. С. 37—41.
2. Письмо Банка России от 07.05.2008 № 15-1-3-16 / 2271 «Об оценке кредитных рисков в банковской группе» на запрос Ассоциации российских банков от 20.03.2008 № А-02/5-166.
3. Прудникова А.А. Инвестиции в условиях открытой экономики // Проблемы прогнозирования. 2007. № 3. С. 140—146.
4. Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ / под ред. Дэвида Г. Тарра. М.: Весь Мир, 2006.
5. Указание Банка России от 16.01.2004 № 1376-У «О перечне, формах и порядке составления и представления форм отчётности кредитных организаций в Центральный Банк Российской Федерации», зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2004 № 5488.

UDC 336.717

WORLD CURRENCY SYSTEM AS A SOURCE OF THE MODERN ECONOMIC CRISIS

E.N. Tereshchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of chair of World economy, Kuban State University

e-mail: yourn@yourmail.ru

A.A. Ivanova, graduate student of chair the Finance and the credit, Kuban State Agrarian University

e-mail: yourn@yourmail.ru

Abstract

The article identifies the problems of action-ing of the monetary system, justifies the need for reform. Are examined options for a new world currency based on different principles. Being shown that neither the SDR nor national, nor the collective currency is not able to perform the role of world reserve currency. The authors conclude that the present crisis is-etsya lengthy and will be overcome only move the world economy to a new monetary system.

Keywords: *world monetary system, transformation, financial crisis, reserve currency, national currency*

References*

1. *Ilysheva N.N., Ilmenskaya A.V.* Using the consolidated financial statements prepared in accordance with Russian Accounting Standards for the value of the financial results of the Bank (consolidated) Groups. J. International Accounting, 2009. no. 2. pp. 37—41.
2. Bank of Russia (2008). №15-1-3-16/2271 Letter of the Central Bank of Russian Federation «On the value of credit risks in the Bank (consolidated) Group», for the request of Russian Banks Association №A-02/5-166 dated 20.03.2008. Central Bank of Russian Federation, Moscow, Russia.
3. *Prudnikova A.A.* Investing in an open economy. J. Problems of Forecasting, 2007. no. 3. pp. 140—146.
4. Trade policy and the importance of accession to the WTO for the development of Russia and CIS countries. David G. Tarr (ed.). Moscow, All World, 2006.
5. Bank of Russia (2004) № 1376-U Direction of the Bank of Russia. «On the List, Forms and Procedure of Drawing up and Submission of the Forms of Reports of Credit Organizations to the Central Bank of the Russian Federation», Central Russian Federation, Moscow, Russia.

* Обращаем внимание, что в библиографических записях (References) не используются разделительные знаки («//» и «—»).

В редакцию журнала
«Экономика: теория и практика»
от автора(ов)
Фамилия, Имя, Отчество

Направляю(ем) статью «**Управление инвестиционными финансовыми потоками холдинга**» для публикации в журнале «Экономика: теория и практика».

Статья ранее не публиковалась. В другие журналы на рассмотрение не представлена.

С публикационной этикой журнала ознакомлен(ы). С условиями публикации согласен(ны).

Против воспроизведения данной статьи в других средствах массовой информации (включая электронные) не возражаю(ем).

На гонорар не претендую(ем).

В случае публикации статьи авторские экземпляры журнала прошу(сим) выдать в редакции журнала (выслать по адресу: индекс, город, улица, дом, квартира).

Дата **Ф.И.О. автора(ов)**

АНКЕТА АВТОРОВ

1. Фамилия Имя Отчество;
2. Место работы (учёбы) (для аспирантов форма обучения, для магистрантов — программа и курс);
3. Должность;
4. Учёная степень;
5. Учёное звание;
6. Почтовый адрес (с индексом);
7. Тел. дом.
8. Тел. моб.
9. e-mail

Дата *Подпись*

**ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК
в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка.
Общие требования и правила составления»**

Статья в журнале

Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. 2010. № 3 (50). С. 7—26.

Книга, монография

Мотовилов А.Н., Погодина Р.Ф. Инвестиционный потенциал региона. СПб.: Питер, 2015. 180 с.

Диссертация

Кудрявцев Ю.Н. Совершенствование механизма стимулирования инвестиционной активности промышленных предприятий: дис. ... д-ра экон. наук. М.: ВШЭ, 2011. 345 с.

Автореферат диссертации

Андреев С.В. Совершенствование налогового стимулирования малого инновационного предпринимательства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: ВШЭ, 2012. 40 с.

Тезисы доклада

Владимирова А.П. Факторы, влияющие на экономическую безопасность региона // Тезисы докладов V Международной научно-практической конференции. М.: МГУ, 2010. С. 253—259.

Переводное издание

Кэмпбелл В.Ф. Инвестиционная стратегия корпорации в условиях глобализации: пер. с англ. М.: Экономика, 2014. 282 с.

Раздел книги

Нечаев А.Б. Методика оценки инвестиционной привлекательности предприятий // Инвестиционная привлекательность предприятия. М.: Экономика, 2011. С. 12—34.

Раздел отдельного тома многотомного издания

Иванов С.В. Управление маркетинговыми инновациями // Управление инновациями. М.: Прогресс, 2012. Т. 2. С. 120—163.

Издание, не имеющее индивидуального автора

Малое предпринимательство в России. М.: Росстат, 2012. 120 с.

Электронные ресурсы

Реестр региональных организаций, образующих имущественную инфраструктуру поддержки МСП. URL: <http://corpmsp.ru/infrastruktura-podderzhki/imushchestvennaya-infrastruktura> (дата обращения: 15.05.2020).